

Pen A-1169
-165

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ALUSTATUD 1893. a.

VIHİK 165

ВЫПУСК

ОСНОВАНЫ в 1893 г.

ТРУДЫ ПО ФИЛОСОФИИ

VIII

ТАРТУ 1965

Per. A-1169
-165

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ

ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ALUSTATUD 1893. a.

VIHİK 165 ВЫПУСК

ОСНОВАНЫ В 1893 г.

ТРУДЫ ПО ФИЛОСОФИИ

VIII

ТАРТУ 1965

P1

Tartu Riikliku Ülikool

Raamatukogu

49895

О ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИХ КОРНЯХ ИДЕАЛИЗМА

Я. Ребане

Основой для рассмотрения вопроса о гносеологических корнях (гносеологических условиях возникновения) идеализма являются известные положения основоположников марксизма-ленинизма. Их суть можно коротко резюмировать так: идеализм есть одностороннее, преувеличенное развитие, абсолютизация какой-нибудь из сторон познания, противопоставление ее объективной реальности¹.

В учебной литературе это положение конкретизируется обычно следующим образом: объективный идеализм преувеличивает, абсолютизирует роль понятий, абстрактного мышления; субъективный идеализм — роль восприятий, ощущений. В целях философской пропедевтики такая интерпретация по схеме: объективный идеализм — абстрактное мышление; субъективный идеализм — чувственное отражение — в известной мере целесообразна. Она применима к идеализму Платона или Беркли, на примере которых обычно на начальной стадии обучения разъясняется сущность объективного и субъективного идеализма. Но ее невозможно применить уже к кантовскому учению об априорных логических категориях (она дала бы здесь вывод: априоризм Канта = абсолютизации логических структур = объективному идеализму), не говоря уже о многих современных идеалистических учениях.

Вместе с тем, нетрудно заметить, что вышеприведенная интерпретация гносеологических корней идеализма в какой-то мере опирается на локковскую схему абстракции (и познания вообще). Но в локковской схеме, как уже многократно указывалось в марксистской литературе последних лет, отражаются только некоторые моменты сложного, многостороннего, диалектического процесса познания.

Поэтому естественно, что при рассмотрении конкретных идеалистических систем вопрос о гносеологических корнях тре-

¹ См. В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 29, стр. 321—322.

бует дальнейших уточнений.² В качестве примеров таких уточнений можно привести ссылки на связь тех или иных форм идеализма с абсолютизацией эмпирических знаний, формально-логических операций, роли языка и знаковых систем в познании, отдельных сторон практической деятельности, с неправильным пониманием диалектики отдельного и общего, явления и сущности, случайного и необходимого и т. д.

Целью настоящей статьи не является составление перечня всех моментов познания, абсолютизацию которых можно рассматривать в качестве гносеологических причин идеализма. Таких моментов много, и дать их полный перечень практически невозможно. Кроме того, история философии знает примеры их разнообразных, порою самых неожиданных сочетаний. Поэтому, применяя общее марксистское положение о гносеологических корнях идеализма к анализу тех или иных идеалистических систем, целесообразно придерживаться следующих принципов: 1. Гносеологические корни идеализма надо выяснять путем сопоставления конкретных философских учений с непрерывно развивающимися научными знаниями о реальном процессе познания. 2. Общие схемы, указывающие на гносеологические корни идеализма, методологически полезны, они облегчают исследование, но их нельзя ни в коем случае канонизировать. Ведь схема «абстрактное-чувственное» сама по себе не неверна, но она (как и любая другая схема) применима только в определенных пределах. 3. Действительные, конкретные гносеологические корни тех или иных идеалистических учений не следует смешивать с нашими знаниями о них. Дальнейшее развитие науки, развитие самой марксистской теории познания позволяет все глубже вскрывать гносеологические корни идеалистических учений. Особенно важное значение имеет это обстоятельство в борьбе против современных буржуазных философских теорий, являясь, вместе с тем, одним из доводов в пользу недостаточности т. н. принципа «имманентной критики».

Коренное отличие марксистской теории познания от домарксистских материалистических учений состоит не только в органическом соединении материализма с диалектикой, но и в единственно правильном понимании социальной сущности человеческого познания. В этом обнаруживается неразрывное единство диалектического и исторического материализма, единство, которое в силу практических, в первую очередь

---

² Ряд аспектов проблемы затронут, например, в работе Б. М. Кедрова «Единство диалектики, логики и теории познания» (М., 1963).

дидактических, а также исследовательских задач зачастую оказывается отодвинутым на задний план.

Последовательный учет социальной природы познания позволяет дать также и правильную характеристику субъекта познания. Субъектом познания является не индивид как биологическое существо (антропологизм), а конкретный, реальный человек, социальное существо, и через него — человечество в своем историческом развитии.

В наше время наука твердо установила, что любой акт познания есть процесс получения и переработки информации. Конечно, современными методами можно с информационной стороны моделировать только отдельные фрагменты познавательных процессов. Более того, даже в том случае, когда информация понимается в наиболее широком смысле (как структурная информация), информационный аспект отнюдь не охватывает всех сторон отражения действительности сознанием. Тем не менее, именно на основе учета информационной стороны отражения достигнуты наиболее важные результаты в деле практического и теоретического моделирования отдельных фрагментов процесса познания. Учет информационной стороны позволяет сформулировать важный для теории познания закон, согласно которому мозг, как и любая другая, осуществляющая целесообразный отбор система, может осуществить его только на основе полученной информации. Очевидно, правы исследователи, считающие, что этот закон в будущем развитии науки и техники приобретет такое же значение, как физические законы сохранения.³

С другой стороны, при обсуждении ряда важнейших проблем, относящихся к сфере определения перспектив развития современной науки (напр., вопрос «машинного мышления», соотношения «машинной» и «человеческой» логики, вопрос о количестве информации, которой пользуется мозг человека, вопрос о разумной жизни в других частях вселенной и т. д.), очень ярко обнаруживается необходимость учета марксистского тезиса о социальной природе познания.⁴

Что именно следует иметь в виду, когда речь идет о связи между марксистской теорией познания и наиболее общими данными теории информации? Как нам кажется, можно выделить

---

³ См., напр., У. Р. Эшби, Что такое разумная машина, «Наука и жизнь», 1962, № 8.

⁴ «Человек не может жить — «мыслить» вне общества, так же, как он не мог бы существовать вне материи, энергетических полей и их взаимодействия... Информационный вакуум для живого существа — смерть. Но информация эта имеет двойкий характер, вернее — источники, одинаково важные: природу и взаимодействие с членами общества. Это взаимодействие в процессе труда и породило мышление и сознание». (А. Берг, Э. Кольман, В. Пекелис, Перед началом дискуссии, Сб. «Возможное и невозможное в кибернетике», М., 1963, стр. 8).

три группы факторов, отличающих социальную форму движения от биологической с точки зрения передачи прошлой информации. (I) Для биологического вида прошлый опыт закодирован в организмах представителей данного вида. С появлением социальной формы движения появляется новый тип накопления и передачи прошлой информации — вне биологических структур организма, в специальных социальных средствах (орудия производства, язык, социальные отношения). Благодаря этому, несравненно расширяются возможности сохранения прошлого опыта, эволюция становится ускоренной. (II) В самом организме все большую роль начинают играть прижизненно образующиеся системы нервных связей («функциональные органы»), складывающиеся под влиянием социальной среды. (III) На определенной ступени развития, как результат длительной предшествующей эволюции на основе факторов 1-ой и 2-ой группы, возникает сознание, и множество информационных процессов начинает осуществляться на уровне сознания.

Для гносеологии это означает, что процесс познания осуществляется не только в системе «биологически унаследованный мозг — окружающая биосфера», но и (а это главное) в системе «социально запрограммированный мозг — ноосфера (преобразованная человеком среда)».

Проводя аналогию с обобщенным естественно-научным понятием памяти (напр., память организма, а не только сознания или мозга), можно термином *общественная память*⁵ обозначить накопленную в ходе исторического развития человечества информацию, количественную и качественную совокупность результатов практической и познавательной деятельности, передаваемых из поколения в поколение с помощью небιологических, социальных средств. Указанная информация является основой индивидуального и общественного познания на каждом конкретном этапе развития человечества. Поскольку человечество — это не сумма отдельных людей, а сложнейший социальный организм, то, говоря об «общественной памяти», следует отличать не отдельного человека или сумму людей от материальных условий их жизни, а (I) специфические социальные средства, с помощью которых передается информация, и (II) ту инфор-

⁵ Этот термин употреблялся уже в советской литературе в значениях, близких к настоящему. «В состав представления входит то, что удержано в общественной памяти, в формах этой общественной памяти. А такой формой является прежде всего речь, язык» (Э. В. Ильенков, *Диалектика абстрактного и конкретного* в «Капитале» Маркса, М., 1960, стр. 18).

Отличие вида разумных существ «от любого другого заключается в том, что кроме накопленной биологической наследственной информации, биологической «памяти», этот вид передает последующим поколениям информацию, записанную вне организма и являющуюся общим достоянием». (Обзор мнений о книге И. С. Шкловского «Вселенная, жизнь, разум», «Природа», 1963, № 12, стр. 86).

мацию, которая передается с их помощью. Первая сторона выступает в таком случае в качестве носителя общественной памяти, вторая — составляет «содержание» общественной памяти.

Размеры настоящей статьи не позволяют подробно анализировать механизмы и содержание общественной памяти. Попытаемся только в наиболее общих чертах наметить их.

Носители (механизмы, каналы) общественной памяти можно представить по следующей схеме.

1. Реальный, исторически-конкретный человек как общественное существо. Его можно рассматривать в различных качественных аспектах. С точки зрения материального носителя общественной информации решающим является социально запрограммированный мозг, «функциональные органы» нервной деятельности. Человеку как общественному существу принадлежит центральное место в функционировании всех других носителей общественной памяти.

2. Орудия производства и овеществленные результаты человеческого труда, материальная культура в целом.

3. Язык — как естественный язык, так и различные его модификации.

4. Возникающая на основе производственной деятельности система объективных общественных отношений.

От материальных носителей общественной информации надо отличать саму передаваемую информацию, которая составляет содержание общественной памяти. По-видимому, здесь возможны различные варианты анализа. С точки зрения теории познания можно содержание общественной памяти расчленить таким образом:

1. Накопленные знания.

2. Логическая структура мышления, понимаемая в самом широком смысле (включая мыслительные операции, категориальную структуру, математический аппарат и т. д.). Она, как правило, не является сама по себе знанием, а становится им только в результате дополнительного исследования.

3. Формы общественного сознания.

Мы не будем здесь рассматривать качественное многообразие, взаимосвязь, взаимодействие, переходы и т. д. выделенных функциональных компонентов. Отметим только, что ввиду громадного качественного многообразия явлений общественной памяти термин «информация», примененный к общественной памяти в целом, приобретает ряд новых оттенков, по сравнению с его значением в кибернетике. В то же время надо считать принципиально возможным применение методов измерения количества информации к любому отдельному фрагменту общественной памяти.

Попытаемся теперь, исходя из вышеуказанного понимания общественной памяти, охарактеризовать гносеологические корни идеализма. Как уже отмечалось в начале статьи, реальные гносеологические корни идеалистических извращений многообразны, поэтому речь может идти только о некоторых дополнительных моментах, связанных с особенностями общественного процесса познания и играющих, на наш взгляд, немаловажную роль в общем комплексе гносеологических условий возникновения идеализма. Подчеркивание этих моментов имеет крупное значение в наше время. Очень часто (это относится, прежде всего, к современным буржуазным эмпирическим направлениям) агностические и идеалистические выводы буржуазных философов базируются отнюдь не на игнорировании данных антропологии, физиологии и т. д., а на отказе рассматривать человека как социальное существо в материальной социальной среде. Гносеология смыкается здесь с социологической проблематикой, с борьбой между материалистическим и идеалистическим пониманием истории. Конечно, когда общие идеалистические выводы на основе игнорирования социальной сущности познания уже получены, они могут быть, в свою очередь, превращены в исходную точку рассмотрения.

Итак, к явлениям, которые обычно рассматриваются как гносеологические корни объективного и субъективного идеализма, можно отнести также неправильную трактовку роли прошлой социальной информации (общественной памяти). Идеалистические извращения состоят, с этой точки зрения, в следующем. Как рационалистические, так и эмпирические направления вынуждены объяснять процесс познания, исходя только из индивидуального сознания, что оказывается невозможным.⁶ Во всех случаях образуется необъяснимый «остаток», относящийся либо к содержанию общественной памяти, либо к ее механизмам, каналам. Этот «остаток» и становится предметом идеалистических спекуляций.

В отношении созерцательно-эмпирических направлений это обстоятельство выступает вполне очевидным образом. Это неизбежно вытекает из методологических принципов (изолированный индивид + интроспекция), которыми пользовался Локк и которые, явно или неявно, составляют основу методологии современного буржуазного эмпиризма. Но то, что у Локка было только непоследовательностью, отступлением от материалистической теории познания, в современных условиях ведет к агностицизму, априоризму, субъективизму.

В отношении рационализма на первый взгляд кажется, что

---

⁶ Это обстоятельство, в связи со спором «трансцендентальной» и «натуралистической» концепций в понимании коммуникативного процесса, подробно анализируется А. Шаффом в работе «Введение в семантику» (М., 1963, стр. 133—152).

он игнорирует индивидуальное познание или, во всяком случае, отодвигает его на задний план. Это соответствует действительности, если иметь в виду само содержание рационалистических учений. Однако содержание идеалистических учений не тождественно с причинами, порождающими данное содержание.

Действительное соотношение индивидуального и общественного познания может быть раскрыто только на основе материалистического понимания общества. Поэтому для рационализма невозможность объяснения процесса познания на основе индивидуального познания выступает как бы в перевернутом виде: идеалистический рационализм обращается к «идеальным сущностям», к «врожденным идеям» и т. д., онтологизируя в той или иной мере содержание общественной памяти (понятия-знания, логическую структуру, формы общественного сознания).

Естественно, что деление на эмпиризм и рационализм не охватывает всего многообразия идеалистических систем. Можно ли, например, с точки зрения общественной памяти рассматривать гносеологические корни иррационалистических направлений? Кажется, что да. В порядке постановки вопроса можно сослаться на связь фрейдизма⁷ или интуиционизма с тем обстоятельством, что не вся общественная информация, которая используется для обработки поступающих данных, передается в виде знаний, или на связь экзистенциализма с абсолютизацией отдельных моментов в формах общественного сознания, их роли в познании и деятельности человека.

Попытаемся проиллюстрировать приведенные общие положения на примере некоторых конкретных идеалистических концепций. При этом приходится ограничиваться только констатацией связи между рассматриваемым учением и неправильной трактовкой общественной памяти, не претендуя на исчерпывающий анализ такой связи и — это надо особенно подчеркнуть — считая, что выделяемая сторона является только одним звеном в цепи общих гносеологических условий, вызвавших появление той или иной формы идеализма.

Глубокое понимание процесса общественного познания имеется у Гегеля. Но он онтологизирует содержание общественной

⁷ Очень наглядно это выступает, например, в учении «психоаналитика» К. Г. Юнга об архетипах (Archetypen). Согласно этой модификации фрейдизма, в сфере бессознательного существуют некие надличные идеальные сущности, образные символы (архетипы). Эти сущности воплощаются в сновидениях и психических комплексах индивидуумов, являясь древнейшим ядром психики. Архетипы представляют собою «коллективное, бессознательное». «Принадлежат архетипы к природной основе человека, или же они являются априорно-духовным? ... Ответ гласит: архетипы соотносятся как с природным, так и с духовным», пишет ученик Юнга Ф. Зейферт (Friedrich Seifert, Seele und Bewusstsein. München-Basel, 1962, S. 298). Но в дальнейшем оказывается, что архетипы являются «природными» только в смысле идеалистически понимаемого инстинкта, а в целом они представляют собою нечто аналогичное платоновским идеям (там же, S. 301).

памяти, превращает его в духовную субстанцию. Борясь против учения Канта, где проблема передаваемых из поколения в поколение знаний и логических принципов решается посредством априоризма, антиисторично, Гегель настаивает на их историческом развитии. Это основная идея как «Феноменологии духа», так и «Логик». Вот одна из характеристик индивидуального и общественного в познании в «Феноменологии духа»: «Отдельный индивид есть несовершенный дух, некоторый конкретный образ, во всем наличном бытии которого доминирует одна определенность, а от других имеются только расплывчатые черты. ... Отдельный индивид должен и по содержанию пройти ступени образования всеобщего духа, но как формы, уже оставленные духом, как этапы пути, уже разработанного и выравненного; таким образом, относительно познаний мы видим, как то, что в более ранние эпохи занимало зрелый дух мужей, низведено до познаний, упражнений и даже игр мальчишеского возраста, и в педагогических успехах мы узнаем набросанную как бы в сжатом очерке историю образованности всего мира. Это прошлое наличное бытие — уже приобретенное достояние того всеобщего духа, который составляет субстанцию индивида и, таким образом являясь ему внешне, — его неорганическую природу. — В этом аспекте образование, если рассматривать его со стороны индивида, состоит в том, что он добывает себе то, что находится перед ним, поглощает в себя неорганическую природу и овладевает ею для себя. Со стороны всеобщего духа как субстанции образование означает только то, что эта субстанция сообщает себе свое самопознание, т. е. порождает свое становление в свою рефлексию в себя»⁸ (разрядка моя. — Я. Р.).

В системе «духовных связей» материальные предметы играют только роль посредника между «духом» коллектива и индивидами. Первый материал, в котором «дух» проявляется во-вне, это — произнесенное слово, речь, звуковые колебания. Аналогичную роль играют и все предметы, созданные человеком. Деятельность людей представляет собою духовную деятельность, «отчуждением» которой является материальная деятельность. Использование и актуализация накопленных знаний (здесь Гегель подходит к вопросу прежде всего с точки зрения знаний) не есть только процесс простой передачи их индивидам, но и дальнейшая обработка, а также воспроизведение прошлого опыта.

Но, создав систему с «рефлексией в себя», Гегель лишает также и «дух» возможности неограниченного развития. Употреб-

---

⁸ Гегель, Сочинения, т. 4, стр. 14—15.

ляя современную терминологию, можно сказать, что Гегель дает огромную замкнутую функциональную систему. Поскольку же в такой системе количество информации не может расти, то вывод Гегеля о замкнутости цикла развития вполне закономерен. Однако такой вывод получается вследствие перевертывания реального положения дел. При правильном понимании вопроса оказывается, что действительную основу функционирования системы составляет практическая жизнь людей, материальная деятельность, а это создает неограниченные возможности для увеличения общественной информации, и реальный объем общественной памяти оказывается потенциально бесконечным.

Онтологизацию содержания общественной памяти можно проследить также на примере «Науки логики». Если в «Феноменологии духа» в «духе», т. е. в содержании общественной памяти, главное внимание обращается на знания и формы общественного сознания, то в «Логиках» ведущее место занимает логическая структура мышления, которая понимается Гегелем очень широко, включая историческую структуру развития знаний, структуру самого процесса общественного познания.

Для характеристики субъективно-эмпирического понимания общественной информации можно сказать, что самым тривиальным решением вопроса является сведение прошлого опыта к данным индивидуальной памяти, причем память понимается сугубо психологически. Конечно, современные субъективно-эмпирические школы, как правило, стараются избегать подобного солипсизма, и в открытой форме он обнаруживается вне общепризнанных «школ». В этом отношении характерна книга Р. Гаррода «Основания индукции»⁹. На этой книге стоит остановиться еще и потому, что такое, исключительно субъективистское понимание прошлого опыта в какой-то мере одобрено А. Айером, приезжавшим в Советский Союз и изображавшим себя впоследствии чуть ли не «учителем» советских философов. Гаррод во введении к своей книге специально отмечает, что Айер поддержал его в работе и пригласил читать лекции студентам. Очевидно, Айер отмежевывается от религиозных взглядов Гаррода. Но сам подход к вопросу, ограничение прошлой информации психологической памятью индивида, вполне соответствует постановке вопроса Айером, хотя бы в статье «Философия и наука»¹⁰. Гаррод только более последователен, он ставит точки над «i» в тех пунктах, о которых Айер говорит более осторожно: «заколдованный круг», «не стоит ссылаться на пресловутый униформизм природы»¹¹.

Гаррод выдвигает задачу: обосновать индукцию без всяких «априорных положений» о характере вселенной. К этим «апри-

⁹ Roy Harrod, *Foundations of Inductive Logic*, London, 1956.

¹⁰ «Вопросы философии», 1962, № 1.

¹¹ «Вопросы философии», 1962, № 1, стр. 101, 104.

орным положениям» он относит такие принципы, как закон причинности и единообразие (uniformity; по Гарроду это также и «единство») природы. В то же время он якобы хочет избежать скептических выводов Юма. Основное положение Гаррода гласит: «Если мы находим определенные вещи стабильными в течение длительного времени, мы будем находить их в таком состоянии и еще несколько дольше»¹².

Для обоснования индукции Гаррод предлагает мысленный эксперимент: путешествие «абсолютно темного» человека вдоль непрерывности, состоящей из единообразной краски, структуры или звука. При продолжающемся движении имеется известная вероятность, что единообразие не обрывается сразу, а продолжается еще на некоторую величину, соотносимую с длиной пройденного пути. Следовательно, индукция выступает в качестве вероятностного умозаключения.

Вероятностная интерпретация индукции сама по себе вряд ли может вызывать возражения. В определенных рамках она вполне приемлема. Но сказать, что вывод по индукции носит вероятностный характер, это отнюдь не решение проблемы. Единственно научное решение вопроса, как известно, дает диалектический материализм, обращаясь как к сущности материального мира в целом, так и к диалектике многообразного процесса общественного познания.

Что же касается Гаррода, то всякое утверждение о характере вселенной он считает «дикой и не заслуживающей уважения спекуляцией философов».¹³ Единственный реальный фактор, с которым он согласен считаться, это — личный опыт индивида. Но личный опыт индивида запечатлен в его памяти. Следовательно, надо понять сущность и роль памяти.

Память трактуется им сугубо субъективистски: «Память — это воображаемая структура, по отношению к которой знак истины (truth symbol) присоединяется безо всяких оснований для такого присоединения. Воспоминания, в общем, являются членами класса полностью иррациональных верований, признаваемыми как таковые (дефиниция)».¹⁴

Это не должно означать, что доверие к воспоминаниям полностью иррационально. Это означает только, что верить каждому воспоминанию в отдельности — иррационально. Рассматривая воспоминания (Гаррод относит сюда все, что содержится в индивидуальной памяти: данные, полученные из книг, от других людей, следы сновидений и т. д.) как класс, мы можем выяснить, каким образом класс воспоминаний является информативным: среди всех воспоминаний имеется известная доля

¹² Foundations of Inductive Logic, p. XI.

¹³ Там же, p. XII.

¹⁴ Там же, p. 52.

воспоминаний со знаком «истина». Следовательно, суждения о будущем на основе прошлого опыта приобретают вероятностный характер. Но прошлое и будущее созданы сознанием индивида.

«Прошлое определяется просто как место, где находятся живые дубликаты воспоминаний — или, если употреблять обычное выражение, — где они были. Прошлое определяется как *Lebensraum* опыта, который мы помним... Понятие будущего мы можем построить путем экстраполяции вперед данных памяти».¹⁵

Окончательные-выводы Гаррода: многое, очень многое остается во всех случаях за пределами опыта. Теологию обвиняют в догматике. Но Гаррод не может «относиться совсем отрицательно к теологии»: то, что «находится за пределами опыта, как я предполагаю, и составляет истинное достояние теологии. С логической точки зрения имеется коренное различие между тем, что может быть заключено на основе актуального и возможного опыта, и тем, что лежит по ту сторону заключения».¹⁶

Надо сказать, что Гаррод в известном смысле вполне последователен. Вырвав из всей совокупности общественной информации данные индивидуальной памяти, превратив их в нечто самостоятельно сущее, он с неизбежностью должен прийти к таким выводам.

Такая резкая постановка вопроса, как у Гаррода, довольно редкое явление у современных субъективистов. Она органически входит в их общие методологические установки, но о ней предпочитают не говорить открыто. В большинстве случаев общественная природа познания признается, но трактуется крайне односторонне.

Важнейшее место в передаче общественной информации принадлежит языку. Естественно, что вместе с развитием наук, изучающих язык и знаковые системы вообще, все большее распространение получают идеалистические спекуляции, связанные с абсолютизацией отдельных функций языка, с отрывом языка от общественной практики. Разновидностей таких спекуляций в настоящее время много. В качестве конкретных примеров возьмем позднего Виттгенштейна, сыгравшего немаловажную роль в развитии английской «лингвистической философии», и «общего семантика» Т. Лонгабо, претендующего на улучшение и завершение концепции Кожибского.

Первое, что поражает в «Синей тетради» и «Коричневой тетради» Л. Виттгенштейна,¹⁷ это — почти полное отсутствие фактического научного материала. Виттгенштейн имеет известные заслуги в развитии формальной логики. Но здесь, ставя себе

¹⁵ Там же, p. 188, 189.

¹⁶ Там же, p. 268.

¹⁷ L. Wittgenstein, Generally known as the Blue and Brown Books, Oxf., Blackwell, 1958.

задачу исследования языка как средства сообщения, он ограничивается только поверхностным психологическим анализом. Формально-логический аппарат им не применяется. Не используются и данные языкознания, этнографии и т. д.

В «Синей тетради» Виттгенштейн выдвигает общую номиналистическую концепцию языка и предлагает исследовать роль языка с помощью мыслительной модели, которая «будет частью психологической теории таким образом, как механическая модель эфира будет частью теории электричества»¹⁸. Для построения такой модели Виттгенштейн выдвигает концепцию «языковых игр» (language games, Sprachspiele), видя в них аналогию умственного развития ребенка. «Языковые игры представляют собою формы языка, в которых ребенок начинает использовать слова»¹⁹. В то же время языковые игры — «оперирование знаками».

Для объяснения этой мысли Виттгенштейн обращается к так полюбившемуся неопозитивистам сравнению с шахматной игрой. Предположим, что человеку описали игру в шахматы, но при этом исключили роль пешек. Это описание не соответствует нормальной шахматной игре. С другой стороны, он всё-таки получил полное описание некоторой игры, более простой, чем шахматы. С языком дело обстоит аналогичным образом. Система с минимальным количеством терминов является языком, только более простым, чем нормальный человеческий язык. И Виттгенштейн приступает к построению таких языков. (Заметим в скобках, что в «Синей тетради» «языковые игры» рассматриваются как части одного языка, а в «Коричневой тетради» — как самостоятельные языки. Но это различие не имеет существенного значения для характеристики общих философских выводов Виттгенштейна). Функцией воображаемого языка (язык I) является общение между строителем и его подручным. Задача подручного — приносить строителю строительные материалы. Соответственно имеющимся материалам язык состоит из слов «кубик», «кирпич», «плитка», «столбик». Строитель называет какую-нибудь деталь, а подручный приносит ее. Далее язык I расширяется: подручный строителя знает наизусть серии слов от одного до десяти. Получив приказание «пять плиток», он идет к плиткам, говорит вслух слова от одного до пяти, берет при каждом слове одну плитку. Исходя из этого, Виттгенштейн рассматривает десятки дальнейших расширений языка. Постепенно вводятся новые собственные имена, вопросы и ответы, вопросы для имен, таблицы, где рядом с картинками вещей стоят письменные знаки, расширяется состав предложений, вводится операция сравнения и т. д.

¹⁸ Там же, р. 6.

¹⁹ Там же, р. 17.

Но при всевозможных вариациях языка исходным остается индивидуальное сознание: язык понимается субъективистски. Если тут и имеются ссылки на практические действия людей (как, например, при выполнении помощником приказаний своего мастера), то эти практические действия не выходят из рамок чувственного созерцания.

В чем прав и в чем неправ Виттгенштейн? Предлагаемая им модель, несмотря на свою скудость, правильно отражает отдельные стороны усвоения языка ребенком. (Хотя и эти стороны отражаются далеко не полно; ср. например, работы Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна или Ж. Пиаже). Но Виттгенштейн распространяет эти отдельные моменты на язык в целом, предполагая, что сложные формы языка можно построить путем простого прибавления новых элементов в рамках одной и той же модели: «Мы сознаем, что эти простые процессы языковых форм не отделены китайской стеной от более сложных. Мы видим, что мы можем построить сложные формы из примитивных путем постепенного прибавления новых»²⁰. На деле этого сделать как раз нельзя. Язык возник не тем путем, каким овладевает языком ребенок в современных условиях; сущность языка невозможно понять в отрыве от практической деятельности людей, от других носителей общественной информации. Абсолютизация одного момента в языке — в многогранном, комплексном явлении — ведет неизбежно к абсурдным выводам в духе субъективно-идеалистического номинализма и конвенционализма, в конечном счете — к отрицанию философии как науки и ограничению задач философии «языковой терапией». Между прочим, в переведенной на русский язык книге Э. Геллнера «Слова и вещи» тонко и остроумно раскрывается внутренняя несостоятельность «лингвистической философии», дается ее «имманентная критика», но совершенно не анализируются причины, ее порождающие. Естественно, этого нельзя от Геллнера и требовать.

Если Виттгенштейн и «лингвистическая философия» в целом сознательно ограничивают свои задачи моделью «языковых игр» и некоторыми связанными с нею общими принципами, то «общая семантика» претендует на более широкую постановку вопроса, на рассмотрение языка в связи с формами культуры, на историзм и т. д. Хотя представители «общей семантики» отрицают, что развиваемое ими учение является философией, на деле это — прежде всего философия, притом субъективно-идеалистического толка. Наглядным примером тому может служить книга Т. Лонгабо «Общая семантика».²¹ Здесь Т. Лонгабо

²⁰ Там же, р. 17. Мы не касаемся здесь концепции значения позднего Виттгенштейна. Это концепция должна быть предметом специального рассмотрения.

²¹ T. Longabaugh, *General Semantics, An Introduction*, New York, 1957.

стремится развить учение А. Кожибского, согласно которому все дилеммы отдельных личностей, социальных групп и наций происходят от лингвистических и логических ошибок Аристотеля и его последователей. Эти ошибки укоренились в западно-европейских и американских языках и стали причиной социальных бедствий. Лонгабо считает теорию Кожибского правильной, но неполной. Ее надо дополнить в двух отношениях. Во-первых, теория Кожибского базируется только на индоевропейских языках, и ее необходимо распространить на все языки мира. Во-вторых, язык полон искажений, которые накопились еще со времени первобытного общества, до Аристотеля.

С целью «углубления» теории Лонгабо предлагает делить всю человеческую историю на два крупных периода, на существование двух уровней: «доартикуляционный уровень, или уровень дикости, и артикуляционный уровень, или уровень цивилизации»²². Уровень дикости Лонгабо специально не рассматривает. Его интересует история человечества на уровне использования артикуляционной речи, «уровне цивилизации». На уровне цивилизации человечество замыкается в капсулы (encapsulation) многочисленных, изолированных друг от друга языков. Весь внешний мир представлен только через капсулу языка. «Концентрируя ту часть реальности, которая представлена внутри капсулы, каждая культура разделила ее на многочисленные и неупорядоченные категории вещей, перевела вещи в слова и реализовала слова различными бессистемными способами. Этот суррогат копии мира стал скелетом данного языка и данной культуры»²³. Мир представлен только внутри капсулы, он перестает объективно существовать.

Было бы неверно утверждать, что Лонгабо полностью игнорирует роль материальной производственной деятельности людей. Но материальное производство представляет собою только форму «организации» на основе языка, который является первичным: к физиологическому образу жизни животных прибавился новый, социальный образ жизни тогда, когда люди стали способны понимать друг друга и начали помогать друг другу в тяжелых ситуациях. Это проявлялось первоначально в охоте и рыбной ловле, в дальнейшем — в построении домов, городов и дорог, в росте материальной культуры в целом. «Все эти успехи оказались возможными посредством языка, благодаря его функциям артикулированного знания, мышления, сообщения и организации»²⁴.

Поскольку внешняя реальность перестала существовать для жителей капсулы, они не имели слов для обозначения того, что

²² General Semantics, p. 6.

²³ Там же, p. 15.

²⁴ Там же, p. 11.

находится вовне, несмотря даже на то, что «они, во всяком случае, изобрели всевозможные слова для обозначения несуществующих категорий вещей, насчет которых предполагалось, что они находятся внутри капсулы»²⁵. Каждое поколение верило, что его язык и культура дают адекватное отражение действительности. Но в течение веков произошло много такого, что не могло быть объяснено в рамках данной капсулы. Тем не менее, таким явлениям пытались дать рациональное объяснение. Рационализация неадекватного знания послужила причиной искажений, иллюзий, мифов, противоречий. При затруднениях обратились к опыту предшествующих поколений (обучение внутри капсулы — *intracapsular learning*), а не к опыту (объяснение вне капсулы — *extracapsular explanations*) и т. д. Только сейчас, в результате успехов науки нового времени, начинают раскрываться узкие рамки капсулы. Инициаторами создания всемирной «экстракапсулярной» организации, языка и культуры должны выступить ученые разных стран. Они должны выработать единый язык и такие формы культуры, которые «наиболее соответствуют характеристикам и потребностям вида как такового»²⁶. Заметим, что подобная современная «социальная утопия» сопровождается у Лонгабо робкими высказываниями в адрес «преувеличенных проявлений принципа частной собственности», но вместе с тем и решительным заявлением, что выступления рабочего класса могут иметь только «деструктивное значение» и что рабочий класс может дезорганизовать производство, но ни в каком случае не может его организовать. Общая классовая направленность подобной «утопии», очевидно, не требует дальнейших комментариев.

Мы коснулись некоторых примеров, показывающих связь между неправильным пониманием прошлой социальной информации и идеалистическим решением основного вопроса философии. Таких примеров можно привести очень много. По-видимому, можно утверждать, что идеализм во всех случаях связан также с непониманием, искажением социальной сущности человеческого познания, в особенности — с абсолютизацией отдельных компонентов общественной памяти, с превращением их в нечто самостоятельно сущее.

Естественно, что гносеологические корни составляют только возможность идеализма, для превращения которой в действительность требуются еще и социальные условия. Но рассматриваемый нами аспект в гносеологических условиях идеализма ин-

²⁵ Там же, р. 11.

²⁶ Там же, р. 32.

интересен еще и потому, что здесь гносеологические корни как бы непосредственно смыкаются с социальными. Последовательно научное раскрытие процесса познания в современных условиях возможно только на основе материалистического понимания истории. Но последнее неприемлемо для буржуазных философов из-за их классовых интересов.

Наконец, рассматриваемый аспект еще раз подчеркивает неразрывное единство диалектического и исторического материализма. Только на основе такого единства возможна эффективная реализация намеченной В. И. Лениным программы гносеологических исследований.

Поступила в редакцию 1 мая 1964.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КАТЕГОРИИ «ЦЕЛИ» В СВЯЗИ С РАЗВИТИЕМ КИБЕРНЕТИКИ

М. Макаров

Кибернетика повысила интерес к комплексу вопросов, обозначаемому по традиции, сложившейся в истории философии, термином «телеология». Замечательно подтверждая, по существу, положения диалектического материализма в этой области, кибернетика в то же время вынуждает уточнить ряд его понятий, выдвигает на первый план такие их аспекты, которым до сих пор не уделялось достаточного внимания.

Значение проблем телеологии (в смысле теории целесообразности, целенаправленности, учения о цели и ее отношениях) для кибернетики вытекает из самого существа последней как абстрактной теории регулирования в его самом общем виде, т. е. как теории организации целенаправленных действий. Категория цели широко используется в различных разделах кибернетики, являясь, по словам Н. Винера, «одной из коренных категорий науки».¹ Неслучайно первые шаги зарождавшейся науки были связаны с обсуждением вопроса о цели и целесообразности. Известный представитель кибернетики Эшби рассмотрел в 1940 г. приспособленность как результат поведения, конечный эффект которого направлен на сохранение исходных существенных переменных системы. В работе А. Розенблюта, Н. Винера и Д. Бигелоу «Поведение, цель и телеология», опубликованной в 1943 г., в связи с классификацией форм поведения развивается идея о том, что в основе целесообразности поведения лежит соответствующим образом организованная обратная связь. Целесообразность получает объяснение как форма причинной зависимости, в которой обратное воздействие следствия на причину носит сигнальный характер вида отрицательной обратной связи.

Трудно переоценить философское значение этих положений. Благодаря им получает конкретное содержание мысль Энгельса об узости противоположности между *causa efficiens* и *causa fina-*

¹ A. Rosenblueth and N. Wiener: Purposeful and Non-purposeful Behavior, «Philosophy of Science», Vol. 17, N. 4, 1950, p. 321.

lis, о преодолении этой противоположности в категории взаимодействия. Маркс в свое время увидел в теории Дарвина смертельный удар по телеологии как форме идеалистического мировоззрения, подчеркивая одновременно, что Дарвин эмпирически выяснил рациональный смысл телеологии. Можно сказать, что кибернетика обобщает в некотором отношении дарвиновскую теорию целесообразности, раскрывая рациональный смысл телеологии уже не просто эмпирически, а абстрактно-теоретически, открывая пути применению закономерностей целесообразности в технике. Эта роль кибернетики, значение ее для проблемы соотношения причины и целесообразности, для развития диалектико-материалистического детерминизма получили уже весьма глубокое освещение в марксистской философской литературе.² В данной статье мы ограничимся лишь некоторыми соображениями, относящимися к собственно категории цели. Здесь встает ряд вопросов: о правомерности применения категории «цель» к исследованию поведения сложных систем как биологической, так и небιологической природы, о содержании этого понятия в таком его применении, о возможности конструирования устройств, способных иметь сознательные цели, о возможностях моделирования цели и т. д. Мы не собираемся обсуждать здесь вопрос о возможности или невозможности создания в далеком будущем искусственных устройств, ставящих сознательные цели, который является частным случаем вопроса возможности конструирования машин, обладающих сознанием. Очевидно, в настоящее время серьезно обсуждаться могут только вопросы, относящиеся так или иначе к моделям целесообразной деятельности, к некоторым весьма отдаленным аналогам человеческой цели в сложных искусственных системах.

В нашей философской литературе иногда общее категорическое отрицание возможности существования целей у искусственных систем, выдвигаемое в качестве обоснования принципиально непереходимой качественной грани между человеком и машиной, ставится совершенно отдельно от столь же категорического отрицания возможности сознательно мыслящих машин. Такое разделение имеет смысл только в том случае, если понятию «цель» придается значение, отличное от значения определенной формы

---

² См. Л. А. Петрушенко, Философское значение понятия «обратная связь» в кибернетике, «Вестник ЛГУ», № 17, Серия экономики, филос. и права, вып. 3, 1960; И. Маркулеску-Хурдук, Выступление на Всесоюзном совещании по философским вопросам естествознания, «Философские проблемы современного естествознания», М., АН СССР, 1959; Я. Камарит, Към критиката на кибернетичния механизъм и фидеизъм, «Философска мисъл», 1962, № 4; егo же, Die Dialektik der Natur und das Problem der organischen Zweckmässigkeit, «Wissenschaftliche Zeitschr. d. Humboldt - Univ. z. Berlin», Math. - naturw. Reihe, 1963, H. 3.; G. Klaus, Das Verhältnis von Kausalität und Teleologie in kybernetischer Sicht, «Deutsche Zeitschrift f. Philos. 1960, H. 10; G. Klaus, Kybernetik in philosophischer Sicht, B., 1961.

деятельности сознания. В этой связи указанное отрицание приобретает характер отрицания возможности моделирования цели или — отрицания правомерности применения этой категории к действиям машин вообще. Так, М. Н. Андрющенко утверждает: «Машина не имеет цели, не имеет потребностей, для нее нет критериев».³ Б. С. Украинцев пишет, что «такие категории, как интерес, цель, стремление, моральный фактор... не имеют места в мире машин, автоматов...»⁴ В отношении последнего приведенного высказывания следует заметить, что не только эти категории, но и любые категории вообще не имеют места не только в автоматах, но и нигде в объективной действительности, кроме теоретического мышления человека, если, конечно, строго придерживаться материалистического понимания категорий, как отражений наиболее общих сторон действительности. Поэтому высказывание Б. С. Украинцева приходится понимать только в смысле отрицания всякого применения категории цели к искусственным устройствам при исследовании их структур и функций. На деле же применение этой категории как в общей, так и в технической и нейрокибернетике является бесспорным фактом, причем практика подтверждает познавательную ценность такого применения. В то же время это применение в корне отлично от телеологического наделения неодушевленных предметов сознательными целями. Надо считаться с тем, что, как это уже давно было показано в истории философии, сложная, многогранная категория «цель» имеет различающиеся между собою применения, в которых несколько видоизменяется ее содержание. Нельзя абсолютизировать ее одно, пусть даже основное, значение, закрывая путь к ее более широкому применению в разумных пределах. Кибернетика позволяет уточнить эти границы, показывая в то же время важность различения этих оттенков категории.

В своей уже упоминавшейся коллективной статье А. Розенблют, Н. Винер и Д. Бигелоу определили цель (goal) поведения системы с обратной связью как «конечное условие, в котором поведение объекта достигает определенной корреляции во времени и пространстве в отношении другого объекта или события».⁵ Кибернетика рассматривает цель как объективную характеристику поведения сложных систем, отвлекаясь от качественной природы последних. Этот абстрактный подход придает понятию «цель» также весьма абстрактное значение. Оно отлично от того, которое мы привыкли придавать «цели» как внутреннему, идеальному образу будущего результата сознательного действия.

³ М. Н. Андрющенко, Некоторые философские вопросы кибернетики, «Философские науки», 1959, № 3, стр. 102.

⁴ Б. С. Украинцев, О возможностях кибернетики в свете свойства отображения материи, «Философские вопросы кибернетики», М., Соцэкгиз, 1961, стр. 122.

⁵ Цит. по R. Taylor, Comments on a mechanistic conception of purposefulness, «Philosophy of Science», Vol. 17, N. 4, 1950, p. 310.

В этом последнем значении, применительно к процессу труда, категория «цель» определяется в известном высказывании Маркса: «Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении работника, т. е. идеально. Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю. И это подчинение не есть единичный акт. Кроме напряжения тех органов, которыми выполняется труд, в течение всего времени труда необходима целесообразная воля, выражающаяся во внимании...»⁶ Значение, придаваемое понятию цели в кибернетике, не совпадая с этим определением цели человека, в то же время не находится с ним в противоречии. Оно отвечает его одному существенному моменту. Указывая на то, что цель «как закон определяет способ и характер» действий, Маркс имеет очевидно в виду закон не только в смысле внутреннего авторитета, директивы, но и в смысле структурной закономерности поведения. Таким образом, по Марксу, в качестве одной из сторон цели на ступени ее осуществления выступает определенное соотношение между отдельными операциями, организация отдельных актов (Маркс говорит не об единичном акте) в определенную структуру поведения как целого. В этом отношении цель выражает объективную структуру процесса.⁷ Именно с этой стороны и подходит к рассмотрению цели кибернетика, изучающая общую структуру функционирования сложных систем.⁸

Использование категории цели в исследовании природных процессов последовательными материалистами-естествоиспытателями не представляет собою ничего нового. В биологии при помощи ее выражается та или иная функция в отношении к приспособленному к ее отправлению структурам, или результат сложных процессов, достижению которого эти процессы подчинены.⁹ Видеть в таком применении этого понятия какую-то дань телеологии в смысле идеалистического мировоззрения можно только в том случае, если не допускать тех различных оттенков, сторон категории, о существовании которых говорилось

⁶ К. Маркс, и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 189.

⁷ Следует напомнить, что В. И. Ленин рассматривал целеполагающую деятельность как форму объективного процесса. См. В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 29, стр. 169—170.

⁸ В. И. Свидерский, О диалектике элементов и структуры, М., Соц.-экгиз, 1962, стр. 244.

⁹ Подробнее это рассмотрено нами в работе «К вопросу категории «цель» в философии диалектического материализма», «Ученые записки Тартуского гос. университета», Труды по философии, II, 1960.

выше.¹⁰ В качестве чисто условного, эвристического приема познания категория цели впервые была рассмотрена Кантом. Кибернетика дает строго определяемое объективное основание для подобного применения в биологии (где обратные связи могут осуществляться и посредством механизма естественного отбора), в экономической науке, социологии, технике. Категория цели в ее исследовавшемся Кантом особом значении приобретает также онтологический смысл. Нам кажется, что прав К. В. Дейч, заметивший, что механизм обратной связи «уже включает в себя меру «цели», которая существует не только в уме человека-наблюдателя, но обладает относительно объективной реальностью в контексте особой сети обратной связи, поскольку эта сеть физически существует».¹¹ С этой точки зрения выясняется, в частности, и смысл категории «цель производства» в политической экономии, представлявшей еще недавно серьезные трудности для философии.

Необходимо отметить, что крупнейшие зарубежные представители кибернетики не обращают внимания на это философское значение их собственных положений, решительно возражая однако против каких бы то ни было уступок телеологии в ее идеалистическом смысле. «Принятие телеологического подхода, — говорит Н. Винер, — упрощает анализ целенаправленного поведения и увеличивает сферу этого анализа. Этот методологический подход не включает в себя философских верований в конечные причины».¹² Противоположность между сверхъестественными «конечными причинами» телеологии и понятием цели в кибернетике Н. Винер склонен сводить к различию между онтологическим пониманием категории и пониманием ее в качестве чисто субъективного приема в духе кантовской философии. В результате он соскальзывает на явно субъективистские позиции, утверждая полную зависимость применения категории цели от точки зрения наблюдателя. Это приводит к совершенно неоправданному использованию категории цели и в области собственно физики.¹³ Такое непомерно широкое применение связано также с выходом за разумные пределы абстракции в кибернетике, отвлечением от отношений управления.¹⁴ Применение же понятия «цель» и в его сугубо условном значении вне этих отношений в физике; хи-

¹⁰ Некоторые марксисты выступают против применения в биологии не только этого понятия, но и термина «целесообразность», как двусмысленного и обремененного идеализмом, см. К. Gössler, рецензия на книгу А. И. Опарины, «Deutsche Zeitschrift f. Philosophie», 1963, 10.

¹¹ K. W. Deutsch, Mechanism, Organism, and Society, «Philosophy of Science», Vol. 18, N. 3, 1951, p. 246.

¹² A. Rosenblueth and N. Wiener, «Purposeful a. Non-purposeful Behav», p. 326.

¹³ Там же, p. 325.

¹⁴ С этим же связано, как нам кажется, употребление термина «обратная связь» для обозначения всякого обратного воздействия следствия на причину вообще, т. е. взаимодействия в его общем виде (Эшби, Клаус).

мии, астрономии и т. д. лишено какого бы то ни было эвристического познавательного значения¹⁵, что подтверждается всем развитием науки. Указанные моменты субъективизма в понимании категории цели в кибернетике используются для критики кибернетики с позиций идеализма и механицизма.

Дискуссия среди буржуазных ученых вокруг проблемы категории цели в кибернетике интересна также в другом отношении. Некоторые авторы (Р. Тэйлор, Р. Спилсбэри, И. Шеффлер) пытаются увидеть порочность понимания цели в кибернетике в том, что под ней понимается конечное условие, которое или возникает позднее и не может поэтому оказывать воздействия на процесс или является целевым объектом, к которому стремится система. Такая критика основывается на неправильном истолковании значения, которое придается понятию «конечное условие». Утверждение, что система A стремится к цели, означает, что действия A в определенных условиях таковы, что они сводят к минимуму рассогласование между наличным состоянием $Y(A)$ и некоторым состоянием этой же системы (во взаимоотношении со средой) $X(A)$, условно обозначаемым термином «цель». Устранение рассогласования между заданной величиной $X(A)$ и величиной на выходе $Y(A)$, приведение величины ΔX равной $X(A) - Y(A)$ по возможности близко к нулю, составляет общую существенную черту всех целенаправленных процессов. Это наиболее абстрактное выражение цели охватывает и значение целевого объекта и значение заданной информации о величинах некоторых переменных, которые должны быть получены в конце процесса. Целью в значении целевого объекта (goal) может быть как собственно сам объект, предмет, который должен быть достигнут (или которого следует избежать в случае отрицательной цели), так и определенное состояние самой целенаправленно действующей системы. Цель в значении мишени, предмета и цель в значении состояния системы в момент достижения этого предмета могут легко взаимозаменяться. Цель в значении заданной информации о нужном результате может, как и предыдущие отношения, реализоваться в искусственных устройствах. В таком случае мы имеем дело с отдаленным подобием цели человека как предвосхищения результата действий. Если, как говорит Д. Маккей, у автомата имеется некоторое символическое физическое представительство цели в определенной черте его контрольной системы, можно говорить о существовании у него «цели», в некотором роде аналогичной внутренней идеальной цели деятельности человека (purpose).¹⁶

¹⁵ На это справедливо обращает внимание W. Stegmüller, *Einige Beiträge zum Problem der Teleologie und der Analyse von Systemen mit zielgerichteter Organisation*, «Synthese», Vol. 13, N 1, 1961, S. 16.

¹⁶ «Aristotelian Society», Supplementary Volume, XXVI, Men and Machines, London, 1952, p. 68.

Конечно, это только фиксация, запись цели самого человека, и устройство продолжает оставаться только средством осуществления человеческих целей. Однако нельзя не видеть глубокого отличия такого рода устройств от остальных средств человеческой деятельности. Средство — связь, посредник между противоположностями — субъективной целью и объективным предметом, не может не быть само единством противоположных сторон. Гегель указывал, что средство должно обладать двумя сторонами: объективным существованием и способностью быть «проницаемым» для цели, служить ее проводником. «Проницаемость» здесь хорошо выражает информационную сторону применения средств как канала, по которому протекает переработанная в сознании особого рода информация, «оседающая» и закрепляющаяся в продукте как его организация. Направляющая роль сознательной цели человека в процессе применения средств состоит в том, что сигналы о ходе его сопоставляются с целью как с эталоном, и действия по закону отрицательной обратной связи стремятся уменьшить имеющуюся рассогласованность. Качественно новым моментом, отличающим сложные кибернетические устройства от остальных средств человека, является сам способ переноса цели человека при помощи этих новых средств и способ регуляции осуществляющегося процесса. В этом находит выражение некоторая общая закономерность развития орудий.

Простые циклические автоматы выполняют жестко фиксированную, наперед заданную программу. Хотя выполняемый ими цикл операций может быть весьма сложным и некоторые из этих операций могут подражать действиям человека, в рассматриваемом отношении они не отличаются от простых орудий. Они не реагируют своими действиями на внешние воздействия, не имеют способности приспосабливаться к ним, т. е. у них нет никаких моментов целесообразности, хотя они и направляются целью человека и в этом смысле целенаправленны. Если понимать под целеустремленностью вид целенаправленности, когда направление действий определяется некоторым внутренним оценочным механизмом, то действия этого рода автоматов не могут быть целеустремленными ни в каком отношении.

Выше стоят автоматы рефлекторного типа, реагирующие на внешние воздействия в соответствии со строго заданной программой.¹⁷ В их действиях можно видеть момент моделирования относительной целесообразности схемы безусловнорефлекторного поведения. Они реагируют только на определенные однотипные внешние условия и только единственным строго определенным образом. При изменении внешних условий, сколько-нибудь вы-

¹⁷ См. М. Г. Гаазе-Рапопорт, *Автоматы и живые организмы*, М., Гос. изд. физ.-мат. лит., 1961; K. Steinbuch, *Automat und Mensch, Über menschliche und maschinelle Intelligenz*, Berlin—Göttingen—Heidelberg, 1961.

ходящем за рамки предусмотренного в программе, действия такого устройства становятся нецелесообразными, оно разрушается. Программа работы автоматического устройства — последовательный ряд инструкций и команд — отвечает плану в деятельности человека, устанавливающему последовательность этапов реализации цели, определяющему пути и способы действий. Оценочный же критерий работы этих автоматов продолжает оставаться исключительно в голове человека, и только в ней замыкается регуляционный цикл деятельности.

Структура функционирования автоматических устройств качественно изменяется с реализацией принципа обратной связи. Здесь автомат сам осуществляет подобие оценки собственных действий, стремится, воздействуя на органы управления, свести к минимуму отклонения от заданного ему критерия. Регуляционный цикл дан в самом устройстве. Обратная связь обеспечивает направленность поведения без строгой предварительной фиксации его деталей. На более высокую ступень подымается моделирование целесообразности формы поведения, возникают некоторые черты целеустремленности. В более простых случаях сама структура обратной связи, наладка ее и играет роль фиксации, записи определенной цели человека. Характерной тенденцией развития современной автоматики, на которую мы ссылались выше, является то, что работа технических устройств становится все в меньшей мере зависимой от данных, известных при их конструировании или программировании, и все в большей — от складывающихся во время работы конкретных условий. Происходит процесс приобретения средством все большей самостоятельности за счет передачи ему некоторых функций субъекта, в том числе — некоторых функций его цели. В структуре машины выделяется элемент, содержащий информацию о нужных результатах действий, с которой сверяется информация о конечном эффекте действий. Так, например, в автоматах с моделью окружающей среды аналог целесообразности достигается путем автоматической регулировки системы в направлении сведения к минимуму разности между идеальным выходным сигналом модели и действительным выходным сигналом системы.¹⁸

Цель как закон определяет структуру деятельности человека. Психологически это находит свое выражение во внимании, избирательно-активном состоянии психики. В основе этого лежит образование в коре головного мозга очага оптимальной возбудимости, связанное с торможением окружающих участков. Как указывает П. К. Анохин, рефлекс цели есть в первую очередь механизм формирования возбуждений, опережающих ход явлений окружающей среды и соответствующее поведение. Физиологический субстрат цели поддерживает на высоком энергетическом

¹⁸ Приспосабливающиеся автоматические системы, М., ИЛ, 1963, стр. 438.

уровне, длительно удерживает в доминирующем состоянии цель человека, подчиняющую себе все другие деятельности.¹⁹ В наиболее абстрактном виде в кибернетике это может быть выражено как ограничение существенных переменных рядом состояний η , поддержание которых составляет содержание регулирования. Поток разнообразия возмущений от внешней среды блокируется таким образом, что результат остается в пределах η , отвечающих наперед заданному, желаемому действию.²⁰ При реализации этого принципа в искусственных самонастраивающихся системах условие η задается обычно в виде неравенства, над выполнением которого осуществляется непрерывный контроль.²¹ В этой связи возникает проблема отбора информации, имеющей значение для соблюдения этого условия. В работе головного мозга в качестве критерия оценки полезности и значимости поступающей информации выступает цель. Просмотра всей поступающей и хранящейся в памяти информации не происходит, а просматривается только та незначительная ее часть, которая представляет ценность в данном отношении.²² Исследование этого принципа в целях реализации в искусственно созданных системах ставит перед теорией информации задачу разработки вопросов смысловой и ценностной стороны информации, которая в современной теории полностью игнорируется. Первые исследования в области семантических проблем теории информации выполнены, как известно, Карнапом, Вар-Хиллелем и Виллем. В рамках существующей теории А. А. Харкевич предложил определить ценность информации через приращение вероятности достижения цели, для которой собирается информация. Тем самым категория цели вводится в теорию информации.²³ Активный, избирательный характер деятельности человека, определяемой целью, проявляется также в соподчинении, иерархии самих целей. В иерархии некоторые идеалисты видят исключительность духовного начала, противоположность целей причинным отношениям материального мира.²⁴ На самом же деле возможность подобной системности в отношениях целей поведения лежит в особенностях условнорефлекторной деятельности головного мозга высших животных. Целенаправленность поведения обеспечивается здесь, по-видимому, в результате системы субординации условных раз-

¹⁹ П. К. Анохин, Рефлексы цели как объект физиологического анализа, «Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова», т. XII, вып. 1, 1962.

²⁰ У. Росс Эшби, Введение в кибернетику, М., ИЛ, 1959, стр. 311, 312.

²¹ Г. В. Савинов, Электрическое моделирование гомеостатических систем, «Проблемы кибернетики», вып. 4, Гос. изд. физ.-мат. лит., 1960.

²² С. Н. Брайнес, А. В. Напалков, В. Б. Свечинский, Нейро-кибернетика, М., Медгиз, 1962, стр. 110.

²³ А. А. Харкевич, О ценности информации, «Проблемы кибернетики», вып. 4.

²⁴ A. C. Moully, Structure, Function, and Purpose, N. York, 1957, p. 181.

дражителей разных категорий. Включающий сигнал высшего порядка определяет то, что животное начинает реагировать на определенную группу сигналов второго порядка. Наличие одного из сигналов второго порядка приводит к возникновению реакций на группу раздражителей следующего уровня и т. д.²⁵ Кибернетика открывает возможность моделирования иерархической структуры целей путем постройки обратной связи высшего порядка, контролирующей механизмы, работающие на уровне задач низших порядков. Такая градация обратных связей намного повышает целеустремленный и целесообразный характер поведения системы, позволяя сохранить устойчивой основную цель путем сменой различных подчиненных целей.

Рассмотрение вопроса реализации в искусственных устройствах отношений, сопоставимых с отношением субординации целей в деятельности человека, показывает те огромные возможности кибернетических автоматов, которые имеет в виду Эшби, говоря, что «... нет предела сложности «целенаправленного» поведения, к которому могут быть способны машины, совершенно лишенные какого бы то ни было «жизненного» фактора».²⁶ В то же время здесь виднеется как будто действительно непреодолимый рубеж, которому суждено отделять и в отдаленном будущем целеустремленно действующие искусственные устройства от человека. Этой границей является принадлежность конечной цели всей деятельности в целом, которой может обладать только человек. Неизбежность признания этого заключена уже в самом понятии «искусственно созданного человека», поскольку искусственное создание есть всегда процесс осуществления сознательной цели человека. Какую бы сложную иерархию целеустремленных процессов поведение машины ни представляло, оно будет всегда включено в качестве звена в гигантскую систему циклов практической и познавательной деятельности человеческого общества, определяемой конечной целью принесения пользы данному обществу. Представители кибернетики, не останавливающиеся подчас перед самыми крайними выводами, подчеркивают, что человек останется всегда на вершине руководства всеми управляющими системами.²⁷ Передать машине конечную цель представляло бы со стороны человека бесцельное действие, отказ от существеннейших жизненных потребностей, от самой жизни. Отсутствие у машины конечной цели определяет ее на вечную роль особого рода средства, роль «человеческого протеза», — по выражению Н. Винера. Также невозможно говорить и о моделировании конечной цели в машине. Моделировать конечную

²⁵ А. В. Напалков, Некоторые принципы работы головного мозга. «Проблемы кибернетики», выпуск 4, М., 1960, стр. 192.

²⁶ У. Росс Эшби, Конструкция мозга, М., ИЛ, 1962, стр. 94.

²⁷ См., напр., И. А. Полетаев, Сигнал, М., Сов. радио, 1958, стр. 399.

цель невозможно, поскольку моделирование само подчинено всегда определенной цели.

Это также исключает возможность моделирования человеческих ценностей²⁸ в машине, поскольку под последними мы понимаем исторически выработанное свойство сознательной деятельности выражать конечную цель возвышения, совершенствования человека.²⁹

Мы рассмотрели некоторые вопросы, относящиеся к применению категории «цели» к действиям искусственных устройств, моделирующих целеустремленную деятельность человека. Моделируется структура целеустремленного поведения, архитекторика сложных практических актов. В отличие от логических моделей, моделей логических операций в счетно-вычислительных машинах, модели этого рода в кибернетике иногда называют «практикологическими» (польский ученый Г. Грениевский).

Подчеркнем еще раз, что мы имеем все время в виду совпадение лишь некоторых весьма общих принципов работы искусственных устройств и сознательной целеустремленной деятельности человека. Аналог цели в работе сложных автоматов, внесенный в них человеком, как и целенаправленное, целесообразное поведение этих устройств вообще, находятся лишь в отношении гомоморфизма к соответствующим структурам процессов управления в сознательной деятельности человека. Кибернетика, в силу природы этой науки и стоящих перед нею задач, абстрагирует лишь эти моменты цели, общие для всех целенаправленно действующих систем. Она подводит к необходимости различать уровни целенаправленности, целесообразности и цели. В приводившейся выше знаменитой характеристике цели сознательной трудовой деятельности человека Маркс противопоставляет крайне далеко отстоящие друг от друга уровни целенаправленности: сознательную целеустремленность человека и безусловнорефлекторную деятельность пчелы. В основе безусловно-рефлекторной деятельности лежат наследственно закрепленные морфологические структуры, остающиеся относительно неизменными и при изменении условий деятельности, чему соответствует тип жестко запрограммированного автомата. Известно, например, что пчелы продолжают закупоривать ячейки сот и тогда, когда из них был вынут мед, т. е. их деятельность, сохраняя целенаправленность, утрачивает целесообразный характер. Здесь в этом отношении нет обратной связи, и применение поня-

²⁸ О невозможности формализовать человеческие ценности и ввести их в машину говорит Н. Винер, см. J. Zeman, Über den Begriff Information in der modernen Wissenschaft, «Deutsche Zeitschrift f. Philos.», 1963, H. 4, S. 481. 29.

²⁹ Нам кажется, что немоделируемыми являются именно ценности, а не моральная сторона поведения человека в целом. Внешняя сторона поведения, отвечающего определенным этическим нормам, в принципе может быть моделирована, поскольку моральные нормы могут быть формализованы.

тия цели в кибернетическом смысле не имеет здесь для себя объективного основания. Поэтому, строго говоря, отрицание Марксом существования цели в поведении пчелы (даже если не учитывать того, что Маркс говорит о «цели» в ее значении идеального образа в сознании) не может быть использовано против применения понятия «цель» к автоматам, снабженным обратными связями. Что касается поведения высших животных, то у них можно допустить существование процессов возникновения простейших целей, в виде нервных возбуждений, чувственных образов, предваряющих осуществление данного действия.³⁰ Трудовую деятельность человека отличает от некоторых видов деятельности (трудообразной в том числе) высших животных не то, что в ней имеется цель в смысле предваряющего реальный результат нервного возбуждения и соответствующего последнему психического образа (в деятельности же этих животных ее якобы быть не может), но — характер этого образа и способ его возникновения. Цель человека носит осознанный характер в отличие от неосознанных психических процессов животного, соответствующих цели. Для человека типичны не цели, возникающие как прямое выражение физиологических потребностей (например, цель утолить жажду), но цели, вырабатываемые в результате процесса мышления («мысленно представляемый предмет», по словам Маркса³¹), сознательного использования общественного и личного опыта, взвешивания различных возможностей, учета имеющихся средств, продуманной субординации различных целей и т. д. Согласно Марксу, человека отличает от животного в данном отношении не то, что человек имеет просто предварительный результат своей деятельности в голове, а то, что он этот результат предварительно сознательно вырабатывает, — «прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове». Это построение сознательной цели, акт целеполагания, представляет собою процесс высшего синтеза осознания потребностей и их причин, реализации прошлого опыта, отражения конкретных реальных возможностей в условиях данной ситуации, осознания ближайших и более отдаленных последствий действия, оценки их личной и общественной значимости, этической стороны побуждения, действий и последствий. Если все движение цели можно грубо разделить на ступень целеполагания (субъективной цели, по Гегелю) и ступень осуществления цели, то кибернетика имеет в настоящее время отношение почти исключительно к этой второй ступени. Моделируется (в смысле гомоморфного соответствия) только струк-

³⁰ П. К. Анохин, Рефлекс цели как объект физиологического анализа, стр. 8.

³¹ К. Маркс, К критике политической экономии, Госполитиздат, 1949, стр. 205.

тура простейших форм целеустремленного поведения. Это дает определенное основание для того, чтобы видеть одно из коренных отличий целевой деятельности человека от целенаправленной деятельности искусственных систем в принципиальной якобы неспособности последних создать некоторые аналоги целеполагания, — выбора, решения, постановки цели, инициативы. Подобную точку зрения можно встретить как в нашей, так и в буржуазной литературе. «Кибернетики вообще не исследуют возможности выбора цели... Кибернетики направляют свое внимание на наиболее скромную часть действия: на реализацию уже выбранной цели».³² Е. Х. Гимельштейб, отрицая возможность постановки задачи машиной, обосновывает это отрицание тем, что у машины якобы в принципе не может быть инициативы. В этом автор видит существенное различие между машиной и человеком.³³ В то же время этот же автор признает, что «философия диалектического материализма не ставит никаких преград развитию кибернетики, усовершенствованию методов моделирования и имитирования психических процессов, расширению областей их применения».³⁴ Подобное признание находится в полном противоречии с отрицанием возможности моделирования, имитирования психических процессов, инициативы, установления критерия отбора. Если же автор, отрицая возможность постановки вопроса, инициативы у машины, имеет в виду не моделирование, а действительное полное воспроизведение самих этих сознательных процессов, то в таком случае вопрос переносится уже в другую плоскость. В этом значении противопоставление инициативы, выбора выполнению решения, которое как мыслительный процесс также не воспроизводится в машине, теряет всякий смысл.

Надо признать, что до сих пор не приведено достаточных оснований для отрицания возможности имитирования в искусственном устройстве процессов целеполагания. Очевидно, это является результатом того, что нет принципиальной невозможности, при всей трудности реализации этого в настоящее время, моделирования постановки цели, инициативы, выбора в машине, если не иметь в виду конечной цели, которая всегда, как уже говорилось, останется прерогативой человека во всех отношениях. В рамках конечной цели человека, на основе отвечающего ей общего критерия, заданного человеком, искусственное устройство в будущем будет, очевидно, способно и ставить вопросы и вырабатывать особого рода информацию, аналогичную целям, проявляя при этом свойства, имитирующие в некоторой степени

³² A. David, Meeting with Machines, «Nature», N 4849, 1962, p. 10.

³³ Е. Х. Гимельштейб, Некоторые достижения кибернетики в свете марксистско-ленинского учения о природе сознания, «Философские науки», 1962, № 3, стр. 69.

³⁴ Там же, стр. 68.

инициативу и свободу выбора. Категорическое отрицание такой возможности, возведение непреходимой пропасти между поведением человека и машины в этом отношении может быть результатом сознательного или бессознательного убеждения в существовании у человека абсолютно свободной воли. Свобода воли не просто, как говорил Дидро, иллюзия существа, сознающего себя как причину, но не сознающего себя как следствие. В ее рациональном понимании она есть выражение специфической формы причинной связи сознательной деятельности человека. Особенностью этой формы является относительная автономность реакций человека по отношению к обуславливающим его поведение воздействиям внешней среды. Конечно, всё бесконечно сложное сцепление прямых и опосредованных причинных зависимостей, прямых и обратных связей между сознанием человека и окружающей природой, обществом и историческим развитием последнего, включающее и момент осознания общественной значимости, этической ценности и т. д., лежащее в основе свободной постановки цели человеком, никогда моделировано быть не может. Но вполне возможно моделирование активного выбора из некоторого ограниченного ряда направлений деятельности в той или иной качественно определенной ситуации, что отвечает постановке подчиненной цели. Нам представляется интересным соображение, высказанное В. Б. Борщевым, Ф. З. Рохлиным и В. В. Ильиным. «На наш взгляд, — пишут указанные авторы, — можно представить себе машину, обладающую несравненно более сложной структурой, чем существующие в настоящее время, которая будет работать по некоторому общему алгоритму, составленному человеком. Исходными данными этого алгоритма будет, во-первых, информация о внешнем мире, получаемая с помощью каких-нибудь искусственных «органов чувств», и, во-вторых, знания, накопленные человечеством, записанные на некотором формальном машинном языке... Алгоритм будет перерабатывать (анализировать) эти исходные данные; результатом его будет алгоритм поведения машины. Машина будет строить различные варианты этого последнего алгоритма и выбирать из них наилучший (возможно с вероятностной оценкой) с точки зрения некоторого общего критерия, имеющегося в общем алгоритме. Этим критерием может быть, например, сохранение машиной собственной структуры. Выбор варианта алгоритма поведения можно считать выбором цели, а поведение машины согласно этому алгоритму — осуществлением этой цели. Таким образом эта гипотетическая машина будет сама себе ставить цели в соответствии с заложенным в ней критерием».³⁵ В настоящее время первые шаги в этом направлении

³⁵ В. Б. Борщев, Ф. З. Рохлин, В. В. Ильин, По поводу статьи М. Н. Андрюшенко, «Некоторые философские вопросы кибернетики», «Философские науки», 1960, № 4, стр. 107.

уже делаются. Осуществление принципа ступенчатой функции означает создание огромного числа возможных способов поведения машины. Мультистабильная система способна к активизации своих одних или других подсистем, реализации то одной, то другой линии поведения. Использование различных видов обратной связи, принципов ступенчатой функции, ультрастабильности, дает возможность освободить модели от жестких программ, в результате чего одно и то же устройство при внешних одинаковых условиях может вести себя по-разному в зависимости от его внутреннего состояния, воспроизводя тем самым некоторое подобие свободы воли,³⁶ структурный коррелят приспособления, дополненного моментом произвольности, способности выбора.³⁷ Имеются указания также на принципиальную возможность моделирования нелинейного характера, флуктуаций сопротивления наружного слоя нейронов, что позволило бы воспроизвести в машинах основы воображения и инициативы, готовности принять вероятное решение, даже если оно не вполне обосновано.³⁸ Все это лишь начало, но уже и оно показывает, насколько осторожным надо быть в попытках установить пределы моделирования целенаправленной и целеполагающей деятельности. Развитие самообучающихся и самоорганизующихся автоматов подводит к появлению устройств, выполняющих функции, которые в них заранее не были заложены, неожиданных даже для их конструктора. Конструктор закладывает в них лишь общее свойство обучаться и общий критерий. Реализуя эту способность, автоматы будут сами вырабатывать новые структуры, новые законы, цели своего поведения. Если это будет достигнуто, способы программирования такого рода устройств будут все больше приближаться к методам, применяемым человеком в педагогической деятельности.³⁹

Кибернетика отвлекается от конкретного строения и материала различных управляющих систем, ограничиваясь лишь общими принципами. Вскрывая функциональные свойства, структуру идеализированных управляющих систем, она ни в коей мере не отрицает существования глубоких качественных отличий явлений разных порядков, относящихся к различным формам движения. Обвинять кибернетику в механицизме, метафизическом «сведении» столь же нелепо, как нелепо обвинять в этом арифметику или геометрию. Не может представлять собою проявления механицизма и обнаружение кибернетикой

³⁶ М. Г. Гаазе-Рапопорт, Автоматы и живые организмы, стр. 47.

³⁷ G. Klaus, Kybernetik in philosophischer Sicht, 9, 169; V. Stoljargow und K. H. Kannergiesser, Zu einigen philosophischen Fragen der Kybernetik, «Deutsche Zeitschrift f. Philosophie», 1962, H. 5, S. 607.

³⁸ О. Г. Шмитт, Мозг как вычислительная машина особого типа, «Кибернетический сборник», 1, М., ИЛ, 1960, стр. 75.

³⁹ М. Minsky, Artificial Intelligence, «Discovery», 1962, October, p. 37.

общих черт у сознательной цели человека и у определенных функций автоматических устройств. Не предоставляя аргументов в пользу механицизма и вульгарного материализма, кибернетика не оставляет в то же время места для дуалистического подхода к проблеме психической деятельности вообще, проблеме цели — в особенности. Те общие черты, которые кибернетика открывает у идеализированных управляющих систем, имеют характер необходимого закона, которому подчиняется также и сознательная деятельность человека. Не будучи материей в субстанциональном смысле, информация материальна, как в том смысле, что она не создается воспринимающей ее системой, субъектом, так и в том, что она всегда связана с некоторым материальным носителем, как отношение его организованности.⁴⁰ Поэтому и цель человека, поскольку она представляет собою особый вид информации управления, должна обладать и некоторой материальной стороной, воплощаясь в каких-то нервных процессах. Ничтожные количества энергии нервного процесса, составляющего эту материальную сторону цели, пускают в ход, направляют и контролируют энергию действий человека, и через эти действия — гигантские количества энергии используемых обществом природных процессов. Дуализм же, исходящий из абсолютизации противоположности психического и материального, из представления о нематериальности психического во всех отношениях, может рассматривать вопрос информационно-психических процессов в принципе только в двух направлениях. Во-первых, если дуалист признает информационный характер деятельности «души», то он весьма последовательно видит действие духа и в информационных процессах природы и техники. Кибернетика, с его точки зрения, — новое мировоззрение, в котором душа ищет своего пристанища не в потустороннем, а в этом мире.⁴¹ Цели машины тождественны в своей сущности с идеальными целями человеческой души, будучи проявлениями разлитого во всем мире духовного начала. Во-вторых, дуализм может вести к отрицанию применимости понятий кибернетики к процессам сознательной деятельности вообще, к волевым актам, к цели в особенности. Он постулирует в таком

---

⁴⁰ Если учитывать понимание природы информации крупными буржуазными авторитетами в области кибернетики, то известное и часто приводимое в нашей философской литературе положение Н. Винера о том, что информация — не материя и не энергия, следовало бы дополнить высказыванием Г. Кастлера — «Информация» не есть нечто невещественное; она всегда связана с некоторым реальным носителем — каким-либо объектом или событием». Г. Кастлер, *Азбука теории информации. Теория информации в биологии*, М., ИЛ, 1960, стр. 13. Заметим при этом, что от буржуазного ученого трудно требовать точности в употреблении терминов «невещественное» и «нематериальное», в данном же случае мы не имели возможности сопоставить перевод с оригиналом.

⁴¹ G. Günther, *Das Bewusstsein der Maschinen*, Darmstadt, 1957, S. 86.

случае существование произвольного перерыва в потоке информации, когда в него включается человек. Психический компонент регуляционного цикла играет роль чуждого естественному процессу фактора, вмешивающегося в область физиологических регуляций подобно тому, как человек вмешивается в течение тока в сети, включая или выключая по своему произволу контакты. Поэтому, с этой точки зрения, целенаправленная сознательная деятельность человека выпадает из закономерности регуляционного цикла.⁴² Дуализм этого рода лежит в основе тех выступлений буржуазных философов против понимания цели кибернетикой, о которых уже упоминалось выше. Так, Р. Тэйлор исходит из того, что цель может познаваться только интроспективно, выступая против объективного подхода к ней в кибернетике. Д. Уисдом,⁴³ доказывающий невозможность моделирования сознательной цели, защищает теорию «дуалистического взаимодействия» духа и тела, аналогичных в его представлении различным силовым полям.⁴⁴ Эти примеры можно было бы продолжить. Они показывают необходимость особенно тщательного противопоставления нашей критики механистических, вульгарноматериалистических извращений кибернетики критике их с позиций дуализма.⁴⁵

Мы пытались показать, что применение представлений кибернетики к рассмотрению цели как закономерности познавательной и практической деятельности человека, опрокидывая дуализм, предоставляет возможность сделать ряд выводов, обогащающих содержание этой категории диалектического материализма. Кибернетика указывает на объективное основание широкого применения понятия цели в его более общем смысле в естествознании, политической экономии, технике. Это оправдано не только в философском отношении. Использование данного понятия в его рассмотренном широком значении оправдывает себя и на практике, как в технической кибернетике и бионике, так и при изучении деятельности самого человека в качестве коммуникационной системы, представляющей собою в свою очередь звено системы управления машинами. Важность такого подхода к изучению человека в наш век стремительного разви-

⁴² H. Rohrer, *Regelprozesse im psychischen Geschehen*, Österreichische Akademie der Wissenschaften, philos.-historische Klasse, Sitzungsberichte, 236 B., 4 Abhandlung, 1961, S. 12—13.

⁴³ «Aristotelian Society», Supplementary Vol. XXVI, Men and Machines, London, 1952.

⁴⁴ J. O. Wisdom, *Mind-Body Relationship*, «The British Journal for the Phil. of Science», Vol. 12, N 8, 1952.

⁴⁵ В качестве примера того, что это не всегда учитывается, приведем следующую выдержку: «Когда речь идет о сознании и познании, физиология высшей нервной деятельности складывает свои полномочия, а вместе с ней и кибернетика становится некомпетентной...», Л. А. Абрамян, *Сигнал и условный рефлекс*, Ереван, АН Арм. ССР, 1961, стр. 55.

тия техники, вторжения ее в сферу сугубо субъективного, совершенно бесспорна. В этом изучении принимают участие математика, физика, радиоэлектроника, физиология, психология, антропология, медицина и т. д. Понятия кибернетики дают общий язык этим разнородным дисциплинам, объединяют их в комплексном исследовании одного общего вопроса.⁴⁶ Среди этих понятий важное место принадлежит понятию цели в его значении, выражающем существеннейший момент отношений управления и регулирования.

Поступила в редакцию 1 мая 1964.

---

⁴⁶ См. Б. Г. Ананьев, Комплексное изучение человека как очередная задача современной науки, «Вестник ЛГУ», № 23, серия экономики, философии и права, вып. 4, 1962.

О ПОНЯТИИ ИНФОРМАЦИИ

Р. Таммeste

Кибернетика как наука еще находится в процессе становления, для многих понятий и основных принципов до сих пор не найдены точные формулировки. Поэтому философия «может оказать кибернетике помощь в преодолении трудностей, которыми сопровождается процесс ее рождения, она может помочь кибернетике в борьбе против неправильного использования ее новых понятий в области мировоззрения, в области той или иной конкретной науки и политики... Многие понятия этой новой науки требуют философской абстракции и становятся в результате изучения кибернетики основой для обогащения многих категорий философии».¹

Одним из таких понятий кибернетики, требующим строгого общеполософского рассмотрения, является понятие информации. Ни в кибернетике, ни в теории информации оно не является основным. В строгом изложении теории можно было бы обойтись без него, ограничиваясь лишь понятием количества информации. Сама информация — это объект, который поддается количественному измерению по известным правилам вычисления.

Настоящая статья не претендует на всеохватывающее объяснение понятия информации, в статье даже не дается его точного определения. Более того, большинство выводов и положений представляются дискуссионными; статья носит скорее «негативный» характер, так как большое внимание уделяется вопросу о том, как нельзя определять понятие информации.

Разные понятия информации

«Информация» в общежитейском понимании слова обозначает осведомление, сообщение или знание. В таком смысле информация, приобретающая познавательную функцию для человека,

¹ Г. Клаус, Кибернетика и философия, М., ИЛ, 1963, стр. 8.

выступает в качестве посредника между сознанием и внешним миром. Именно этот аспект подчеркивается Н. Винером в одной из его популярных книг: «Информация — это обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособливания к нему наших чувств».² Хотя это определение в принципе не исключает возможности позитивистских и субъективистских толкований, все же оно указывает совершенно однозначно на источник нашей информации, которым является внешний, материальный мир.

Всякая человеческая информация отражает действительность лишь в известных пределах, условиях, отношениях, при этом не исключена возможность неправильного понимания реальных явлений. Действительно, говоря об информации, мы часто допускаем такие выражения, как «ложная информация», «искаженная информация», «достоверная информация». В этом заключается момент определенного различия между понятиями информации и истины. Процесс получения информации человеком есть определенная ступень познания истины, а именно: процесс воспроизведения познаваемого предмета или явления; этап, который не включает процесса общественной проверки. Истинность же информации выражает степень адекватности знаний субъекта с действительностью.

Несколько иной подход к понятию информации содержится в теории информации и в кибернетике. Информационное отношение выступает между двумя системами тогда, когда их поведение в известной мере сходно, когда одна система каким-то образом повторяет изменения другой. Информационное отношение есть «такое отношение между двумя явлениями, при котором одно из них несет информацию о другом, что собственно делает один объект таким представителем другого, что он является не только источником информации о себе самом, но оказывается также носителем информации об объекте отличном от него».³

Таким образом, системы в информационных отношениях должны быть в некотором смысле «близкими» между собой, т. е. быть связанными какими-то прямыми или косвенными действиями, которые формируют их «похожими» друг на друга. Информация рассматривается как нечто имеющее место тогда, «когда один материальный объект (или система объектов) выступает как эквивалент другого, когда его структура имеет значение не только сама по себе, но и как нечто, соответствующее чему-то, от него отличному».⁴

При кибернетическом подходе полностью абстрагируются от

² Н. Винер, Кибернетика и общество, ИЛ, 1958, стр. 31.

³ И. Н. Бродский, Причинность и информация, «Вестник Лен. ун-та», 1963, № 17, стр. 68.

⁴ Там же, стр. 75.

характера связи между имеющимися объектами (или системами) и отвлекаются от причины информационной связи. Независимо от того, характеризуется ли это взаимное отношение причинно-следственной связью, или отражением одного объекта на другой, или действием некоторого третьего объекта на оба объекта (косвенная связь), мы будем говорить об информационном отношении и о передаче информации от одного объекта к другому.

Вопрос о том, как определить философское понятие информации, сводится в конце концов к тому, каким образом соединяются эти разные, истолкования понятия информации в одно целое, каким способом обобщаются они, на первый взгляд, мало похожие друг на друга, так, что сливаются в одно общее понятие — в категорию информации.

Пока нет единого метода, который точно и однозначно указал бы порядок построения системы категорий. Поэтому в рамках неполной системы вопрос о построении новой категории представляет в некоторой степени семантическую проблему. И этим, кстати, объясняется необыкновенное разнообразие истолкования понятия информации, шума, управления и т. д., которые часто противоречат друг другу.

В своих многочисленных статьях и недавно вышедшей книге И. Б. Новик выдвигает тезис: «Информация — это упорядоченное отражение», или несколько видоизмененный тезис: «... информация связывается с упорядоченным отражением».⁵ При этом информация толкуется как реально существующее явление, которое не зависит от воли и сознания человека.

Но что собственно понимается под «упорядочением», является ли оно продуктом сознательного или бессознательного действия? Целенаправленное ли это действие или нет? Всякое отражение определяет в некотором смысле информационное отношение. Но действительно ли отражение исчерпывает все виды информационных отношений, тем более, что информация, по И. Б. Новiku, не всегда связывается с психическим отражением? Мы вполне согласны с И. Н. Бродским (см. цит. ст.) в том, что передача информации совершается в причинно-следственной цепи так, что причина становится сигналом следствия, следствие же — сигналом причины, если известен причинный закон. Причина, таким образом, становится источником информации о наступающем следствии, хотя не является упорядоченным отражением его, более того, отражением следствия вообще.

Приведем пример. Представим, что иностранцу показывают советскую рублевую монету. Исследуя ее, иностранец получает сведения не только о конкретной монете, но и обо всех монетах

⁵ См. напр., сб. статей «Кибернетику на службу коммунизму». М.—Л., 1961, стр. 40, или И. Б. Новик, Кибернетика, философские и социологические проблемы, М., 1963, стр. 60.

с такой же стоимостью, — одна монета выступает в качестве эквивалента другой, она представляет в некоторой степени другую, содержит информацию не только о себе самой, но и о другой такой же монете. Между разными рублевыми монетами устанавливается определенная информационная связь. Если выразиться точнее, то информационное отношение определяет соответствие между некоторыми свойствами монет — их стоимостью, геометрической фигурой, некоторыми физическими и химическими свойствами и т. д. Но вряд ли возникает информационное отношение между всеми свойствами, связанными с историей монет в государственном денежном обороте. Спрашивается, в каком виде выступает в приведенном примере отражение, продуктом упорядочения которого является информация (ведь иностранец, по И. Б. Новiku, вообще не играет никакой роли)? Нельзя считать логичным высказывание о том, что одна монета является отражением другой. Можно лишь указать, что все монеты имеют в своем генезисе общую причину, или точнее, их причинно-следственные цепи имеют общее звено; кроме того, внешняя фигура всех монет является отражением общей матрицы.

В теории информации известны методы отделения сигнала от случайных помех, от шума. Если под отражением понимается сигнал перед обработкой фильтрами и под упорядочением — процесс разделения сигнала и шума, то обнаруживается, что продуктом упорядочения оказываются и информация, и шум. А по мнению Новика, «...шум, естественно, будет неупорядоченным отражением».⁶

Недавно вышла из печати в русском переводе книга Г. Клауса. Среди многих интересных и плодотворных мыслей в книге встречаются, на наш взгляд, и некоторые спорные положения. Сомнение вызывает следующая формулировка: «Понятие информации, полученное в результате процессов абстрагирования в кибернетике, хотя и связано с философским понятием информации, но не тождественно ему».⁷ Действительно, философское понятие должно быть не менее общим, чем то же самое понятие в специальных науках. Но в кибернетике не существует никаких ограничений понятия информации, — существенно лишь то, чтобы информация допускалась к хранению, передаче, иногда и к измерению. Возможности кибернетики пока не выяснены. Но, вероятно, кибернетики не будут возражать против того, чтобы называть информацией и ту часть общечеловеческой информации, которая в принципе недоступна для всевозможных кибернетических устройств, если таковая вообще существует. Математики ведь называют функциями и невычислимые функ-

⁶ Сб. «Кибернетику — на службу коммунизму», стр. 40.

⁷ Г. Клаус, Кибернетика и философия, ИЛ, 1963, стр. 77.

ции — функции, которые ни одним способом не вычисляются. Поэтому нам кажется неоправданным говорить о двух понятиях информации — кибернетическом и философском.

Г. Клаус разделяет информацию на две составляющие: «Итак, информация — одно целое, состоящее из физического носителя и семантики»,⁸ и добавляет, что при всех физических преобразованиях информация сохраняет свою семантику. С этим можно было бы согласиться, если бы Г. Клаус не выдвигал положения о субъективном характере семантики: «Семантика информации субъективна, но ее субъективность имеет объективную основу. Эта объективная основа делает также понятным, почему вообще могут быть расшифрованы информации или системы информации, семантика которых поначалу нам абсолютно неизвестна, как, например, майяские тексты, этрусские надписи, клинописи майя в Центральной Америке и т. д. Во всех этих случаях мы вначале знаем лишь физический носитель информации и его структуру».⁹

Нам не известно, обратил ли Э. Кольман внимание на данную точку зрения Г. Клауса, но в одной своей статье он пишет: «Когда-то Лаплас высказал мысль, что для общения с марсианами следовало бы в равнинах Сибири построить интенсивно светящуюся фигуру теоремы Пифагора — по ней они поняли бы, что на Земле обитают мыслящие существа. В наше время некоторые считают, что этой же цели могут служить правильно чередующиеся мощные радиосигналы. Но если, например, предположить, что где-то в туманности Андромеды есть высокоорганизованные существа, то если они, например, жидкостные обитатели жидкой среды, у них не может быть ни метрической геометрии, ни даже арифметики в нашем смысле, а поэтому при посредстве понятий этих наук нельзя установить между нами и ими никакого общения. Если при помощи кибернетики удалось расшифровать древнюю письменность индейцев майя, то лишь потому, что у них и у нас имеются общие понятия, отражающие общность среды».¹⁰

Действительно, только при помощи физического носителя информации — сигнала — восстановление информации немислимо. Более того, имея последовательность неизвестных знаков, можно указать такую соответствующую систему декодирования, при помощи которой получается любое заданное сообщение. Второстепенную роль сигнала как физического носителя информации неоднократно подчеркивали и иностранные, и наши авторы: «Вне организованной системы сигнал может существовать

⁸ Там же, стр. 88.

⁹ Там же, стр. 103.

¹⁰ Э. Кольман, Чувство меры, Сб. «Возможное и невозможное в кибернетике», М., 1963, стр. 58.

и сохранять свои физические свойства, но теряет все свойства сигнала, утрачивается информация, связь с событием и реакцией, утрачивается возможность «понять» сигнал, использовать его для выработки реакции».¹¹

Семантика информации есть отражение действительности. Она имеет одинаковое значение для каждого человека. Субъективным может быть только носитель информации, напр., процессы в человеческом мозге, но не семантика.

Большое разнообразие имеется в толковании природы существования информации. И. Б. Новик, например, считает, что информация существует независимо от человека и вообще от жизни, являясь общим свойством материи; Б. С. Украинцев высказывает мысль о том, что информация появилась вместе с возникновением жизни; Н. И. Жуков утверждает, что управление и передача информации впервые стали возможными в живой клетке. Подавляющее же большинство философов связывает процесс возникновения информации с сознанием человека.

Сходство и несходство

Что же представляет собою «информация», какие явления и отношения действительности она отражает? Понятие информации лишь за последние 20 лет получило научное истолкование, однако его объективная основа — определенные взаимосвязи действительности, не могли оставаться не замеченными великими представителями диалектической мысли прошлого. Несомненно, глубокие догадки были высказаны уже Лейбницем. Еще более существенный вклад в объяснение диалектики информационных процессов, по нашему мнению, внесен Гегелем. Анализируя категорию сущности, Гегель указывает на взаимный переход сущности и видимости друг в друга при помощи определяющей рефлексии. Определения рефлексии — тождество и различие выражают как единство, так и различие сущности и видимости. Конкретные тождество и различие выступают в процессе самоотличения и самоотождествления, это не статические моменты, а процессы. Они разные, как рефлексии в самих себя, но они не соотнесены между собой и не определены по отношению друг к другу. Они разные, их различие внешнее, так как каждое из них есть единство самого себя и своего другого. Разность тождества и различия станет их определенным различием только при помощи внешней рефлексии, которая снимает их единство и устанавливает определенное различие. Внешняя рефлексия в качестве познающего субъекта устраняет конкретное тождество и конкретное различие — они

¹¹ И. А. Полетаев, Сигнал, М., 1958, стр. 33.

станут внешне положенными, не в себе и для себя, а для некоторого третьего.

«Это-то внешнее тождество есть одинаковость, а внешнее различие — неодинаковость».¹² Категории Гегеля «Gleichheit» и «Ungleichheit» точнее переводятся на русский как «сходство» и «несходство».¹³ В силу этого, ниже мы в переводе Гегеля везде вместо «одинаковости» и «неодинаковости» ставим соответственно «сходство» и «несходство».

«Сходно ли какое-нибудь нечто с другим нечто или нет, — это не касается ни того, ни другого нечто... Тождество или не-тождество, как сходство и несходство, есть соображение некоторого третьего, имеющее место вне их... разные, представляющие собой то одно и то же, с чем соотносят оба определения — сходство и несходство, — с одной стороны сходные между собой, а с другой стороны несходны и, поскольку они сходны, постольку они не несходны».¹⁴

Таким образом, сходство и несходство вещей устанавливаются человеком в отношениях к вещам, они суть продукты абстракций. «Сходство устанавливается между различными вещами, то есть в сходных вещах есть момент тождества при их различии. И, наоборот, несходство устанавливается между вещами тождественными. Это означает, что сама операция сравнения (разрядка моя — Р. Т.) предполагает наличие двух моментов в вещах — тождества и различия».¹⁵ Понятия сходства и несходства не абсолютны, их относительность определяется абстракцией. Именно на это обратил внимание В. И. Ленин: «Обычное мышление ставит рядом («daneben») сходство и различие, не понимая «этого движения перехода одного из этих определений в другое»».¹⁶

Гегель выдвигает положение: «...нет двух вещей, которые были бы вполне сходны», и указывает, что оно имеет глубокую мысль, выражая определенную разность. Он продолжает: «Две вещи суть не только две (нумерическая множественность есть только однородность); а они разны через некоторое определение. Предложение, гласящее, что нет двух вещей сходных между собой, поражает представление и, согласно известному анекдоту, поразила его также при одном дворе, где Лейбниц его изложил и тем побудил дам искать среди листьев дерева, не найдут ли они два одинаковых».¹⁷ «Две вещи не могут быть вполне сходны; таким образом, они одновременно и сходны и несходны, сходны уже тем, что они суть вещи или

¹² Гегель, Наука логики, Сочинения, т. 5. М., 1937, стр. 493.

¹³ См. Б. С. Чернышев, О логике Гегеля, М., 1941, стр. 35.

¹⁴ Гегель, Соч., т. 5, стр. 493—494.

¹⁵ Б. С. Чернышев, указ. соч., стр. 35—36.

¹⁶ В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 29, стр. 121.

¹⁷ Гегель, Соч., т. 5, стр. 496—497.

вообще две, ... несходны же они по предположению ... две вещи, с одной стороны и в одном отношении сходны, а с другой стороны и в другом отношении несходны».¹⁸

Установленные человеком понятия сходства и несходства отражают реально существующие отношения вещей — их конкретные тождество и различие, и тем самым обозначают путь познания человеком сущности вещей.

Прежде чем перейти к рассмотрению отношений между понятиями сходства, несходства и информации, разберем вопрос о том, как выступают сходство и несходство в действительности.

Материя как единственная и универсальная субстанция мира существует в своих конкретных формах и видах, которые образуют материальное единство в многообразии. Все процессы и предметы подчиняются множеству законов различного порядка, различной степени общности. Тем самым многие объекты становятся в каком-то смысле сходными между собой, хотя бы уже тем, что они вместе подчиняются одному закону и в то же время остаются несходными как вообще вещи разные. Следовательно, каждый закон указывает некоторый признак сходства объектов. На сходство каждого объекта, явления или отношения, с самим собой на всех этапах своего развития указывает один из основных законов диалектики — закон отрицания отрицания. Сходство объекта с самим собой на различных этапах изменения принято называть «повторяемостью». Важность повторяемости в качестве признака объективной закономерности подчеркивается В. И. Лениным.¹⁹

Таким образом, сходство, в частности повторяемость, является всеобщим свойством материи, характеризующим единство и взаимосвязанность ее отдельных форм и видов.

В силу того, что понятия сходства и несходства являются абстракциями тождества и различия, они выражают сущность сравниваемых объектов, на что обращает внимание и Гегель.²⁰ Сходство двух вещей не может появиться случайно, оно сущностно и поэтому имеет некоторую причину в причинно-следственных цепях обоих объектов. Сходство разных объектов проявляется только тогда, когда в их причинно-следственных цепях имеется общее звено. Иногда такое звено установить нелегко, но оно непременно существует.

Попытаемся выяснить, какое соотношение существует между категориями сходства и отражения.

«Отражение — категория, обозначающая особый продукт действия одной материальной системы на другую, который пред-

¹⁸ Там же, стр. 498.

¹⁹ См. В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 1, стр. 137.

²⁰ См. Гегель, Соч., т. 5, стр. 499—503.

ставляет собой воспроизведение в иной форме особенностей первой системы в особенностях второй системы».²¹

Как вытекает из приведенного определения, процесс отражения всегда устанавливает некоторое сходство между одной системой в прошлом и другой системой в будущем. Отражение строго определяет направление действия от отображаемого к отражаемому объекту и, тем самым, выражает несимметричность действия во времени. Отражение всегда сходно с отображаемым объектом, но не всякое сходство проявляется в отражательном процессе.

Отношение сходства всегда симметрично между сравнимыми системами, при определении его не нуждаются в указании «активной стороны» или направления действия. Понятие сходства охватывает более общие отношения между объектами, чем отношение отражения и отражаемого.

Как устанавливается человеком сходство или несходство разных вещей? Только при помощи абстракции, вследствие чего сходство выступает как тождество, несходство как различие. Следует отметить, что при сравнении разных объектов абстрагируют их по общему принципу, выделяя в них одни и те же общие свойства и стороны и отвлекаясь от остальных. Мы предлагаем для уточнения такого принципа действия следующее определение.

Если в процессе абстрагирования разных объектов отвлекаются от свойств и отношений одного и того же класса, выделяя у них все свойства и отношения определенного класса всеобщих свойств, тогда полученные абстракции называются однопорядковыми.

Порядок абстракции определяется совокупностью всеобщих свойств, например, температура, цвет, геометрическая фигура, химический состав и т. д., которые выделяются в процессе абстрагирования. Объектом абстрагирования может стать и само абстрактное понятие. При таких обстоятельствах порядок полученной «двойной» абстракции может быть определен пересечением совокупностей свойств «составных» абстракций. Нетрудно определить и отношение «включения» между некоторыми абстракциями, подразумевая тем самым отношения включения между соответствующими совокупностями выделенных свойств. Абстракцию А, которая по порядку включается в абстракцию В, естественно называть абстракцией более высокого порядка в отношении абстракции В. Легко видеть, что все абстракции абстрактного объекта А более высокого порядка, чем сама абстракция А. Если соединение разных абстракций определяется при помощи соединения соответствующих совокупностей выделенных всеобщих свойств, то получается порядко-

²¹ Б. С. Украинцев, Информация и отражение, «Вопросы философии», 1963, № 2, стр. 27.

вая структура всех абстракций.²² Следует, однако, отметить, что отношение включения не устанавливается между всеми парами абстракций.

Сравнение реальных объектов логически сводится к сравнению их некоторых однопорядковых абстракций, тождество или различие которых и определяет сходство или несходство самих объектов. Единичная абстракция может быть рассмотрена как система, элементами которой являются выделенные свойства, стороны и признаки абстрагированного объекта. Эквивалентность абстрактных систем обычно определяется при помощи понятия изоморфизма и гомоморфизма.

Перейдем к определению понятия сходства и несходства. Два объекта сходны между собой, если их определенные однопорядковые абстракции изоморфны. Если этого нет, то они несходны.

Из приведенного определения следует, что установление сходства двух объектов зависит от порядка рассматриваемых абстракций. Абсолютное, т. е. полное сходство устанавливается лишь между изоморфными системами, между абстрактными объектами. Полное сходство материальных объектов, как указывал Гегель, невысказано. Сходными являются и некоторая система и ее гомоморфный образ, если они рассматриваются относительно абстракции, порядок которой выше, чем у гомоморфного образа.

Данное определение, таким образом, обобщает понятие сходства и несходства Гегеля, распространяя его на область всевозможных материальных и абстрактных объектов. Из вышесказанного следует, что если два объекта сходны между собой, то некоторый гомоморфный образ одного из них изоморфен определенному гомоморфному образу другого. В дальнейшем мы покажем, что между понятиями информации и сходства существует глубокая связь.

Сущность информации и шума

Система событий — это математическая абстракция, которая отражает свойства и отношения реально существующих объектов и явлений. Для определения систем событий в процессе абстрагирования могут выделяться некоторые свойства и отношения реальных предметов и явлений. Элементами систем — событиями служат в таком случае элементы допустимого множества рассматриваемых свойств (или их комбинаций). Качественное разнообразие этих элементов определяется сущностью рассматриваемых объектов, и полученная абстрактная система

²² Более подробное изложение понятия структуры см. напр. Г. Биркгоф, Теория структур, М., 1952, или Н. Бурбаки, Архитектура математики, «Математическое просвещение», № 5, М., 1960, стр. 105—106.

целиком является характеристикой сущности реального объекта, отражая его внутренние закономерности и основные качества. Отдельные же события системы показывают отношения данного объекта с другим материальным явлением, являющимся случайным относительно рассматриваемого объекта. Поскольку сущность объекта не определяет его свойств, то последние являются внешними и случайными по отношению к ней, и мерой случайности служит вероятность соответствующих событий. Полученная абстрактная система событий оказывается гомоморфным образом самого реального объекта. Если сходство разных реальных объектов выражается именно в соответствии некоторых свойств, то при помощи абстракции определенного порядка получают изоморфные системы событий — эквивалентные модели. Между изоморфными системами каналы связи «функционируют» без шума, и информация, переданная одной системой, полностью устраняет неопределенность всех других изоморфных с ней систем.

В силу сказанного можем при некоторых обстоятельствах расширить понятие информационной связи и на реальные объекты, которые являются сходными в своем «поведении», т. е. выступлением некоторых свойств при определенных обстоятельствах. Тем самым мы далее допускаем такие выражения, как «между объектами существует канал», или «от одного объекта происходит передача информации к другому», или «один объект является носителем информации о другом», или «один объект является сигналом другого», подразумевая этим тот факт, что при наблюдении одного объекта можно выяснить и некоторые свойства другого при помощи правил соответствия, которые нам известны. Изучая «информационный аспект» связи двух объектов, мы не интересуемся характером материальных отношений между ними, а также тем, действительно ли в «канале» что-либо передается. Определенное значение имеют лишь правила соответствия, а не физические качества материальных связей. Информация при этом выступает не как реальный предмет, а как определенная организация соответствий материальных систем и предметов.

Такое расширение понятия информации не противоречит определению Винера. Человеческое сознание является отражением объективной реальности, так что между вещами и явлениями внешнего мира и их отпечатками в отражательном аппарате мозга существует определенное соответствие. Соответствие этой стороны познавательной деятельности можно выразить следующим образом. Если некоторому движению или явлению в действительности соответствует изменение модели внешнего мира в сознании во множестве первоначально возможных изменений (т. е. осуществляется ограничение разнообразия), то это значит, что при помощи познавательного процесса осуществля-

лась доставка информации человеком. Информационное отношение выступает и в этом случае в сходстве двух систем, хотя одна из них идеальная, абстрактно-логическая, другая — материальная.

То, что в познавательном процессе осуществляется передача информации от внешнего мира к человеку в том смысле, что отражательный аппарат головного мозга становится источником информации о действительности, вряд ли вызывает сомнение. Стоит лишь вспомнить, какое количество знаний о мире мы получаем при помощи посредничества других людей. Но и утверждение о том, что внешний мир может служить источником информации о знаниях, представлениях и психическом состоянии человека, давно известно и психиатрам, и правоведам и никоим образом не противоречит диалектико-материалистическому решению основного вопроса философии.

Информация не может быть истолкована как хранимый или передаваемый реальный объект, она может быть определена как организация и структура сходства реальных систем. Сходство данного объекта с другим не является внутренним свойством ни того, ни другого объекта, оно устанавливается человеком. Вопрос о том, является ли один объект носителем информации о другом, будет ли он сигналом другого, не зависит от природы обоих объектов; информационное отношение между ними устанавливается с указанием правил соответствия и рассматриваемых разнообразий. В этом заключается относительный характер информации.

Понятие информации — абстракция высокого порядка отношений действительности. Поскольку выделенные абстракцией свойства и отношения присущи самой действительности и их истолкование не зависит от воли какого-либо субъекта, информация — объективное понятие.

«Информация» — это абстракция, некоторая форма отражения мира в мышлении. Конечно, в действительности существуют явления и взаимные связи, которые служат основой формирования этого понятия. Понятие информации — продукт исторического развития человеческого познания, при помощи его познается сущность многих явлений реального мира. Как понятие оно принадлежит исключительно мышлению, человеческому сознанию.

«Всякая попытка, — пишет У. Р. Эшби, — трактовать информацию как вещь, которая может содержаться в другой вещи, обычно ведет к трудным «проблемам» которые никогда не должны были бы возникать».²³ На это обстоятельство иногда не обращали внимание наши авторы. Не следует понимать кибернетиков и математиков дословно, если они пишут о хранении, передаче и преобразовании информации в реальных системах, —

²³ У. Р. Эшби, Введение в кибернетику, ИЛ, 1959, стр. 216.

понятие передачи информации, например, обозначает лишь определенное соответствие между передатчиком и приемником, между входом и выходом системы, выражая тем самым определенную информационную связь. О передаче информации в телеграфной сети мы вправе говорить лишь в том смысле, что высланные и полученные телеграммы эквивалентны или в худшем случае сходны. То, что действительно передается как физическое явление, — это сигнал. Между информацией и сигналом как носителем информации существует определенная разница. Форма сигнала — материальный объект, информация — идеальна, абстрактна. Информация, передаваемая отдельным сообщением (сигналом), зависит существенным образом от того множества, из которого сообщение выбрано. Для иллюстрации сказанного приведем пример, принадлежащий У. Эшби: «Два солдата находятся в плену в двух вражеских странах: один в стране А, другой в стране В; их жены получают каждая по краткому сообщению: «Я здоров». Однако известно, что в стране А пленный может выбирать между сообщениями:

Я здоров,
Я слегка болен,
Я серьезно болен;

в стране же В разрешается отправлять только сообщение:

Я здоров,

означающее: «Я жив». (В множество возможностей входит также возможность «отсутствия сообщений»). Обе женщины будут, конечно, понимать, что хотя каждая из них получила одинаковую фразу, полученная ими информация отнюдь не тождественна».²⁴

Таким образом, «передаваемая информация не является внутренним свойством индивидуального сообщения»²⁵. Этот тезис неоднократно подтверждался советскими авторами²⁶ и, по-видимому, не вызывает сомнений.

Понятие информации не может быть полностью выяснено без определения его противоположности — шума. Нам кажется естественным исходить при этом, как и раньше, из категорий сходства и несходства.

Материальный мир чрезвычайно богат отношениями и взаимными связями. Одним из видов взаимодействия служит отражение, связь между двумя явлениями, заключающаяся в переносе свойств отражаемого на отражающее. Не следует забывать, что изолированная система двух реальных объектов со строго направленным действием одного на другой — лишь абстракция мышления. Все реальные тела и явления включаются одновре-

²⁴ У. Р. Эшби, Введение в кибернетику, стр. 177.

²⁵ Там же.

²⁶ См. напр. И. Н. Бродский, Цит. ст., стр. 74, или В. С. Тюттин, О сущности отражения, «Вопросы философии», 1962, № 5, стр. 69.

менно в огромное количество материальных связей, вследствие чего данный материальный объект оказывается сходным и несходным со многими другими объектами в разных аспектах. Отображения различных объектов как будто накладываются одно на другое, смешиваются и сливаются. Хотя между сходными явлениями всегда существует определенное соответствие, установить его иногда трудно. В этом проявляется момент «несходства» сходных вещей.

Истина постигается не сразу, а в сложном диалектическом процессе, имеющем свои ступени и стадии. При помощи абстрактного мышления выделяются лишь некоторые стороны действительности. Полученная абстрактно-логическая модель лишь приблизительно соответствует действительности, она может быть пополнена при помощи нового подхода к явлениям.

Иногда при рассмотрении сходных объектов их абстракции определенного порядка не являются изоморфными, хотя абстракции такого же порядка данных объектов при их полной изоляции от воздействий, внешних в отношении обоих, станут изоморфными. Если сходство таких объектов в «изоляции» выражается в изоморфизме соответствующих систем событий, то при учете всех реальных воздействий изоморфизм между соответствующими абстракциями того же самого порядка обычно исчезает, вместо одно-однозначных соответствий выступают и много-однозначные и много-многозначные типы соответствий, — информационная система поддается действию «шума».

Сущность шума выражается, таким образом, во внешних воздействиях на информационно связанные объекты, во всевозможных случайных явлениях, которые могут устранить определенное одно-однозначное соответствие между этими объектами. Иногда удастся исследовать суммарное воздействие «шумов» статистическими методами, измеряя, например, их среднюю мощность, спектр частот и другие средние характеристики. При учете всех полученных статистических данных шума мы получаем в информационной модели вместо динамического канала связи вероятностный канал с определенными вероятностями перехода от одной системы к другой. Такая вероятностная модель тоже является отражением реально существующих отношений между сходными объектами, однако она имеет приближенный, вероятностный характер. В свете полученной модели вся система взаимодействий материального мира приобретает вероятностный характер. При этом все случайные явления выступают как источники шума, а необходимые связи способствуют передаче информации, однако динамический характер этих связей до некоторой степени затемняется шумами.

Внутренняя необходимость с неизбежностью дополняется внешней случайностью, и последняя имеет своим основанием необходимость, будучи формой ее проявления. Поскольку раз-

ница между необходимостью и случайностью относительна, постольку и информация, и шум не являются абсолютными противоположностями. Информация — это не логическое отрицание шума, а лишь момент познания. То, что в некоторых отношениях выступает как информация, в других отношениях рассматривается как шум, и наоборот, то, что в данной ситуации выступает как шум, в других обстоятельствах приобретает значение информации. Например, шум, лишаящий возможности правильной передачи сигналов в системе связи, становится информацией для инженера, который должен устранить дефекты и расстройства этой системы. Поэтому иногда передача сообщения по каналу связи с шумом рассматривается как функция двух стохастических процессов: один из них — сообщение, другой — шум. Как указывает Эшби, «... шум по существу неотличим от любой другой формы разнообразия. Установить различие между сообщением и шумом можно только в том случае, когда имеется некоторый получатель, решающий, какая информация имеет для него значение».²⁷

Деформация сигнала не всегда является результатом воздействия шума. На это обращает внимание К. Шеннон: «... принятый сигнал не обязательно совпадает с сигналом, посланным передатчиком ... Если из определенного переданного сигнала всегда получается один и тот же принятый сигнал, т. е. принятый сигнал является определенной функцией от переданного сигнала, то такое явление может быть названо искажением. Если эта функция имеет обратную, т. е. никакие два переданных сигнала не создают один и тот же принятый сигнал, то искажение может быть скорректировано, по крайней мере в принципе, просто путем выполнения обратной функциональной операции над принятым сигналом».²⁸ Однако сообщение, испорченное шумом, уже не может быть восстановлено полностью, т. е. с точностью до изоморфизма. Вследствие шума количество переданной информации всегда уменьшается.

Некоторые приложения понятия информации.

На принципиальную невозможность «обогащения» информации обращает внимание Н. Винер: «Никакое действие над сообщением не может при этом дать увеличения средней информации».²⁹ Это обстоятельство следует учесть сторонникам т. н. «сенсационного подхода» к математическим машинам. Всякая вычислительная машина обрабатывает информацию, содержащуюся в начальных данных. Все ответы решаемой задачи имеются в скрытом виде уже в изложении задачи. Все попытки объяс-

²⁷ У. Р. Эшби, Указ. соч., стр. 267.

²⁸ Работы по теории информации и кибернетике, ИЛ, М., 1963, стр. 275.

²⁹ Н. Винер, Кибернетика, М., 1958, стр. 87.

нить вычислительный процесс производством новой информации оставляют открытую дверь для идеализма.

Такое положение вещей при решении задач статистики стало ясным из работ выдающегося английского статистика Фишера еще до возникновения кибернетики и теории информации.

«До него принималось как само собой разумеющееся, что как бы умен ни был статистик, более умный мог бы получить больше информации из имеющихся данных. Но сэр Рональд Фишер показал, что информация, которую можно извлечь из имеющихся данных, имеет максимум и что задача каждого статистика — лишь приближаться к этому максимуму, ибо выше него никто не может подняться».³⁰

Понятие информации тесно связано с понятием моделирования, с отношениями реального объекта и его модели. Модель есть некоторый аналог, эквивалент исследуемого объекта. При этом абстрактно-логическая модель является гомоморфным образом некоторой реальной системы, сходство же материального объекта с его материальной моделью устанавливается в их «поведении» и функционировании или в соответствии некоторых свойств. Одна и та же модель может быть соотнесена с несколькими различными объектами, один объект может иметь большое количество моделей, которые сходны с ним по-разному. Отношение сходства — симметрично, поэтому не всегда возможно указать, который из двух объектов является моделируемым, который моделью. Поэтому процесс моделирования может рассматриваться как ситуация, при которой два объекта одновременно моделируют друг друга, оказываясь, тем самым, сходными своим функционированием. В силу соотнесенности их некоторых свойств и отношений, установление некоторого принципа изменения у одного объекта влечет за собой установление некоторого другого принципа движения у другого, соответственно с первым. Закон движения в одном объекте может ограничивать разнообразие возможностей и для другого объекта. Вследствие этого, между двумя рассматриваемыми системами выступает некоторая информационная связь. При помощи установленных правил соответствия можно получить сведения о другом объекте, исследуя только первый, который выступает как эквивалент другого, как носитель информации о нем, как сигнал. Поэтому все свойства сигналов оказываются одновременно свойствами модели. Например, свойство «быть моделью» другого, отличного от него объекта, не является внутренним свойством ни данного объекта, ни другого. Вне организованной системы соответствий модель может сохранять свои физические свойства, но теряет все свойства модели: утрачивается информационная связь модели с объектом-оригиналом.

---

³⁰ У. Р. Эшби, Указ. соч., стр. 347.

Возможности моделирования различных физических, химических и экономических процессов в универсальной вычислительной машине огромны. Вычислительная машина может стать также моделью человеческого мозга при решении многих задач. Но вне предписания способа установления соответствия между действиями и их результатами в машине, с одной стороны, и в природных процессах или в мышлении, с другой, математическая машина остается лишь сложной электрической системой, процессы которой подчиняются строго электродинамическим законам. О машинном мышлении в настоящее время мы можем говорить лишь постольку, поскольку существует человеческое мышление (моделируемый процесс) и некоторая организованная система соответствия между машиной и человеком.

Остановимся кратко на вопросе о связи между понятиями информации и управления. В процессе управления осуществляется выбор между многими возможными действиями управляющей системы. Тем самым управление предполагает ограничение разнообразия возможностей. Не существует управления, если функция действия одной системы на другую подчиняется твердо установленным законам внутри рассматриваемых систем и поэтому может быть предвидена на некоторый интервал времени в будущем. Солнечную систему не следует рассматривать как управляемую Солнцем, так как движение планет и их спутников подчиняется приблизительно кеплеровским законам и для корректировки их орбит существуют довольно точные методы. Итак, кажется нецелесообразным расширять понятие управления на область жестко детерминированных динамических систем. Где не осуществляется ограничение разнообразия, там не нужна информация, она не может быть использована, и управление не может быть реализовано.

Но следует ли все виды передачи информации связывать с управлением? Ведь хранение информации тоже один из видов передачи — передача информации во времени. Если иметь в виду, что разница между информацией и шумом только относительна, не следует ли тогда связать шум с управлением? Если считать, как многие авторы, что передача информации везде и всегда влечет за собой некоторую форму управления, то, наверно, придется перенести это понятие и на отсутствие управления. Нам кажется нецелесообразным истолковывать понятие управления так широко, поэтому мы будем говорить об управлении одной системы другой не в отношении любых информационно связанных систем, например, моделируемой системы и модели. Более подробное исследование этого вопроса не является задачей данной статьи.

Остановимся еще на проверке истинности информации. Ни тот, ни другой объект не может оценивать свое сходство с другим, наблюдая лишь самого себя, включая в «самого» и принятые

сигналы. В системах связи проблемы «сходства» особенно важны, так как всякое «несходство» между отправленным и полученным сигналами может вызвать роковые недоразумения. Выработаны методы кодирования, допускающие открытие и исправление некоторых ошибок в сообщениях одним лишь получателем, но полной гарантии безошибочной передачи и в этом случае нет. Полная проверка сообщений может осуществляться только вне данной системы связи. Для изучения качеств одного канала требуется еще дополнительный, более надежный канал, характеристики которого уже известны.

Единственный канал связи между человеческим сознанием и внешним миром — это органы чувств, ощущения человека. Как оказывается, человек не в силах решать, сколь сходно его представление о происшедшем в данный момент, и различать информацию и шум. Но иногда он может приблизительно оценивать правдивость своих представлений о действительности в прошлом, так как он находится в некотором смысле вне системы — свое сознание в прошлом и внешний мир. Как же все-таки проверяется истинность полученной информации человеком и как устанавливается действительное соотношение информации и шума в наших представлениях?

«... критерий истины не может быть найден ни в сознании субъекта как таковом, ни в познаваемом объекте (разрядка моя — Р. Т.), ... критерий истины должен представлять собой определенное отношение, отличное от процесса познания, но вместе с тем органически связанное с ним. Таким отношением, материальным процессом является общественная практика, которая и образует критерий истины».³¹

«Величайшая гносеологическая оценка практики диалектическим материализмом свободна от ее абсолютизации. Всякая данная конкретно-историческая форма практики снимается новой, более совершенной практикой».³²

Наконец, хотелось бы подчеркнуть особую роль выяснения отношений понятия информации с другими общими понятиями и категориями, близкими к нему. Лишь после уяснения отношений с ними «информация» может выступить как философское понятие.

В силу своей общности категории не поддаются содержательным определениям, в которых не выступают их эквиваленты. Не следует, очевидно, искать всеохватывающего определения категории информации — гносеологически необычайно важного понятия, а нужно лишь определить его место в системе категорий.

Поступила в редакцию 1 июня 1964.

³¹ Философская Энциклопедия, т. 2, 1962, стр. 348.

³² Там же.

К ВОПРОСУ ОБ ОПТИМАЛЬНОСТИ ФОРМ МЫШЛЕНИЯ

В. Лившиц

В этой статье мы рассмотрим некоторые вопросы, связанные с формами мышления, и прежде всего возможность применения к ним понятия оптимизации.

Развитие науки и техники породило море информации, из которого человек успевает за всю жизнь использовать лишь незначительную долю, не более $45 \cdot 10^9$ бит (для сравнения укажем, что пропускная способность телевизионного канала составляет $6 \cdot 10^7$ бит/сек). Реальный мыслительный процесс протекает в условиях большого разнообразия. Информация со всех сторон окружает человека, и если бы не специальные защитные меры, то человеческий мозг оказался бы мгновенно переполненным. В таких условиях проблема повышения эффективности работы мозга представляет не только теоретический, но и практический интерес. И если в течение столетий изучение этого вопроса было привилегией философов, а также, в меньшей мере, биологов, то сегодня это уже область математиков и инженеров. По меткому выражению А. И. Берга, «оптимизация — это и есть кибернетика». Поставим вопрос: связано ли проникновение идей кибернетики в логику со стремлением к оптимизации мышления?

Не претендуя на полноту изложения, мы попытаемся осветить эту проблему, хотя дискуссионный характер большинства вопросов и отсутствие единой и точной терминологии создают определенные трудности.

1. Уже давно известен ряд задач, которые не поддавались разрешению методами формальной логики. Мы имеем в виду антиномии типа «порочного круга», связанные с отображением движения. Эти противоречия не могут быть устранены средствами обычной логики, то есть относительно этих антиномий система является неполной и в соответствии с теоремой Гёделя ее необходимо расширить. Введение фактора времени в систему формальной логики позволяет, по мнению С. А. Яновской, исключить антиномию, «превращая ее в некоторый аналог звонка».¹ Логические операции, какими бы сложными они ни были,

¹ См. сборник «Проблемы логики», М., 1963, стр. 12.

рассматриваются формальной логикой как протекающие мгновенно. Такое абстрагирование было полезно до тех пор, пока мы не встретились на практике с управлением реальных процессов. Работа реальных автоматов протекает во времени. «Это никак не является недостатком. Это предотвращает, например, появление более или менее явных порочных кругов различного вида (связанных с «неконструктивностью», «импредикабельностью» и т. п.), которые представляют собой основной класс опасностей в современных логических системах»².

Подобно классической физике Ньютона, которая исходила из мгновенного взаимодействия в природе, классическая формальная логика заключает в себе некоторую неточность, исходя из представления о мышлении, протекающем вне времени, т. е. мгновенно, с бесконечной скоростью. В известной работе С. К. Клини³ время включено в логические формулы как естественный элемент, для описания работы нервных сетей.

Введение времени в логику позволяет не только моделировать нервные сети и синтезировать автоматы, но и осознать такие фундаментальные понятия кибернетических систем, как обратная связь и память.

Наконец, отметим, что в биологии, по мнению Б. Ф. Ломова, «то, что психические процессы протекают во времени, является общепризнанным и подтверждается экспериментально»⁴.

2. Фундаментальный вывод теории информации, который имеет большое значение для теории познания, состоит в том, что информация в процессе ее передачи, восприятия и переработки может переходить из одной формы в другую. На значимость этой закономерности для информационных процессов в живых организмах и машинах указывает большинство исследователей. Например, Дж. Нейман⁵ пишет, что человеческие языки являются исторически случайными по форме и что в процессе переработки информации они могут преобразовываться в непривычные для нас формы. На исключительное значение перекодирования в нервной системе указывает, например, Н. Д. Стеценко.⁶

Изменение формы информации осуществляется по двум принципам: последовательного⁷ и параллельного перекодирования.

² См. Дж. Нейман, Вероятностная логика и синтез надежных организмов из ненадежных компонент, сборник «Автоматы», М., 1956, стр. 69.

³ См. С. К. Клини, Представление событий в нервных сетях и конечных автоматах, сборник «Автоматы», М., 1956.

⁴ См. Б. Ф. Ломов, Человек и техника, Л., 1963, стр. 105.

⁵ См. Дж. Нейман, Вычислительная машина и мозг, Кибернетический сборник № 1, М., 1960.

⁶ См. сборник «Биологические аспекты кибернетики», М., 1962.

⁷ Это понятие отличается от термина «последовательное декодирование». См. Дж. Возенкрафт, Б. Рейффен, Последовательное декодирование, М., 1963.

ния. Под операцией последовательного перекодирования мы понимаем такое изменение формы информации, при котором ее количество не изменяется. Например, при перекодировании буквенного текста в код Бодо и обратно меняется форма информации, но ее количество остается неизменным. Под операцией параллельного перекодирования информации мы понимаем такое изменение ее формы, в процессе которого изменяется также и ее количество.

Устройства, в которых в результате перекодирования объем информации уменьшается, называются анализаторами. Характерным примером анализатора может служить рецепторное поле с регулируемой чувствительностью элементов (коэффициента избытка информации), что дает возможность резко уменьшить количество информации об изучаемом предмете, сохраняя существенную информацию. По мнению ряда авторов, подобный принцип должен широко использоваться организмами.^{8,9}

3. Объединение двух изложенных выше положений об изменении формы информации в процессе мышления и учете того, что этот процесс идет во времени, приводит нас к простому и естественному выводу о возможности оптимизации процесса мышления. Под оптимизацией мы понимаем минимизацию затрат времени в процессе мышления путем изменения форм мышления. Формы, соответствующие минимальным затратам времени или максимуму информации, будут оптимальными. Следует отличать потенциальную оптимальность от реальной. В реальной обстановке в условиях органического времени для адаптации живые организмы могут проявлять лишь тенденцию к оптимизации (т. е. реальной оптимизации); поискам более простого и эффективного решения. На эту особенность в оптимизации поведения биологических систем указывает У. Росс Эшби¹⁰. А. Н. Колмогоров также отмечает, что путем «интуиций» человек не может найти лучшего решения, если этого нельзя достичь из предложенного путем постепенных мелких улучшений.

Задача теории зачастую сводится к тому, чтобы теоретически обосновать или указать пути к более эффективному решению, нахождению оптимального алгоритма.

Работает ли мозг по принципу оптимальности?

Конечно, на это пока нельзя ответить прямо, т. к. принципы работы мозга еще не сформулированы полностью. Однако уже достаточно теоретических и экспериментальных данных, чтобы сформулировать проблему как таковую.

⁸ См. Г. Барлоу, Возможные принципы, лежащие в основе преобразования сенсорных посылок, сборник «Электроника и кибернетика в биологии и медицине», М., 1963.

⁹ См. Н. М. Амосов, Моделирование информации и программ в сложных системах, «Вопросы философии», 1963, № 12.

¹⁰ См. У. Росс Эшби, Конструкция мозга, М., 1962.

По крайней мере мы должны как-то объединить множество идей и экспериментальных фактов. Приведем некоторые из них:

«В гении замечательно умение отсеивать возможности»¹¹.

«Важно уметь преобразовывать алгоритмы, точнее их логические схемы, с тем чтобы для каждой машины можно было выбрать возможно более выгодную форму»¹².

«...форма языка, сохраняющаяся благодаря самому факту ее употребления и сохранения, обязательно принимает форму, очень близко напоминающую оптимальную форму распределения».¹³

Этот список цитат можно было бы продолжить, однако в этом нет особой необходимости.

В процессе восприятия, хранения, переработки и передачи информации человеком формы ее представления таковы, что время, затрачиваемое на эти операции, минимальное (или становится минимальным в процессе обучения), а полученная информация максимальная. Формы мышления, соответствующие этому минимуму времени, назовем оптимальными.

Оптимальность форм мышления достигается с помощью следующих принципов: оптимального перекодирования, символизации, усиления мыслительных способностей (по Эшби), иерархии, обратной связи, простоты.

Рассмотрим далее конкретные способы оптимизации формы информации.

Оптимальное перекодирование

Оптимальное последовательное перекодирование с минимальным кодовым обозначением осуществляется по методу Шеннона — Фэно. При этом способе перекодирования событиям с большей вероятностью соответствуют более короткие кодовые обозначения. Для доказательства того, что человеческое мышление следует этому принципу перекодирования, обратимся к языку. В приведенной ранее цитате Н. Винера указывается, что форма языка принимает оптимальную форму распределения. На основании данных частотного словаря русского языка¹⁴

¹¹ У. Росс Эшби, Схема усилителя мыслительных способностей, сборник «Автоматы», М., 1956, стр. 285.

¹² А. А. Ляпунов, О некоторых общих вопросах кибернетики, сборник «Проблемы кибернетики», вып. 1, М., 1958, стр. 15.

¹³ Н. Винер, Кибернетика и общество, М., 1958, стр. 100.

¹⁴ См. Э. А. Штейнфельд, Частотный словарь современного русского литературного языка, Таллин, 1963.

нами подсчитаны частоты слов в зависимости от количества букв в них. Эти данные представлены в таблице:

Количество букв в слове	Частоты 10^{-4}	Количество букв в слове	Частоты 10^{-4}
1	146,0	7	1,7
2	36,5	8	1,4
3	9,5	9	1,2
4	4,6	10	1,0
5	2,7	11	0,9
6	2,2		

Хотя частотный словарь охватывает около 80% слов, и мы для упрощения принимаем все буквы алфавита равновероятными, оптимальность кодирования понятий хорошо видна в таблице: чем больше частота употребления, тем короче его кодовое обозначение.

Оптимальное кодирование осуществляется по экстремальному принципу — максимум информации на символ. В силу этих же причин наиболее эффективной является двоичная логика, т. к. в процессе такого рассуждения мы получаем максимальную информацию от каждой логической операции (выбора)¹⁵.

Символизация

Символизация — это такой способ перекодирования, при котором с целью уменьшения длины кодового обозначения число букв алфавита выбирается соизмеримым с количеством событий, т. е. за счет большой избыточности алфавита достигается краткость слов сообщения. В целом это дает уменьшение энтропии в сообщении. Так, по нашим расчетам кодирование химических элементов в обычном алфавите требует 3215 бит, а путем символизации энтропия составит только 626 бит. Такое снижение энтропии химического языка делает его простым для изучения закономерностей в химии. Этот факт отмечает Г. Клаус¹⁶.

Таким образом, символизация позволяет снизить энтропию сообщения без потери информации путем использования узко специализированных языков.

¹⁵ См. Ст. Бир, Кибернетика и управление производством, М., 1963.

¹⁶ См. Г. Клаус, Введение в формальную логику, М., 1960.

Усилитель мыслительных способностей (по Эшби)

Ранее мы рассмотрели применение параллельного перекодирования с целью анализа образа. Рассмотрим теперь применение параллельного перекодирования для усиления мыслительных способностей. Техническая реализация этого принципа привела к созданию т. н. усилителя мыслительной способности. По определению У. Росс Эшби, это «техническое устройство, перерабатывающее большее количество информации, чем было потрачено на его создание и поддержание его работоспособности»¹⁷. Этот принцип широко используется для преодоления ограничений, вводимых законами теории информации для каналов связи. Аналогом информационного усилителя могут служить устройства, усиливающие мускульную силу человека, а также т. н. тепловые насосы, которые перекачивают тепловой энергии больше, чем идет энергии на тепловой насос (холодильный цикл).

Человек широко использует принцип информационного усиления с целью расширения своих возможностей. Наши понятия о предметах и явлениях мира не содержат полной информации, однако человек безошибочно отличает их друг от друга. По имеющимся у нас экспериментальным данным (работа не опубликована), в процессе обучения происходит увеличение коэффициента информационного усиления. В средней стадии обучения он составляет 3—4 единицы.

Принцип иерархии (многоступенчатости)

Иерархия является важнейшим универсальным принципом построения структуры информации, с помощью которого можно создавать информационные усилители с большим коэффициентом усиления из простейших элементов. Иерархический принцип управления сложными системами нашел широкое применение в технических устройствах, а также в живых организмах. Иерархическое построение управляющих систем приводит к снижению потоков информации.

А. А. Ляпунов¹⁸ указывает на два различных способа образования более высокого уровня управления: структурный и статистический. А. А. Ляпунов определяет следующие иерархические уровни живых организмов: молекулярно-биологический, организменный, популяционный, эволюционный.

¹⁷ У. Росс Эшби, статья «Мыслительных способностей усилитель», энциклопедия «Автоматизация производства и промышленная электроника», т. 2, М., 1963, стр. 344.

¹⁸ См. А. А. Ляпунов, Об управляющих системах живой природы и общем понимании жизненных процессов, «Проблемы кибернетики», № 10, 1963.

Универсальное применение этого принципа объясняется весьма просто, т. к. он «обеспечивает экономичность структуры и устойчивость функционирования системы»¹⁹.

Принцип обратной связи

Имеет особое значение в процессе достижения оптимальных форм информации, т. к. играет корректирующую роль, служит источником самообучения системы. Понятие обратной связи широко известно, поэтому мы ограничимся здесь этим кратким замечанием.

Принцип простоты

Обычно этот принцип, применяемый для качественной характеристики всякой научной теории, является мерой совершенства ее структуры. По мнению И. В. Кузнецова,²⁰ математическая модель объекта является простой в том случае, если она не содержит неоправданной избыточности (нелинейные члены, порядок производных не выше необходимых). Другими словами, разрешающая способность теории требуется не выше, но и не ниже необходимой. Таким образом, для познания объекта необходима оптимальная точность модели. Г. Клаус²¹ относит принцип простоты к методологическим принципам науки. По его мнению, «принцип простоты есть средство, позволяющее сделать выбор между многими гипотезами»²².

Многие авторы считают символизацию средством для достижения простоты теории. Так, М. Ромакин²³ указывает, что сокращенное обозначение матриц вносит простоту в их теорию.

На упрощение теории с помощью математической символики указывают А. Эйнштейн и Л. Инфельд²⁴. А. Эйнштейн²⁵ пишет, что чем проще исходные положения, правила вывода и шире область их применения, тем совершеннее теория. В этой же работе он указывает, что точная формулировка критерия логиче-

¹⁹ А. И. Китов, Статья «Кибернетика и управление народным хозяйством», сборник «Кибернетику — на службу коммунизму», т. 1, М., 1961, стр. 206.

²⁰ См. И. В. Кузнецов, О математической гипотезе, «Вопросы философии», № 10, 1961.

²¹ См. Г. Клаус, Введение в формальную логику, М., 1960.

²² Там же, стр. 445.

²³ См. М. И. Ромакин, Элементы линейной алгебры и линейного программирования, М., 1963.

²⁴ См. А. Эйнштейн и Л. Инфельд, Эволюция физики, М., 1956.

²⁵ См. А. Эйнштейн, Творческая биография, «Успехи физических наук», май 1956, т. LIX, вып. 1.

ской простоты теории представляет большие трудности. О принципе простоты в теории писали также И. Ньютон²⁶, Макс Борн²⁷. Л. Куффиняль²⁸ указывает, что развитие большей части теорий прекращается из-за большой сложности, вследствие чего человеческий ум перестает их представлять.

По мнению А. Н. Колмогорова, тенденция к поискам возможно более простых решений в мышлении и творчестве является универсальным принципом.

Подведем итог сказанному. Логическая простота теории характеризуется степенью ее упорядоченности. Чем больше эта степень, тем совершеннее теория. В настоящее время известно лишь одно универсальное понятие меры упорядоченности — энтропия. Поэтому можно утверждать, что принцип простоты в терминах кибернетики означает принцип минимума энтропии теории. Чем меньше энтропия теории, тем она проще.

Принцип простоты нашел практическое применение в самоорганизующихся перцептронах, в процессе обучения которых происходит снижение энтропии ассоциирующей системы до минимума²⁹. Таково вкратце существо основных принципов для достижения оптимальных форм мышления. Более глубокий логический анализ, видимо, позволит сократить число этих принципов.

4. Теперь приведем некоторые экспериментальные данные, подтверждающие, что оптимизация форм мышления реально применяется живыми организмами.

Инженерная психология и нейрокибернетика исследуют эту проблему экспериментально. В книге «Проблема нейрокибернетики» указывается на то, что для образования понятий нужна иерархическая система абстракций. Авторы провели изучение алгоритмов животных и пришли к выводу, «что при формировании новых форм поведения животные не делают всех возможных движений, а осуществляют двигательные реакции в определенной оптимальной последовательности (по определенным правилам), которые приводят к получению максимального количества «полезной» информации при минимальном количестве простых движений».³⁰

В очень интересной, уже упомянутой ранее книге Б. Ф. Ло-

---

²⁶ См. И. Ньютон, Оптика, М., 1954.

²⁷ См. Макс Борн, Физика в жизни моего поколения, М., 1963.

²⁸ См. Л. Куффиняль, Кибернетика — искусство управления, ежегодник «Наука и человечество», М., 1963.

²⁹ См. В. П. Сочивко, Электронные опознающие устройства, М., 1964.

³⁰ С. Н. Брайнс, А. В. Напалков, В. Б. Свечинский, «Проблемы нейрокибернетики», М., 1959, стр. 45.

мова описываются способы оптимального кодирования информации человеком. Б. Ф. Ломов указывает, что вопрос о форме сигналов является важнейшим для инженерной психологии. На основании опытных данных Г. А. Миллера и С. Смита автор приходит к выводу, что «по-видимому, преобразование информации является одной из существенных черт процессов запоминания»³¹. Для эффективного запоминания последовательности бинарных чисел испытуемые переводили их в десятичный код, что значительно повышало эффективность памяти.

В процессе параллельного перекодирования (анализа образа) происходит потеря информации, что приводит к увеличению латентного периода и величины условнорефлекторной реакции. Однако такая схематизация образа является «экономным способом сохранения максимума информации о воспринятом объекте»³².

5. После всего изложенного нам представляется возможным несколько уточнить определение формальной логики. Мы понимаем под формальной логикой науку о законах и формах оптимального мышления. Можно, конечно, дать и другие определения, но важно, чтобы они включали в себя проблему оптимизации, что означает включение в формальную логику фактора времени. Оптимальность форм мышления позволяет достигнуть необходимой быстроты в понимании и решении возникающих в жизни проблем. Таким образом, познание законов и путей результативного мышления есть важная задача современной логики, связанная с ее практическим значением. Об этом хорошо говорится у А. Л. Субботина: «... сознательное овладение логикой может значительно более усовершенствовать наши способности к правильному (т. е. в нашем определении оптимальному, В. Л.) мышлению, чем стихийное»³³.

Усовершенствование информационных машин с необходимостью требует усовершенствования мыслительных способностей мозга, т. е. мы имеем как бы обратную связь между машиной и человеком. Об этом говорит Н. Винер: «Если мы требуем «ума» от машины, то от самих себя мы должны потребовать еще больше ума»³⁴. Подобную мысль высказывает и И. А. Полетаев³⁵. О благотворном влиянии машинного языка на человеческий язык указывает В. А. Звегинцев³⁶. Можно согласиться

³¹ Б. Ф. Ломов, Человек и техника, Л., 1963, стр. 133.

³² Там же, стр. 151.

³³ См. А. Л. Субботин, Что дает нам знание формальной логики, «Вопросы философии», 1961, № 4, стр. 142.

³⁴ Беседа Н. Винера с авторским коллективом журнала «Вопросы философии», 1960, № 9, стр. 165.

³⁵ См. Полетаев И. А., «Сигнал», М., 1958.

³⁶ См. В. А. Звегинцев, Математика и язык, беседа с проф. В. А. Звегинцевым, «Техника молодежи», 1961, № 1.

также с мнением Г. Щедровицкого³⁷, который по существу поднимает вопрос о необходимости оптимизации технологии мышления.

* * *

Мы стремились изложить некоторые аспекты актуальной проблемы формальной логики — оптимальности форм мышления: Мы стремились показать, что этот принцип широко используется в процессе мышления, и нам оставалось лишь обратить внимание читателей на этот примечательный факт. Проблема оптимизации обучения и алгоритмов нами не рассматривалась.

В этой статье учтен целый ряд критических замечаний и советов академика А. Н. Колмогорова и кафедры философии Тартуского университета. Автор выражает глубокую признательность за оказанную помощь.

Поступила в редакцию 1 июня 1964.

---

³⁷ См. Г. Щедровицкий, Технология мышления, «Известия», от 1/X-1961.

К ВОПРОСУ О ФИЛОСОФСКОМ СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ СИММЕТРИИ

Ю. Таммару

В последнее время в естественных науках все больше внимания уделяется принципу симметрии. Число наук, в которых используется этот принцип, увеличивается в связи с применением в них физико-математических методов. Вопрос о симметрии стал оживленно обсуждаться в философской литературе.¹⁻⁷

Еще недавно понятие симметрии широко использовалось лишь в кристаллографии. В конце прошлого века Пьер Кюри писал: «Физики часто пользуются условиями, вытекающими из симметрии явления, но обычно пренебрегают точным определением симметрии явления, потому что достаточно часто эти условия оказываются простыми и а priori почти очевидными».⁸

В настоящее время понятие симметрии все глубже проникает в целый ряд наук вплоть до логики, особенно же в теоретическую физику и в физику элементарных частиц.⁹ Симметрия является одним из исходных принципов при построении единой

¹ А. Л. Абрамян, Принцип симметрии и диалектика, Изв. АН Арм. ССР, серия общественных наук, 11, 1961.

² В. С. Готт, В. И. Ленин и некоторые философские вопросы современной физики, Автореферат на соискание ученой степени доктора философских наук, Киев, 1961.

³ В. С. Готт и Н. П. Депенчук, Симметрия и асимметрия на грани живого и неживого, Сб. «Философские вопросы современной биологии», Изд-во АН УССР, 1962.

⁴ Н. П. Депенчук, Симметрия и асимметрия в живой природе, Киев, 1963.

⁵ Н. Ф. Овчинников, О классификации принципов сохранения, «Вопросы философии», 1962, № 5.

⁶ Bodo Wenzlaff, Symmetrie als allgemeine Strukturgesetze der Natur, «Deutsche Zeitschrift für Philosophie», 10, 1963.

⁷ В. С. Готт, Симметрия и асимметрия, Сб. «Некоторые категории диалектики», Росвуиздат, 1963.

⁸ P. Curie, «Journ. de Phys. theor. appl.», 393, 1894. Цитируется по: А. В. Шубников, Проблема диссимметрии материальных объектов, Изд-во АН СССР, М., 1961.

⁹ Ю. В. Сачков, Развитие представлений физики об элементарных объектах в свете идей симметрии, «Вопросы философии», 1963, № 2.

теории поля.¹⁰ Правда, В. Гейзенберг трактует симметрию идеалистически, в духе платонизма, однако это не уменьшает значения симметрии, а лишь требует самого внимательного рассмотрения философских вопросов, связанных с ней.

Особенно повысился интерес к вопросам симметрии в связи с открытием факта несохранения четности при слабых взаимодействиях элементарных частиц. По этому вопросу в настоящее время имеется большая литература, предложено много интерпретаций этого явления, наиболее признанной из которых является интерпретация Л. Д. Ландау, Ли и Янга о комбинированной инверсии.^{11—14} Однако вряд ли можно считать какую-либо из предложенных интерпретаций окончательной. В современной науке нельзя рассматривать симметрию отдельно от парной ей категории диссимметрии (или асимметрии).¹⁵ Впервые обратил внимание на необходимость рассматривать неразрывно симметрию и диссимметрию явлений Пьер Кюри.¹⁶

Таким образом, мы имеем парные категории симметрии и диссимметрии. Категории симметрии и диссимметрии действуют в весьма широких пределах, а по мнению некоторых авторов, и в общественных явлениях.¹⁷ На этом основании считают, что симметрия и диссимметрия — «философские понятия».^{18, 19} Ясно, что при таком толковании понятия симметрии и диссимметрии не могут сводиться к обычным классическим представлениям о них, примененных в основном лишь к пространственно-временным отношениям. Однако применимость того или иного понятия или теории во всех конкретных науках не является еще достаточным основанием для того, чтобы считать то или

¹⁰ См. В. Гейзенберг, УФН, т. 56, вып. 2, 1958.

¹¹ См. напр. Л. Д. Ландау, ЖЭТФ, т. 32, вып. 2, 1957. О других интерпретациях:

¹² И. С. Шапиро, УНФ, т. 59, вып. 3, 1957.

¹³ А. А. Соколов, Некоторые методологические вопросы теории несохранения четности, «Вопросы философии», 1959, № 10.

¹⁴ А. В. Шубников, Проблема диссимметрии материальных объектов.

¹⁵ Несколько слов о терминах диссимметрия и асимметрия. Под диссимметрией понимается обычно нарушение симметрии, отсутствие некоторых элементов симметрии по сравнению с некоторой высшей группой симметрии. Под асимметрией понимается отсутствие симметрии вообще. Асимметричной в классическом учении о симметрии считается фигура, преобразующаяся в себя лишь идентичным преобразованием (например треугольник, не имеющий равных сторон). Поэтому категорию, противоположную симметрии и находящуюся с ней в единстве, правильнее было бы называть диссимметрией, а не асимметрией (см. А. В. Шубников, Симметрия и антисимметрия конечных фигур, М., 1951, стр. 160—161).

¹⁶ P. Curie, «Journ. de Phys. theor. appl.», 393, 1894.

¹⁷ В. С. Готт, В. И. Ленин и некоторые философские вопросы современной физики, стр. 24.

¹⁸ Там же.

¹⁹ В. С. Готт, Симметрия и асимметрия, Сб. «Некоторые категории диалектики».

иное понятие, ту или иную теорию философскими²⁰, для этого требуется еще специальное исследование. Но во всяком случае можно считать симметрию и диссимметрию крайне общими естественно-научными категориями.²¹

По нашему мнению, основой для выяснения философского содержания этих категорий является установление их связи с противоречивой сущностью движения²², рассмотрение их как проявления этой противоречивости, а также рассмотрение антисимметрии как частного случая соотношения противоположностей²³. Остановимся кратко на первой проблеме.

Между симметрией и законами сохранения существует настолько тесная связь, что часто эти принципы между собой не различаются. В физике известна теорема Нетер, утверждающая, что со свойствами симметрии системы переменных, описывающих физические явления, связаны законы сохранения (интегралы движения). В частности, законы сохранения энергии, импульса и момента импульса связаны с однородностью времени, однородностью и изотропностью пространства. Необходимо отметить, что инвариантные преобразования Галилея, Лоренца, калибровочные и другие являются также преобразованиями симметрии, которым соответствуют законы сохранения.^{24, 25, 26, 27} Таким образом, тесная связь между симметрией и законами сохранения является надежно установленным фактом науки сегодняшнего дня.

Как известно, законы сохранения находятся в неразрывной связи с законами превращения, представляя по существу один закон сохранения и превращения тех или иных физических величин. Момент качественного превращения этих величин связывается с категорией диссимметрии.²⁸

Связь диссимметрии и симметрии соответственно с движением и покоем, изменением и сохранением можно рассматривать и в другом аспекте. Эта связь проявляется уже в том, что чем больше мы открываем свойств того или иного объекта, тем более низкой группой симметрии он описывается. Но мы знаем,

²⁰ См. Г. Клаус, Кибернетика и философия, ИЛ, М., 1963, стр. 24—25.

²¹ Н. П. Деппенчук, Симметрия и асимметрия в живой природе, Изд-во АН УССР, Киев, 1963, стр. 26.

²² См. напр. В. И. Свидерский, Противоречивость движения и ее проявления, Ученые записки ЛГУ, № 248, 1952.

²³ См. напр. Л. А. Абрамян, Принцип симметрии и диалектика, Изв. АН Арм. ССР, серия общ. наук, 11, 1961.

²⁴ Чжень-нин Янг, УФН, т. 66, вып. 2, 1958.

²⁵ В. Гейзенберг, УФН, т. 66, вып. 2, 1958.

²⁶ Н. Ф. Овчинников, указ. статья, «Вопросы философии», 1963, № 5.

²⁷ Физический энциклопедический словарь, т. 3, статья «Нетер теорема», стр. 426—427.

²⁸ В. С. Готт и А. Ф. Перетурин, «Философские науки» 2, 1963, стр. 114.

что «только в движении обнаруживаются свойства тел»,²⁹ тем самым в этом проявляется связь диссимметрии с движением. Так, например, классические атом или «элементарная» частица считались бесструктурными и неизменными и описывались симметрией группы $\infty/\infty \cdot m$ (симметрия обыкновенного шара). В процессе познания свойств элементарных объектов (их движения) понижался уровень симметрии, с помощью которой они описывались. «Современная» элементарная частица описывается только одним элементом симметрии, осью симметрии бесконечного порядка (симметрия группы ∞ -симметрия вращающегося конуса), самой низшей из предельных групп симметрии³⁰.

Исследуя вопрос о роли симметрии в науке, Пьер Кюри приходит к выводу, что «некоторые элементы симметрии среды могут сосуществовать с явлением, но они не являются обязательными. Обязательным является лишь отсутствие некоторых элементов симметрии. Это она — диссимметрия — творит явления».³¹ Другими словами, если мы имеем какую-нибудь среду, обладающую по отношению к данным свойствам³² определенной симметрией (и диссимметрией), то множество тех явлений, которые могут происходить в данной среде, множество изменений этой среды определяются диссимметрией данной среды, причем для того, чтобы в данной среде могло произойти данное явление, существенно не наличие какого-либо элемента симметрии, а наоборот, отсутствие его, говоря иначе, существенен элемент диссимметрии.³³ Таким образом, диссимметрия характеризует возможность того или иного явления, того или иного изменения. Диссимметрия и множество возможных движений, изменений находятся как бы в «прямой пропорциональной зависимости», т. е. чем менее симметрична среда, чем больше в ней элементов диссимметрии, тем больше может в данной среде происходить изменений и явлений.³⁴

Элементы симметрии со своей стороны характеризуют те виды движения, которые в данной среде, в данной системе невозможны без нарушения симметрии.

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 563.

³⁰ Ю. В. Сачков, указ. статья, «Вопросы философии», 1963, № 2.

³¹ P. Curie, «Journ. de Phys. theor. appl.», 393, 1894.

³² Необходимо отметить, что по отношению к различным видам явлений, различным свойствам, среда может характеризоваться различными группами симметрии.

³³ См. А. В. Шубников, Диссимметрия, «Вопросы минералогии, геохимии и петрографии», Изд-во АН СССР, М.-Л., 1946. Дальнейшее изложение опирается на эту статью.

³⁴ Связь диссимметрии с движением проявляется также при рассмотрении развития, при переходе от неживого к живому. Переход от неживого к живому характеризуется «победой» диссимметрии над симметрией, в чем выражается факт качественного отличия этих форм движения материи, факт изменчивости, лабильности, присущих организмам (см. по этому вопросу Н. П. Депенчук, Симметрия и асимметрия в живой природе.)

Противоречивая сущность движения заключается в том, что оно есть единство «моментов изменения и устойчивости в любом явлении и процессе, в смысле изменения их состояния и сохранения состояния».³⁵ Следовательно, если рассматривать симметрию и диссимметрию как проявление этой противоречивости, то между ними должно наблюдаться единство, одно не должно существовать без другого.

На первый взгляд кажется, что так оно и есть, что в любом объекте одновременно имеются как элементы диссимметрии, так и элементы симметрии. Однако возникает вопрос о объектах (или средах) с максимальной и минимальной симметрией. Действительно, если мы допустили бы, что существуют объекты с максимальной, «абсолютной» симметрией (или, что то же самое, существует минимальная, «равная нулю» диссимметрия), то, исходя из вышеизложенного, мы должны бы допустить, что подобный объект должен находиться в покое, что в нем и с ним невозможны никакие изменения, и, с другой стороны, мы должны утверждать, что в объекте с минимальной симметрией может осуществиться движение, исключающее всякий момент устойчивости и покоя.

Однако положение будет таковым только до тех пор, пока мы остаемся в пределах одного рода движения (например, только чисто пространственного перемещения), ограничиваемся одним видом отношений.³⁶

Возникает необходимость расширить понятие симметрии и вместе с тем понятие равенства. Рассматривая таким образом симметрию не только как одномерную характеристику явлений, характеристику только одного вида отношений в данном явлении, мы избегаем неверных выводов, и соотношение симметрии и диссимметрии приходит в соответствие с соотношением изменчивости и устойчивости, если здесь также учитывать различные виды движения, различные отношения. Таким образом, нет максимальной и минимальной симметрии, как нет абсолютного покоя и абсолютного движения.³⁷

Рассмотрим, какие общие закономерности движения отражают законы симметрии Пьера Кюри.³⁸ Основные положения этих законов заключаются в следующем.

1. «Когда определенные фигуры порождают известные следствия, элементы симметрии причины должны содержаться в порожденных следствиях».

³⁵ В. И. Свидерский, Противоречивость движения и ее проявления, Ученые записки ЛГУ, № 248, стр. 30.

³⁶ А. В. Шубников, Диссимметрия, стр. 161—163.

³⁷ Там же, стр. 163.

³⁸ P. Curie, «Journ. de Phys. theor. appl.», 393, 1894. Цитируется по статье А. В. Шубникова, О работах Пьера Кюри в области симметрии, УФН, т. 59, вып. 4.

2. «Когда известные следствия обнаруживают известную диссимметричность, эта последняя должна содержаться и в причинах, породивших эти следствия».
3. «Положения, обратные двум предыдущим, неправильны, по крайней мере на практике, т. е. следствия могут быть симметричнее вызывающих причин».

Закон сложения диссимметрий:

«Когда несколько различных явлений природы накладываются друг на друга, образуя одну систему, диссимметрии их складываются. В результате остаются лишь те элементы, которые являются общими для каждого явления, взятого отдельно».

Следовательно, отдельное явление в своем развитии может становиться только симметричнее или сохранять свою прежнюю симметрию. Возможности движения такого рода системы уменьшаются, она в своем развитии, которое мы рассматриваем как цепь причинно-следственных связей, переходит к все более равновесным состояниям. Новые возможности изменений и развития возникают тогда, когда складываются несколько явлений, так как в этом случае, согласно закону сложения диссимметрий, повышается диссимметрия нового явления. В этом можно усмотреть ту закономерность, о которой говорит Ф. Энгельс в «Диалектике природы»: «На земле движение дифференцировалось в виде смены движения и равновесия: отдельное движение стремится к равновесию, а совокупное движение снова уничтожает отдельное равновесие».³⁹ (разрядка моя — Ю. Т.).

Таким образом, для выяснения философской проблематики понятия симметрии наиболее существенно рассмотрение симметрии и диссимметрии как проявления противоречивой сущности движения. Особое внимание следовало бы в этом отношении обратить на связь симметрии и диссимметрии с законами сохранения и превращения, опираясь на материал современной физики.⁴⁰ Существенным представляется изучение этой проблемы в свете категорий вещи, свойства и отношения.⁴¹

В настоящее время достаточно разработано приложение симметрии к пространственно-временным отношениям, и ее применение с исследовательской целью ограничивается в основном физикой и ее приложениями. Поэтому для выяснения философского содержания понятия симметрии необходимо изучить возможность его использования для описания других форм движения и других отношений или выяснить, какая закономерность соответствует там симметрии.

³⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 561.

⁴⁰ См. напр. W. Heitsch, Zum Verhältnis von Symmetrien und Erhaltungssätzen, «Deutsche Zeitschrift für Philosophie», 3, 1964.

⁴¹ См. напр. Н. Ф. Овчинников, указ. статья, «Вопросы философии», 3, 1962, № 5.

Исходить при этом, по нашему мнению, следовало бы из того определения симметрии, которое дается в теории групп.⁴² Это определение достаточно обще и не связано с наглядным, геометрическим представлением о симметрии.

Поступила в редакцию 1 мая 1964 г.

---

⁴² См. напр. Математика, ее содержание, методы и значение, т. 3; изд-во АН СССР, М., 1956, стр. 255.

О «ДВУСЛОЙНОСТИ» СТРУКТУРЫ И О СООТНОШЕНИИ КВАНТОВОЙ МЕХАНИКИ И ХИМИИ

Р. Вихалемм

Новые категории марксистской диалектики — структура и элементы — особенно важны при решении философских вопросов естествознания, а обобщение данных естествознания, в свою очередь, помогает полнее разработать эти категории. Так как химия — наука о конкретных, относительно самостоятельных структурах¹ единой материи, то вполне естествен «взаимный интерес» химии и философских категорий «структура» и «элементы». Здесь нет возможности реферировать работы, посвященные исследованию диалектики «элементов» и «структуры».² Важно лишь отметить, что термин «структура» имеет несколько значений. В указанной статье И. С. Алексеева этот термин рассматривается в четырех значениях: 1) «структура как целое» (конкретная взаимосвязь конкретных частей в составе конкрет-

¹ О качественном многообразии химических частиц, см. напр. статью О. Гарковенко в «Вопросах философии», № 5, 1963.

² Основная литература: (I) В. И. Свидерский, О диалектике элементов и структуры в объективном мире и в познании, Соцэкгиз, М., 1962; (II) В. И. Свидерский, Закон отрицания отрицания в свете соотношения элементов и структуры в явлениях, Вестник ЛГУ, сер. экон., филос., права, № 11, 1959, стр. 131—135; (III) В. И. Свидерский, Об отражении материалистической диалектикой соотношения элементов и структуры в явлениях, Научн. докл. высш. школы, Философские науки, 2, 1960, стр. 70—79; О. С. Зелькина, О понятии структуры, сборник «Некоторые философские вопросы современного естествознания», Саратовский ун-т, 1960; (I) А. А. Егоров, О соотношении структуры и формы, «Учен. записки каф. общ. наук ЛИСИ», вып. 2, 1961; (II) А. А. Егоров, О связи элементов, структуры и закона, «Ученые зап. каф. общ. наук ЛИСИ», вып. 3, 1962; (III) А. А. Егоров, Понятия «элементы» и «структура» и их связь с категорией закона (автореферат дис. на соискание учен. степ. канд. филос. наук), Л., 1963; Л. О. Вальт, О соотношении элементов и структуры в сложных системах, «Вопросы философии», № 5, 1963; И. С. Алексеев, О связи категории структуры с категориями целого и части, Вестник МГУ, сер. VIII, 2, 1963, стр. 60—70. М. Макаров, Категории материалистической диалектики, ЭГИЗ, Таллин, 1963, стр. 87—94 (на эстон. яз.).

Кроме того, понятия «структура» и «элементы» встречаются во многих работах, не посвященных специально рассмотрению этих категорий.

ного целого), 2) «структура в целом» (знаем только, что данный объект имеет структуру), 3) «вся структура» (все части без конкретизации целого), 4) «структура как таковая» (только связь частей).

Так как пара категорий «структура» и «элементы» тесно связана с двумя другими парами категорий (но отнюдь не тождественна им) — с формой и содержанием и целым и частями, то нам кажется, что в общей философской теории категорий элементов и структуры необходимо как бы синтезировать диалектику содержания и формы, целого и частей.

Наиболее строго и четко разработана диалектика категорий элементов и структуры в указанной монографии проф. В. И. Свидерского и диссертации А. А. Егорова, но главным образом по аналогии с диалектикой содержания и формы. Проф. В. И. Свидерский (его взгляды разделяет и А. А. Егоров) понимает структуру только в одном значении — как принцип, способ, закон связи элементов (развитая определенность структуры, по И. С. Алексееву, «структура как таковая»).

Нам кажется, что наряду с этим важным направлением представляет определенный интерес и анализ понятия структуры в несколько ином аспекте, а именно, когда это понятие охватывает не только закон связи элементов, но и наличие этих элементов, расчлененность явления.

В этом случае понятие структуры имеет, в известном смысле, аналогию с понятием целого: целое предполагает наличие частей, структура — элементов. Структура рассматривается в общем случае не только как конкретизация формы, но и как конкретизация целого; как бы своеобразный «синтез» формы и целого, а также качества и количества (диалектическое соотношение элементов и структуры в какой-то мере содержит как соотношение частей и целого, так и содержания и формы).

Под выражением «элементы структуры» имеются в виду взаимосвязанные части целого. Такое более общее понятие структуры имеют в виду, когда говорят о *принципе структурности*, о структурности материи, об иерархии структур и т. п. В настоящей работе мы понимаем структуру в этом общем смысле.

Попытаемся рассмотреть на материале химии существующую, на наш взгляд, «двуслойность» структуры и обсудить с этой точки зрения некоторые философские вопросы, связанные со структурой молекул, особенно проблему соотношения квантовой механики и химии.³

Уже с общепhilosophической точки зрения все тела, явления

³ Важнейшей работой о взаимосвязи естественных наук является книга Б. М. Кедрова, Предмет и взаимосвязь естественных наук, изд. АН СССР, М., 1962. В связи с рассматриваемыми нами проблемами см. стр. 65—74; 100—109; 154—212; 212—232; 256—257; 275—314; 314—335.

и т. д. в самом общем случае представляют относительно устойчивые состояния движущейся материи, т. е. процессы. Проф. В. И. Свидерский пишет в своей монографии: «Поскольку каждое явление по своему внутреннему содержанию есть относительно устойчивое, сохраняющееся состояние движения, то в самом общем случае элементы суть прежде всего пребывающие разнокачественные процессы». ⁴ Ф. Энгельс писал в «Диалектике природы»: «Вся доступная нам природа образует некую систему, некую совокупную связь тел, причем мы понимаем здесь под словом тело все материальные реальности... В том обстоятельстве, что эти тела находятся во взаимной связи, уже заключено то, что они воздействуют друг на друга, и это их взаимное воздействие друг на друга и есть именно движение». ⁵

Вся материя — совокупность процессов, «... мир состоит не из готовых, законченных предметов, а представляет собой совокупность *процессов*...» ⁶ Рассматривая какой-либо процесс из этой совокупности, можно видеть, что он существует благодаря взаимосвязи более элементарных процессов, т. е. он имеет структуру. Эти элементарные процессы являются структурными элементами рассматриваемой структуры.

Возьмем, например, молекулу водорода. Классическая теория утверждает, что она состоит из двух одновалентных атомов, соединенных химической связью. Почему водород одновалентен? Почему существует валентность? Что такое химическая связь? — На эти вопросы классическая теория ответить не может. Бутлеров мог только «предчувствовать», что в будущем это объяснится «движением в его (химическом соединении — Р. В.) самых мельчайших частичках». ⁷ Но в его время такого движения еще не знали. В тот период можно было выделить из общей совокупности процессов молекулу; можно было увидеть, что молекула, как процесс, существует благодаря взаимосвязи атомов, т. е. она имеет структуру. Но эта структура (процесс) могла быть исследована только до атома. Атом еще тогда не рассматривался как процесс (когда Бутлеров открыл теорию химического строения, говорили еще об атомной гипотезе!), т. е. невозможно было *вывести* структуру молекулы из связи *процессов*. Межатомные связи в молекуле исследовались только на основе обобщения данных химических реакций, и в результате обнаруживались свойства атомов и межатомных связей (валентности атомов, типы связей и т. п.). Но до тех пор, пока оставалась неизвестной структура атома, было принципиально невозможно объяснить, почему, например, водород одновалентен (нельзя было даже *абсолютно* уверенно утверждать, что водород всегда

⁴ В. И. Свидерский, ук. соч. (I), стр. 13.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 392.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 302.

⁷ А. М. Бутлеров, Соч. 1, Изд. АН СССР, М., 1953, стр. 372.

и при всех условиях остается одновалентным, так как это было заключение, фактически полученное неполной индукцией), и объяснить химическую связь иначе, как просто заявить, что она «химическая»,⁸ потому что, хотя и свойства, как известно, «проявляются в отношениях, не создаются этими отношениями, ибо определенная основа любых свойств должна быть в самих вещах».⁹ Если исследуют только один процесс (в нашем случае молекула, т. е. процесс взаимодействия атомов), не зная других, тогда ясно, что об этом процессе можно сделать только эмпирические заключения — «так есть». Но если мы имеем дело с процессом, сущность которого известна, тогда в принципе можно узнать и *сущность* того процесса, который представляет собой взаимосвязь первоначальных процессов (в случае, когда нам удастся найти связь между сущностями, т. е. закон). А согласно закону превращения количества в качество эта сущность может оказаться *целиком* непонятой, если нам неизвестна «область, куда мы попали», так как мы просто практически не знаем ничего о новом процессе как о целом. Мы не знаем, какими свойствами он обладает, так как не знаем в какие отношения он входит (не знаем *явления, сущность* которого мы нашли!). Химику трудно сказать что-нибудь разумное о многоатомной молекуле тогда, когда он занимается вычислением стабильной конфигурации ее ядер и электронов, хотя выводы из этого вычисления принадлежат уже химии. Рассматривая в общем познание структурности материи вглубь, можно сказать, что так называемая химическая структура молекулы (структура атома не принимается во внимание) есть только «верхний слой», сущность которого лежит глубже — во взаимодействии ядер и электронов. Нильс Бор писал: «... интересно отметить, что плодотворное применение структурных формул в химии покоится единственно на том факте, что атомные ядра намного тяжелее электронов».¹⁰ Я. К. Сыркин добавляет: «Большая масса ядер позволяет локализовать их с большой точностью. Но это не относится к электронам, которые размазаны по всем энергетическим уровням, охватывающим в общем случае все ядра».¹¹

Квантово-механическое рассмотрение молекулы водорода (Гейтлер и Лондон, 1927), которое стало основой для применения квантовой механики в химии — квантовой химии, позволяет объяснить все эмпирические выводы. В методе Гейтлера-Лондона исходят из системы два ядра и два электрона. Ввиду большого

⁸ Невозможно было найти материальный носитель химической связи, обнаружить «связующие элементы» (см. А. А. Егоров, ук. соч. (III), стр. 7—8).

⁹ В. И. Свидерский, ук. соч. (I), стр. 266.

¹⁰ Н. Бор, Атомная физика и человеческое познание, ИЛ, М., 1961, стр. 136.

¹¹ Я. К. Сыркин, Проблемы теории химической связи в органической химии, ЖВОХ, VII, 4, 1962, стр. 405.

различия масс ядер и электронов рассматривают уравнение движения электронов в силовом поле ядер.¹² Выясняется, что ковалентная связь возникает тогда, когда спины электронов антипараллельны. Это соответствует случаю, когда электронные оболочки атомов между собой частично покрываются, ввиду чего между ядрами возникает уплотнение заряда электронов, что и удерживает положительно заряженные ядра. Водород одновалентен, потому что он имеет всего только один электрон. Гелий, например, не может образовать ковалентную связь, потому что два его электрона с антипараллельными спинами уже спарены между собой и т. д. Квантово-механическое рассмотрение молекулы показало, что все силы химической связи имеют электрическую (точнее — электромагнитную) природу.

Неясно, почему А. Д. Вислобоков пишет в своей книге, что «природа же химической связи была и остается химической (это выражение просто тавтологично — Р. В.). Когда некоторые физики и химики утверждают, что квантовая механика установила электрическую природу химической связи, тогда они по существу утверждают не что иное как то, что химическому соединению атомов каждый раз обязательно сопутствует по закону Кулона притяжение частиц материи, заряженных разноименными электрическими зарядами, а химическому разъединению атомов сопутствует отталкивание частиц материи, заряженных одноименными зарядами. Идти дальше таких утверждений, заявлять, что химическая связь сводится только к электрической связи, нет ни теоретических, ни фактических оснований. Сведение химической связи к электрической и квантово-механической означает чрезмерное преувеличение представления о роли электрической и квантово-механической связей в химических связях, сведение последних к одной из побочных связей, непонимание того, что химическая связь имеет свою специфику и познание ее несводимо к познанию методами физики. Это значит, наконец, уйти от дальнейшего познания химической связи».¹³

Однако еще в 1952 году акад. А. Н. Несмеянов заметил, что попытки найти «химическую силу» похожи на искание «жизненной силы» в биологии. Он писал: «Молекула является, конечно, определенным образом построенным ядерно-электронным образованием и никаких особых сил, кроме известных физике ядерно-электронных взаимодействий, в ее построении не существ-

¹² См. напр., М. Г. Веселов, Элементарная квантовая теория атомов и молекул, ФМ, 1962, стр. 96 и сл. Точное решение квантово-механической задачи для молекулы водорода см., напр., Э. А. Мелвин-Хьюз, Физическая химия 1, ИЛ, 1962, стр. 147—167.

¹³ А. Д. Вислобоков, Марксистская диалектика и современный механицизм, изд-во ВПШ и АОН, М., 1962, стр. 46—47.

вует».¹⁴ Об этом же писали В. А. Штофф¹⁵ и Н. Т. Абрамова¹⁶.

Надо обратить внимание на то, что термин Энгельса «побочная» «не следует ни в коем случае понимать в смысле «несущественная», «второстепенная». Нет, оно (слово «побочная» — Р. В.) означает только то, что более простую форму (движения — Р. В.), когда она действует внутри более сложной, нельзя представлять точно такой же, какой она бывает, когда действует сама по себе, вне этой более сложной формы ... как главной».¹⁷

Рассмотрим проблему соотношения «побочной» и высшей формы движения и специфику химической формы движения с точки зрения категории «структура» и «элементы». При этом прежде всего надо обратить внимание на различие категорий «элементы» и «часть». Элементы — это отдельные составляющие компоненты сложного предмета или процесса, взятые в их конкретной взаимосвязи. О частях же мы говорим как об изолированных выделенных (или еще не соединенных) элементах.¹⁸ Если рассматривать, например, молекулу водорода, тогда можно только в количественном смысле сказать, что она состоит из частей — из двух атомов водорода. В структуре молекулы водорода нет атомов водорода в смысле «частей», они — *элементы структуры*. В изолированном атоме водорода (т. е. когда он «часть») вокруг ядра имеется электронная оболочка со сферической симметрией, на ядро не действуют никакие внешние силы и т. д. А в молекуле водорода дело обстоит по-иному (хотя и не происходит качественного изменения в том смысле, что химический элемент водорода превращается в другой химический элемент).¹⁹ Значит, количество превратилось в качество: из

¹⁴ А. Н. Несмеянов, О «контактных связях» и новой структурной теории, Изв. АН СССР, № 1, 1952, стр. 198.

¹⁵ В. А. Штофф, К вопросу о специфике химической формы движения материи, Вестник ЛГУ, сер. экон., филос., права, 11, 1956, стр. 77.

¹⁶ Н. Т. Абрамова, О соотношении части и целого в строении материи, «Вопросы философии», № 2, 1962, стр. 55.

¹⁷ Б. М. Кедров, ук. соч., стр. 293. См. также стр. 172.

¹⁸ Л. О. Вальт, ук. соч., стр. 45—46. См. также А. А. Егоров, ук. соч. (III), стр. 6.

¹⁹ Надо обратить внимание на не вполне строгую, на наш взгляд, формулировку проф. В. С. Свидерского, которую поддерживает и А. А. Егоров (см. ук. соч. (III), стр. 15), что установление новой структуры может быть связано и с новым способом соединения старых элементов, их перегруппировкой (см. ук. соч. (I) стр. 61; (III) стр. 76). В качестве примера приведены химические изомеры н-бутан и изобутан. Это находится в противоречии с положением В. С. Свидерского: «Сам закон превращения количественных изменений в качественные характеризует зависимость перестройки структуры явления от изменения его элементов» (ук. соч. (III), стр. 77). Противоречия возникают из-за неразличения понятий «элемент» и «часть». У различных структур не могут быть тождественные элементы (эти структуры могут быть

двух атомов водорода образовалось новое качество — молекула водорода. Целое не является суммой частей (если не иметь в виду только *число* частей). Части превратились в элементы структуры. Поэтому понятно, что те законы, которые действительны при изолированном атоме, недействительны при связанных атомах. Если раздел науки (в нашем случае квантовая механика), методами которого получены законы изолированного атома, занимался бы изучением такой формы движения, которая имеется только в изолированном атоме, тогда, конечно, невозможно было бы методами этого раздела науки изучать связанные атомы, т. е. структуру молекулы.²⁰ Но, как известно, квантовая механика изучает все системы, которые имеют волновые и корпускулярные свойства и дискретную энергию, следовательно, и системы, состоящие из ядер и электронов.²¹ «Квантовая механика в принципе содержит в себе возможность правильного объяснения всех явлений, происходящих в электронных оболочках любых систем, независимо от числа входящих в систему атомов, и поэтому она является теорией как физических, так и химических элементарных явлений (курсив наш — Р. В.)».²² Квантово-механическое вычисление структуры молекулы является одной конкретной задачей квантовой механики (возникает квантовая химия), выводы из этого вычисления принадлежат уже химии. Разработанная физиками теория — квантовая механика — просто применяется в конкретном случае для вычисления структуры молекулы. Здесь уместно привести слова, сказанные когда-то Б. Н. Меншуткиным: «Физик разрабатывает теорию и методы исследования, строит необходимые приборы. Химик же применяет для своих конкретных задач уже готовые приборы, выработанную методику работы, введенные физиком законности... Химическими являются, собственно говоря, только выводы из опытов».²³

тождественны лишь по составу, что и имеет место при изомерии). Когда возникает новая структура, у нее уже нет «старых элементов», они уже превратились в новые элементы новой структуры. Если строго учитывать и взаимодействие между непосредственно не связанными атомами, то можно сказать, что изобутан не имеет ни одного структурного элемента n-бутана. Как же тогда можно говорить просто о перегруппировке старых элементов (перегруппировать можно только части!)? (В этой связи см. также статью Ив. Борисова в журнале «Философская мысль», 6, 1961).

²⁰ О «признаках» механицизма см. ук. соч. Б. М. Кедрова, стр. 204.

²¹ Квантовая механика — раздел науки об абстрактно-общей форме движения материи, но квантовая химия уже находится в неразрывной связи с определенным видом материи. В этой связи см. ук. соч. Б. М. Кедрова, стр. 69—73, 256, 278, 282 и Е. Ф. Солопов, Соотношение форм движения и видов материи в природе, «Вопросы философии», № 8, 1963, стр. 143—154.

²² М. Г. Веселов, Элементарная квантовая теория атомов и молекул, ФМ, 1962, стр. 213.

²³ Б. Н. Меншуткин, Химия и пути ее развития, М.—Л., 1937, стр. 314. В этой связи см. также ук. соч. Б. М. Кедрова, стр. 65—69.

Как мы уже отметили, «доэлектронная» химия могла делать только эмпирические обобщения о структуре молекул. Молекула относилась к области химии только «до атома». Было невозможно рассматривать атом как процесс; химия узнавала только свойства атомов и через них делала заключения о структуре молекул. После открытия структуры атома и возникновения квантовой механики стало возможным рассматривать и атомы как процессы и молекулу как взаимосвязь этих процессов. Но с точки зрения квантовой механики (или, точнее, квантовой химии) молекула является очень сложным процессом, так как с этой точки зрения неизвестны свойства атомов в структуре молекулы, а надо выводить структуру молекулы как взаимосвязь ядер и электронов. Квантовая химия изучает молекулу, так сказать, «на слой глубже». Обе науки (химия и квантовая химия) позволяют в принципе найти структуру молекулы. Обе науки имеют свои хорошие и плохие стороны, и они, в действительности, развиваются совместно. Незначительное практическое значение квантовой механики в химии пока объясняется сложностью математического аппарата, но развитие счетных машин и новых вычислительных приемов позволит в будущем преодолеть эти трудности. На наш взгляд, нет никакого основания утверждать (как это делают некоторые философы и химики), что при помощи квантовой механики принципиально невозможно познать *структуру* молекулы. Ведь научно доказан факт, что в природе не существует особых химических сил, что межатомная связь в молекуле, т. е. химическая связь, объясняется электромагнитными силами, которые можно квантово-механически вычислять.²⁴

Специфика химической связи следует не из каких-нибудь особых химических сил, но из того, что мы имеем дело не просто с общими электромагнитными силами, а с конкретными межатомными электромагнитными силами в молекуле, которые можно обнаружить и вычислить лишь квантово-механически. Утверждать, что природа химической связи «только химическая», значит абсолютизировать специфику химической связи, фетишизировать химию, мыслить догматически и просто «запрещать» познавать *сущность* этой конкретной связи.

Можно привести примеры, когда различные разделы науки исследуют один и тот же объект и в конце концов получают один и тот же результат²⁵ (что вполне естественно, когда полу-

²⁴ Следует отметить, что это в общем предвидел уже А. М. Бутлеров, см. его соч. I, стр. 372—373, 283; соч. II, стр. 45, 75.

²⁵ «Один и тот же результат» нельзя, конечно, понимать так, что рассмотрение объекта различными разделами науки в познании его ничего нового не дает; здесь только подчеркивается, что объективная основа явления никуда не «исчезает», что результаты, полученные различными методами исследования, описывают этот объект с различной глубиной, что в результатах в конце концов имеется соответствие, но не тождество.

чены адекватные результаты).²⁶ Например, законы термодинамики можно выводить методами статистической механики. В соотношении термодинамики и статистической механики много аналогичного с химическим и квантово-механическим исследованиями *структуры* молекулы. Термодинамика, как известно, основывается на опытных законах (принципы термодинамики), и можно сказать, что она, как и химия, находится на уровне «верхнего слоя». А статистическая механика выводит эти принципы из сущности термодинамических величин, она как бы «на слой глубже», откуда со своими выводами поднимается «вверх».²⁷ Так как статистическая механика исходит из сущности (правильнее было бы сказать из сущности, например, второго порядка, так как законы и понятия термодинамики ведь тоже сущность какого-то порядка, но мы имеем в виду сущность «верхнего слоя»), то ее путь, как и квантовой химии, значительно сложнее, но зато она отвечает на вопрос «почему?».

Может возникнуть сомнение: не преувеличиваем ли мы роль квантовой химии и не следует ли из этого, что мы можем любые «высшие структуры» рассматривать как взаимосвязь ядер и электронов. Если подойти ближе к вопросу, выяснится, что такой «угрозы» не существует.

Как мы видели выше, в общем случае элементами процесса являются тоже процессы, но при химическом исследовании структуры молекул элементы структуры не рассматриваются как процессы. Следовательно, уже согласно общему понятию структуры, в структуру молекулы «входят» ядра и электроны. Они фактически принимаются в расчет и при химическом рассмотрении структуры молекул, так как они *определяют* свойства атомов, обуславливают (хотя и в «снятом» виде для химика) химическую связь и т. д., т. е. те «элементы», по которым находят структуру молекулы. Можно сделать общий вывод, что структура какого-нибудь процесса определяется, когда известны его элементы: 1) как процессы, т. е. известна и структура элементов, 2) как бесструктурные, но, так сказать, «вырезанные кусочки» рассматриваемой структуры. Во втором случае известно, как структура образуется из элементов (это мы узнаем в результате обобщения исследования свойств этой структуры и «бесструктурных» элементов), хотя и неизвестна ее сущность.²⁸ В первом случае можно, следовательно, сказать, что элемента-

²⁶ См. ук. соч. Б. М. Кедрова, стр. 100—103.

²⁷ Например, статистическая механика раскрыла статистическую природу понятия энтропии (способность энергии к превращениям) и показала, что второй принцип термодинамики — закон возрастания энтропии — есть вероятностный закон и означает переход системы от менее вероятных состояний к более вероятным.

²⁸ Неизвестны «связующие элементы», материальные носители связи между элементами. См. А. А. Егоров, ук. соч. (III), стр. 7—8.

ми структуры процесса являются в известном смысле и элементы его элементарных процессов — структура является «двуслойной». Структуру молекулы можно определить так называемой химической связью ее атомов или связью ядер и электронов. Следовательно, рассмотрение *структуры*²⁹ молекулы на уровне ядер и электронов является весьма оправданным. При этом еще важен тот объективный факт, что «... в иерархии структур их взаимовлияние быстро убывает и решающим образом сказывается лишь в пределах одного порядка».³⁰ Так, структуры, элементами которых становятся молекулы (например, макромолекулы, химическая реакция), уже неоправдано рассматривать как просто связь ядер и электронов. В случае макромолекулы (она представляет новое качество, новую ступень в структурной иерархии, и ею уже занимается новый раздел химии)³¹, ядра и электроны остаются в слишком «глубоком слое», хотя и элементарные звенья связаны обычными ковалентными связями, сущность которых, безусловно, на уровне ядер и электронов. Но если бы мы вычислили всю структуру макромолекулы на этом уровне, мы не получили бы информацию о структуре *макромолекулы*, а просто молекулы. Мы не могли бы различить связь между структурами «элементарных звеньев» от связи между структурами атомов (ядер и электронов).³² Если при выделении структуры молекулы из «нижнего слоя» рассматривается система атомов на уровне их структур (ядер и электронов), подчиняющаяся квантовой механике, то при выведении структуры макромолекулы из «нижнего слоя» приходится исходить из структуры молекул (при полимеризации — мономеров). При этом необходимо рассматривать систему этих структур во взаимовлиянии, которое подчиняется закономерностям химии «обычных» молекул, где квантово-механические законы существуют уже в «снятом» виде.

Важно еще обратить внимание на то, что при рассмотрении соотношения квантовой механики и химии мы говорили только о возможности познания квантовой механикой *структуры молекулы*. Основным же объектом химии является структура, где изменяется внутренняя структура молекул (обычно межмолекулярный процесс, но в общем какое-нибудь взаимодействие

²⁹ Напомним, что «структура» не равняется непосредственно качеству предмета.

³⁰ Л. О. Вальт, ук. соч., стр. 48.

³¹ См. напр. А. А. Стрепихеев, В. А. Деревницкая. Основы химии высокомолекулярных соединений, Госхимиздат, 1961. Также см. о возникновении этого нового качества: Ю. А. Жданов, Очерки методологии органической химии, изд. «Высшая школа», 1960, стр. 179 и сл.

³² Структурную иерархию, которую исследуют химические науки (потому и есть *науки*), можно еще детализировать, различать неорганическую и органическую молекулу, молекулу комплексного соединения и др.

молекулы с окружающей средой), т. е. химическая реакция, которую можно рассматривать как пример интенсивной структуры.³³ Учитывая вышеуказанный вывод о возможностях определения структуры, для химика важно, прежде всего, знать свойства молекул, которые обнаруживаются в этой интенсивной структуре. (Химики и исследуют эти свойства экспериментально.) Но так как свойства зависят от сущности предмета, то химику нужно знать и эту сущность, определить качество предмета как структуру,³⁴ т. е. приходится рассматривать и «нижний слой» структуры химической реакции, элементами которой являются химические атомы. Таким образом, объектом исследования химии является единство межатомных экстенсивных и интенсивных структур.³⁵ На исследование такой единой структуры и обращено внимание в химии, т. е. исследуются зависимости реакционной способности молекулы от ее структуры. Возникает вопрос: нельзя ли рассматривать элементарный акт такой единой структуры квантово-механически?

М. Г. Веселов пишет: «Актуальной задачей современной квантовой химии является разработка квантовой динамики элементарных химических процессов. Теория стационарных состояний молекул позволяет получить лишь некоторые косвенные ответы на частные вопросы, относящиеся к области химических реакций и реакционной способности. Создание теории *элементарного химического акта* (курсив наш — Р. В.) представляется весьма трудной задачей и в настоящее время совершенно неясны пути ее решения. Мы можем лишь сказать, что задача состоит в разработке теории столкновений атомов и молекул, происходящих в очень сложных условиях».³⁶ Здесь задача поставлена совершенно правильно — новая структура требует новой теории. Если будет выработана такая теория, то, по-видимому, она станет сущностью химической теории. (Ведь сущность *химической теории* не может быть *химической*: химия остается в «верхнем слое», а физика — в «нижнем»). Результаты, полученные при помощи этой теории, будут принадлежать уже химии и будут осваивать свое новое качественное содержание *на основе химии*.

Разве это механицизм? На наш взгляд, это такой же «механицизм», как при выделении законов термодинамики при помощи статистической механики. Термодинамика изучает только один процесс, статистическая механика открывает сущность

³³ О понятиях интенсивная (процесс) и экстенсивная (предмет) структура см. В. И. Свидерский, ук. соч. (I), стр. 19—20.

³⁴ См. Ш. Мадяроды, Представления о качественном своеобразии химических объектов в их историческом развитии (автореферат дисс. на соискание ученой степ. канд. филос. наук), Л., 1962.

³⁵ Отыскание таких единых структур является одной из целей анализа экстенсивных и интенсивных структур. См. В. И. Свидерский, ук. соч. (I), стр. 120.

³⁶ М. Г. Веселов, ук. соч., стр. 212.

этого процесса, рассматривая и элементарные процессы, исследуя их во взаимосвязи, приходит к новому качеству, которого нет у отдельных элементарных процессов. Мы показали также, что такая возможность находится в соответствии с понятием структуры.

Новое качество возникает, как известно, в результате количественных изменений в старом качестве. Новая структура (процесс) возникает в результате связи более элементарных структур (элементарных процессов). Сведение нового качества к старому, новой структуры к старой (процесса к элементарным процессам) происходит тогда, когда мы в области новой структуры, нового качества пытаемся остаться на уровне старой структуры, старого качества, не учитывая тех изменений, которые с ними происходят. В этом случае мы имели бы дело с явным механицизмом, и можно уверенно сказать, что такие исследования не дают желаемых результатов. Новое качество, новую структуру следует рассматривать не только, так сказать, «в готовом виде», но и с точки зрения старого качества, элементарных структур на новом уровне, т. е. старое качество вместе с количественными изменениями (= уже «зародышу» нового качества), элементарные структуры во взаимосвязи (= уже «нижнему» слою новой структуры). Это, наверно, единственный путь, когда хотят выяснить возникновение нового качества,³⁷ и от уровня «так есть» переходить к уровню «почему так есть», «откуда это возникает». Но такое рассмотрение значительно сложнее, так как очень много структурных элементов и соответственно также их взаимных связей. Ведь нельзя, как уже отмечено, просто сложить результаты, полученные из задачи *изолированных* элементарных структур, а требуется найти их взаимосвязь, т. е. решить совсем новую задачу — рассматривать структуру на уровне элементов ее элементарных структур (здесь, конечно, надо учитывать сказанное в прим. 19).

Обычно структуры рассматриваются сначала «в готовом виде», качественно, так как их специфика проявляется раньше, а лишь потом пытаются и *вывести* эту структуру из «нижнего слоя». «Мысль человека бесконечно углубляется от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка, к сущности второго порядка и т. д. *без конца*».³⁸

Попытаемся теперь детализировать смысл «двуслойной» структуры и вместе с тем соотношение квантовой механики и химии, имея в виду то обстоятельство, что «квантово-механическая сторона выступает, в случае высших форм движений, лишь как «побочная», но отнюдь не как главная. Она необходимо

³⁷ Генетический подход; см. Б. М. Кедров, ук. соч. стр. 169—175; 193—197.

³⁸ В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 29, стр. 227.

должна быть познана, иначе невозможно рассмотрение соответствующей высшей формы движения ни в генетическом, ни в структурном разрезе, а значит и сама эта высшая форма движения остается не объясненной в своей сущности». ³⁹ Но квантово-механические закономерности «обнаруживают свое неоспоримое и большое познавательное значение лишь в тех случаях, за редким исключением, когда речь идет об истолковании с физической точки зрения закономерностей, ранее уже найденных химией». ⁴⁰

Выше показано, что при установлении «верхнего слоя» структуры известны структурные элементы, благодаря обобщению их свойств, т. е. закономерность установлена при изучении качественной стороны явлений. При установлении же «нижнего слоя» структуры известны структурные элементы как процессы, как элементарные структуры, т. е. известны закономерности и приходится находить новую закономерность уже *теоретически*, двигаясь к мысленно-конкретному, ⁴¹ в сторону «более сложной действительности» (чем та, откуда когда-то исходили). При этом о ее качественной стороне не имеется никакого представления, хотя основа всех свойств (правда, эти свойства имеются только в виде возможностей ⁴²) известна.

Б. М. Кедров изображает соотношение атомно-электронной физики и химии следующим образом:

химия	$[A] \rightarrow M$
атомно-электронная физика	$[e^-, N] \rightarrow A$

(М — молекула; А — атом; N — атомное ядро; e^- — электрон. В квадратных скобках — исходная «клеточка» для данной науки). ⁴³

Если же изображать соотношение этих наук при познании *структуры молекулы*, то получим:

химия	$[A] \rightarrow M$ («верхний слой»)
квантовая химия	$[e^-, N] \rightarrow M$ («нижний слой»)

³⁹ Б. М. Кедров, ук. соч., стр. 305.

⁴⁰ Там же, стр. 319.

⁴¹ См. также Ю. А. Жданов, Обращение метода в органической химии, изд. Ростовского ун-та, 1963, стр. 51—57.

⁴² Б. М. Кедров, ук. соч., стр. 179.

Между прочим, возможности открытых закономерностей вообще значительно шире, чем та действительность, в которой они открыты, но все эти возможности еще надо найти и реализовать. Это и есть, например, задача так называемых технических наук (проблема создания «второй объективной реальности»). Кроме того, некоторые теоретические науки выводят законы, смысл которых совсем непонятен до тех пор, пока к ним не приходит «помощь» «с другой стороны», через качественную сторону явлений (например, множество математических теорий).

⁴³ См. Б. М. Кедров, ук. соч., стр. 228.

Так как предмет атомно-электронной физики — движение электронов в силовом поле ядер, а молекулы не образуются в химических процессах⁴⁴ непосредственно из ядер и электронов,⁴⁵ то возможность сведения химии к физике *остается* всегда только *возможностью*. Как только мы будем реализовать эту возможность, мы больше не останемся в области физики, а перейдем к науке об относительно высшей структуре материи — химии. На этом структурном уровне действуют свои объективные законы, которые выражают качественную сторону этого уровня, что недоступно законам низшей структуры, которые могут этот уровень объяснять лишь с количественной стороны.⁴⁶ *Обе науки имеют различные познавательные источники и должны рассматриваться в единстве.*

Так действительно и поступают, причем «промежуточными станциями» служат *модельные представления*.⁴⁷ Во всех квантово-механических методах расчета структуры молекулы⁴⁸ используются фактически модельные представления, так как математические трудности квантово-механических расчетов требуют поисков упрощенных методов.⁴⁹ Использование моделей позволяет рассматривать структуру не совсем «на слой глубже», а где-то «в середине». Для создания же моделей очень важны качественные данные и теории химии.

Наблюдаемое и необъяснимое, как пишет Г. В. Быков,⁵⁰ совпадение результатов, полученных в вычислениях, проведенных

⁴⁴ Кроме того, мы везде подчеркивали, что при рассмотрении соотношения квантовой механики и химии речь идет только об элементарных химических явлениях. О реальном химическом процессе см., напр., Б. М. Кедров, ук. соч., стр. 325—326.

⁴⁵ См. Б. М. Кедров, ук. соч., стр. 321—325.

⁴⁶ См. Б. М. Кедров, ук. соч., стр. 334. В этой связи см. также В. Д. Кивенко, Проблема структурности материи — важнейшая проблема современного естествознания и философии. Тезисы научных и учебно-методических сообщений на секции зав. кафедрами общ. наук вузов РСФСР, М., МГУ, 1960, стр. 158—164.

⁴⁷ См. Л. О. Вальт, Познавательное значение модельных представлений в физике (автореферат дисс. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук), Тарту, 1963, и приведенная там литература; также В. А. Штофф, О роли моделей в познании, изд. ЛГУ, 1963.

⁴⁸ Например, теория направленной валентности, которая вырастала из метода Гейтлера-Лондона; метод наложенных валентных схем; метод молекулярных орбит; модель электронного газа, включающая много разновидностей, из которых важнейшей является модель свободного электрона, и др. Обзоры этих методов можно найти: Г. В. Быков, История электронных теорий органической химии, изд. АН СССР, 1963; М. Г. Веселов, ук. соч.; В. А. Штофф, ук. соч., стр. 74—126.

⁴⁹ Это, по-видимому, обычный прием во многих случаях при конкретных задачах квантовой механики. См. Л. О. Вальт, Учен. зап. ТГУ, 89, 1960, стр. 105.

⁵⁰ Г. В. Быков, Об эволюции количественных теорий электронного строения органических молекул, Труды Ин-та истор. естествознания и техники, 28, 1959, стр. 516.

на основе различных моделей, объясняется с общей точки зрения «инвариантностью» теории по отношению к модели, на основе которой она строится.⁵¹

Если сравнить упомянутые вычислительные методы (см. примеч. 48), то выяснится, что ближе других к действительному положению оказывается метод молекулярных орбит, который ввиду этого и сложнее всех. Так как в методе молекулярных орбит рассматривается движение каждого электрона в силовом поле ядер и остальных электронов, то выводится структура из «нижнего слоя»; принимается сразу в расчет межатомное взаимодействие и тот факт, что в возникновении связи участвуют все электроны. А если мы «находимся» в «верхнем слое», тогда надо различать разные типы связей (ионная, ковалентная, водородная, координационная связь и др.) и различные эффекты (индукционный эффект; сопряжение и др.), которые возникают вследствие межатомного взаимодействия.

Например, соединения аммиака и триметилбора нельзя объяснить ни ионной связью (нейтральные молекулы), ни ковалентной связью (нет неспаренных электронов). Такая связь называется координационной. Соединения с такой связью (комплексные соединения) встречаются обычно в неорганической химии.⁵² Создателем теории этих соединений является немецкий химик А. Вернер (1893). На основе эмпирического материала он пришел к выводу, что кроме так называемой главной валентности есть еще так называемая побочная валентность. Вернер также ввел понятие координационного числа, которое является одним из основных понятий комплексных соединений. Побочная валентность встречается и в связи аммиака и триметилбора. А. Вернер писал: «Побочные валентности сцепляют друг с другом атомной связью радикалы, которые с себе подобными не могут образовать стабильные связи, так, например, в $(\text{H}_3\text{C})_3\text{B} \dots \text{NH}_3$ радикалы $\text{B}(\text{CH}_3)_3$ и NH_3 сцеплены связью бор-азот, тогда как не существует ни $(\text{CH}_3)_3\text{B}-\text{B}(\text{CH}_3)_3$, ни $\text{H}_3\text{N}-\text{NH}_3$ ».⁵³

Это очень характерный вывод, который может быть сделан на основе фактов «верхнего слоя». Опять одна констатация «так есть», но притом очень важная, так как обнаружено новое свойство атомов в структуре молекул. В «нижнем слое» не надо

⁵¹ Л. О. Вальт, Учен. зап. ТГУ, 89, 1960, стр. 101; его же, ук. дисс., стр. 15.

⁵² В органической химии таких связей мало, потому что углерод — уникальный элемент в периодической системе. См., напр., Я. К. Сыркин, Проблемы теории химической связи в органической химии, ЖВОХ, VII, 4, 1962, стр. 401.

⁵³ Цит. по книге: Г. В. Быков, История классической теории химического строения, изд. АН СССР, 1960, стр. 232.

и нельзя⁵⁴ различать разные типы связей, так как химическая связь возникает вследствие «размазанности» электронов. Я. К. Сыркин, обосновывая перспективность метода молекулярных орбит, обращает внимание на соединения, при описании которых недостаточны существующие представления (например, что связь возникает только за счет валентных электронов и др.).⁵⁵

Сделаем еще некоторые общие замечания, связанные с «двуслойностью» структуры.

Энгельс, подчеркивая единство дискретности и непрерывности, писал: «Новая атомистика отличается от всех прежних тем, что она (если не говорить об ослах) не утверждает, будто материя *только* дискретна, а признает, что дискретные части различных ступеней... являются различными *узловыми точками*, которые обуславливают различные *качественные* формы существования всеобщей материи...»⁵⁶ Ю. А. Жданов пишет: «Важно подчеркнуть, что структурно-динамические уровни организации материи обладают относительной самостоятельностью и замкнутостью. Именно поэтому можно изучать их относительно независимо друг от друга, порой проводя исследование высшего уровня, не имея еще полного представления о механизмах низшего».⁵⁷ Мы показали, что, исследуя *только* верхний уровень, невозможно познать до конца сущность исследуемых явлений и узнать возникновение их. Всегда наступает момент, когда нельзя сказать иного, кроме: так показывает практика на сегодняшний день. Если возникают новые «разрушительные» факты, приходится искать новые, более общие законы, но никогда нельзя получить абсолютную гарантию, что «больше ничего не случится» (это было бы возможно только при полной индукции). Следует отметить, что ввиду объективного существования относительно самостоятельных структур материи и их иерархии возникали и возникают различные науки и разделы наук. При этом можно различать науки и разделы наук троякого вида. Во-первых, науки, которые занимаются одной конкретной структурой на уровне ее «верхнего слоя» (например, химические науки). Во-вторых, науки, которые исследуют конкретную структуру на уровне ее «нижнего слоя», открывая *сущность законов* «верхнего слоя», объясняя эмпирические законы теоретически (а это значит, что законы «верхнего слоя» получают другую основу и не требуется полная индукция эмпирических фактов). Такого рода наука, например, квантовая химия.

⁵⁴ Но, кстати, в этом проявляется и ограниченность квантовой механики в химии, ее, так сказать, нечувствительность и неспособность к качественным выводам.

⁵⁵ См. ук. соч., стр. 405.

⁵⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 608—609.

⁵⁷ Ю. А. Жданов, О единстве химического строения и динамики, изд. Ростовского ун-та, 1961, стр. 17.

Может возникнуть вопрос: в состоянии ли мы достаточно «доверять» законам «низшей» структуры (ведь на эти законы опирается теория «верхней» структуры на уровне ее «низшего слоя») при объяснении законов «верхнего слоя» «высшей» структуры? Конечно, надо учитывать, что «низшая» наука должна быть сама достаточно развита, познание «верхнего слоя» своей материальной структуры должно быть в общем закончено, прежде чем эта «низшая наука» может помочь «верхней». Но познание развивается от сущности «первого порядка» к сущности «второго порядка» и т. д., и то, что является для «низшего слоя» сущностью «первого порядка», будет для «верхнего слоя» уже сущностью более глубокого порядка. Дальнейшее движение «нижней» науки к сущности более глубокого порядка уже не сказывается значительно на «верхней» структуре, так как сущность «первого порядка» является «верхним слоем» исследуемой материальной структуры «нижней» науки и в дальнейшем познании достигаемый «нижний слой» остается уже для верхней структуры слишком глубоким из-за непосредственного взаимодействия различных структур только в пределах одного порядка (т. е. оправдано рассмотрение структуры только «двуслойной»). Так как в природе (особенно в живой природе) существуют также такие комплексные структуры, элементами которых бывают на одинаковом уровне различные «нижние» структуры, то и исследование их на уровне «нижнего слоя» требует синтеза различных конкретных наук (например, молекулярная биология).

Наконец, в-третьих, абстрактные науки, изучающие некоторые абстрактно выделенные стороны из одной, нескольких или даже всех конкретных материальных структур, учитывая и межструктурные переходы (например, механика, математика, кибернетика, «общая теория систем» Л. Бергаланфи и др.). При этом немаловажную роль играет и тот факт, что в структурной иерархии материи структуры разных порядков и их взаимные отношения в общем аналогичны. Это обстоятельство лежит в основе абстрактно-общих наук, охватывающих общие черты всех материальных структур (сюда относится, между прочим, и материалистическая диалектика как самая общая наука). Выработанные теории и методы этих абстрактных наук, в свою очередь, применяются конкретными науками (науки первого и второго вида) для исследования отдельных сторон конкретных структур.

Поступила в редакцию 1 апреля 1964.

КАТЕГОРИИ «АБСОЛЮТНОЕ» И «ОТНОСИТЕЛЬНОЕ» В ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

В. Хютт

«Слово абсолютный одно из немногих слов, вполне соответствующих в своем первоначальном значении понятию, для точного обозначения которого непригодно ни одно другое слово того же языка; поэтому потеря такого слова или, что одно и то же, неустойчивое применение его должно вести за собою также и потерю самого понятия, и притом понятия, которое чрезвычайно занимает разум, так что утрата его должна нанести большой ущерб...»

И. Кант, Критика чистого разума, Петроград, 1915, стр. 214.

Значение положительной разработки категорий «абсолютное» и «относительное» обуславливается, с одной стороны, всеобщим употреблением этих понятий (например, в физике: в теории относительности и квантовой механике), с другой стороны, необходимостью борьбы с современным позитивизмом и неотомизмом. Для материалистической философии выяснение диалектики абсолютного и относительного тесно связано с раскрытием содержания таких фундаментальных понятий, как материя и ее атрибуты.

Современный позитивизм, вынужденный ввиду выдающихся успехов естествознания маскироваться «объективной» терминологией, абсолютизирует момент относительности в познании и на этом основании делает вывод о несуществовании абсолютного в действительности: «Эмпирический базис объективных наук не имеет... в себе ничего «абсолютного».¹ Из этого логиче-

¹ К. Р. Поппер, The logic of scientific discovery, London, 1959, p. 111. Непознаваемость, неуловимость и даже несуществование абсолютного К. Поппер резюмирует следующей замысловатой цитатой из релятивиста Рейнингера: «Говорит душа, но увы! это уже не душа, если она говорит» (там же), т. е. «абсолютная» душа не может выразить себя никаким образом. Очевид-

ски следует, что природу, как она есть «в себе», независимо от субъекта, мы познать не можем.

Примечательно, что неотомизм солидаризуется с невозможностью познать действительность *научным* путем, так как, согласно Фоме Аквинскому, «...интеллект познает только свои собственные субъективные модификации».² В дальнейшем, правда, оказывается, что абсолютное «трансубъективное» бытие познаваемо, но лишь путем божественного откровения. Понимаемое таким способом абсолютное является откровенно идеалистической конструкцией. Поэтому неотомисты непрочь допустить существование материи, но отнюдь не ее *абсолютность*.

Делается попытка объявить категорию «абсолютное» монополией идеализма. Так, авторы изданного в Западной Германии философского словаря утверждают: «В некоторых философских учениях «абсолютное» не имеет места, как, например, в материализме и основывающихся на нем системах».³

В советской философской литературе категории «абсолютное» и «относительное» посвящено мало работ,⁴ но те или иные аспекты проблемы рассматриваются во многих исследованиях.⁵

но, что это только витиеватое выражение известного философского кредо: «Всё относительно — вот единственный абсолютный принцип!». На симпозиуме по философским вопросам квантовой механики (Лондон, 1957) известный физик Л. Розенфельд на основе такого философского релятивизма отстаивал субъективно-идеалистическую интерпретацию квантовой механики, отрицая объективный характер ее законов. При помощи позитивиста Айера был выдвинут «оригинальный» аргумент о «примысливании» наблюдателя в целях верификации законов квантовой механики в доисторическую эпоху! Французский физик-материалист Вижье показал полную научную несостоятельность философских позиций Розенфельда. Заслуга Вижье в этом вопросе, разумеется, относительна, ибо аргументы и контраргументы дискуссии 1957 года буквально соответствуют §§ 3 и 4 первой главы работы В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», написанной в 1908 году!

См. «Observation and Interpretation», A Symposium of Philosophers and Physicists, London, 1957, pp. 184—186.

² Цитируется по G. Klaus, Jesuiten. Gott. Materie, Berlin, 1958, S. 134.

³ «Философский словарь», ИЛ, М., 1960, стр. 43. Здесь же утверждается, что «абсолютное значение имеет все то, что имеет силу независимо от того, познано ли и осознано ли оно». Неужели авторам неизвестно, что именно такое значение имеет материя «в материализме и основывающихся на нем системах»? Видимо, здесь перепутаны «абсолютное» и «абсолют». Последний, действительно, не имеет места в диалектическом материализме.

⁴ См., например, Ф. Селиванов и Л. Зеленов, Единство абсолютного и относительного, «Уч. зап. Томского гос. ун-та», 1962, № 41; П. П. Чупин, Абсолютное и относительное, в сб. «Некоторые категории диалектики», Росвузиздат, 1963.

⁵ В. И. Свидерский, Философское значение пространственно-временных представлений в физике, ЛГУ, 1956; его же, О ленинском понимании природы движения и его значения для борьбы с метафизикой, «Вестник ЛГУ», 1960, № 11; его же, Противоречивость движения и ее проявления, ЛГУ, 1959; В. П. Тугаринов, О категориях предмета, свойства и отношения, «Вестник ЛГУ», 1956, № 17; А. С. Кармин, О диалектико-материалистическом понимании бесконечности, «Вестник ЛГУ», 1959, № 5; М. Б. Вильницкий, К вопросу об абсолютности и относительности пространства и времени, «Вопросы философии», 1959, № 12.

Слово «абсолютный» произошло от латинского *absolutus*, что означает: 1) законченный, полный; 2) совершенный, доведенный до совершенства; 3) независимый, безусловный, неограниченный. Оно имеет общий корень с глаголом *absolvo* — 1) освобождать, избавлять; 2) доводить до конца, завершать, доводить до совершенства. В русском языке «абсолютный» употребляется в двух смыслах: 1) безусловный, ни от чего не зависящий, взятый вне сравнения; 2) совершенный, полный.

Советскими философами категории «абсолютное» и «относительное» определяются следующим образом. Во-первых, абсолютное как «полное, взятое во всех отношениях (или вне их)»,⁶ независимое от условий; а относительное, соответственное, — как неполное, частичное, зависящее от тех или иных условий, приблизительное и, следовательно, временное, преходящее. Во-вторых, абсолютное как непреложное, несотворимое, первичное (первоначальное), а относительное — как зависимое, преходящее. Такого понимания придерживаются В. И. Свидерский, А. С. Кармин, М. Б. Вильницкий.⁷

Впервые в советской справочной литературе абсолютное и относительное рассматриваются как категории материалистической диалектики в недавно вышедшем философском словаре.⁸ Однако различие между двумя несовпадающими значениями не проводится. В действительности же непосредственно не очевидно, почему абсолютное как безусловное (взятое вне отношений) имеет значение также и непреложного, первичного. Цель настоящей статьи — выявить взаимосвязь двух данных моментов в определении категории «абсолютное». На основе анализа возникновения и развития соответствующих понятий рассматриваются в историко-философском плане некоторые общие вопросы соотношения абсолютного и относительного.

Категории «абсолютное» и «относительное» в домарксистской философии

1. Тожество и различие моментов абсолютности и относительности в древнейших философских системах Индии и Китая.

⁶ В. П. Тугаринов, О категориях предмета, свойства и отношения, «Вестник ЛГУ», 1956, № 17, стр. 84.

⁷ На симпозиуме по философским проблемам теории тяготения Эйнштейна и релятивистской космологии в докладе А. И. Умова и выступлении М. Э. Омеляновского абсолютное определялось как существующее само по себе, само через себя. Строго говоря, это уже третье определение, отличающееся от первых двух. См. Философские проблемы теории тяготения Эйнштейна и релятивистской космологии (тезисы докл. на Всесоюзном симпозиуме), Киев, 1964, стр. 164.

⁸ «Философский словарь», под. ред. М. М. Розенталя и П. Ф. Юдина, М., 1963, стр. 6.

Первоначально природа, окружающий мир осознавались человеком как нечто целое. Моменты сущности и явления, абсолютности и относительности, конечности и бесконечности только начинали намечаться в неразвитом виде в единой сети природных и общественных отношений. Действительно, первобытный человек не выделял себя из природы⁹, индивиды рода не выделяли себя из рода, не мыслили своего существования вне рода. Человек начинает осознавать внешний мир лишь постольку, поскольку возникают и развиваются производственные отношения между людьми.¹⁰ Следовательно, именно в силу неразвитости производства первобытное сознание отражает универсальное единство всего существующего, тождественность своего «я» с широким кругом общественных и природных отношений.

Таким образом выработалось понятие единого, неразличимого, текучего «ВСЕГО», существовавшего изначально, до возникновения видимого мира. Так, в «лаборатории первоначального мышления» — древнеиндийских Упанишадах — читаем:

«Тогда не было ни сущего, ни несущего; ...
Что в движении было? ...
Без дуновения, само собой дышало Единое,
И ничего, кроме него, не было. ...
Все это (было) неразлично, текуче».¹¹

О существовании первоначальной категории «ВСЁ», отражающей внешний мир целостно, без дальнейшей его детализации,¹² имеется упоминание в древнекитайском учении о «дао». Согласно Лао-Цзы (6—5 века до н. э.), постоянное, «истинное» (т. е. абсолютное) «дао» и «наименованное», т. е. преходящее, относительное «дао» происходят из одного первоначального понятия, которое «предшествует предку явлений»: «Оба они (постоянное и наименованное дао. — В. Х.) одного и того же происхождения, но с разными названиями».¹³

Забегая несколько вперед, отметим, что впервые у Фалеса встречается развернутая характеристика понятия «ВСЁ». По свидетельству Диогена Лаэртца, древний милетец утверждал:

«Старше всего бог, ибо он не рожден.
Больше всего пространство, ибо оно всё содержит в себе.
Быстрее всего ум, ибо он обегает всё.
Сильнее всего необходимость, ибо она имеет власть над всем.
Мудрее всего время, ибо оно открывает всё».¹⁴

⁹ В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 29, стр. 85.

¹⁰ Д. Ж. Томсон, Первые философы, ИЛ, М., 1959, стр. 44.

¹¹ «Древнеиндийская философия», Соцэкгиз, М., 1963, стр. 35.

¹² Замечательно, что в современном немецком языке слова «все» и «все-ленная» совпадают (all, all).

¹³ Лао-Цзы, Дао-дэ-цзинь (пер. с китайского). В книге: Ян-Хин-Шун, Древнекитайский философ Лао-Цзы и его учение, АН СССР, М.—Л., 1960, стр. 115.

¹⁴ А. О. Маковельский, Досократики, часть 1, Казань, 1914, стр. 13.

С развиваемой здесь точки зрения можно утверждать, что Фалес выделил из первоначальной категории «ВСЁ» отдельные моменты — необходимость, пространство и т. д. Существенно, что новое понятие определяется по отношению к категории «ВСЁ» как имеющее наисовершеннейшее свойство, как нечто доведенное до совершенства, до предела. Это доказывает, что категория «ВСЁ» не просто связана с понятием абсолютного как совершенного, но логически предшествует выделению момента абсолютности.¹⁵

Итак, характерными чертами исследуемого первоначального понятия являются: во-первых, его материалистический характер¹⁶; во-вторых, отражение свойств единости и единственности сущего¹⁷, что свидетельствует о монистичности первоначального мышления; в-третьих, оно служит основой возникновения новых понятий, отражающих момент абсолютности (совершенства, завершенности).

В дальнейшем первыми узелками сети «всего» выступает деление мира на «этот» и «тот», на «единый» и «множественный», на «истинный» и «кажущийся». Отсюда, одной из философских идей, восходящих к первобытному мышлению, является проблема происхождения вещей из единого первоначала.¹⁸ Так как «этот», т. е. чувственный, мир изменчив, преходящ, относителен, то за моментом относительности скрыт «истинный» момент абсолютности.

Сторона абсолютности природы впервые была абстрагирована в категории «брахман» древних Вед. Брахман есть истина всего этого мира, он непреходящ, безусловен, независим. Все порождается им и растворяется в нем. «Брахман поистине есть все это».¹⁹ Таким образом, абсолютный брахман явно происходит из первоначального «единого» путем вычленения из первопонятия сторон абсолютности и относительности. В некоторых стихах «Упанишад» в соответствии с этим утверждается, что существуют «два облика Брахмана — телесный и бестелесный, смертный и бессмертный, неподвижный и подвижный...»²⁰

Естественно возникает проблема соотношения абсолютного «брахмана» и относительного мира явлений:

¹⁵ И в настоящее время слово «абсолютный» определяется через понятие «всё» или «все». Ср.: абсолютно черное тело — тело, поглощающее волны в *всех* длин, или абсолютный чемпион — победитель во *всех* разрядах, абсолютный слух — слух, определяющий высоту *всех* тонов и т. д. (см. С. И. Ожегов, Словарь русского языка, М., 1963, стр. 15—16).

¹⁶ Материалистический дух «Упанишад» отмечают даже философы-идеалисты: С. Радхакришнан, Индийская философия, т. I, ИЛ, М., 1956, стр. 154.

¹⁷ Это «всё» было «лишь одним, без (чего-то) второго» («Древнеиндийская философия», стр. 113).

¹⁸ См. Дж. Томсон, указ. соч., стр. 148.

¹⁹ «Древнеиндийская философия», стр. 243.

²⁰ Там же, стр. 146.

«То есть это!» — так думают.

Но как познать это?

Сияет ли это или (только) кажется, что сияет?»²¹

При этом намечаются пути решения проблемы: «С помощью преходящих вещей достигаю я непреходящего».²² Но, конечно, решить вопрос древние мудрецы были не в силах, их заслуга состоит в постановке его.

Так за две тысячи лет до н. э. тождество моментов абсолютности и относительности, унаследованное от первобытного мышления в виде понятия единого неразличимого «ВСЕГО», превращается в единство абсолютного «брахмана» и относительного мира-явлений. Особенность этих абстракций в том, что они выполнены не в «чистом» виде. Хотя понятие абсолютности является определяющим в категории «брахман», последний отражает и сторону сущности, и момент субстанциональности.

В дальнейшем развитии человеческой мысли каждый философ так или иначе решает поставленную древними проблему о соотношении абсолютного и относительного, демонстрируя преемственность развития философской мысли. Это обуславливается фундаментальной связью данных категорий с основополагающими философскими понятиями.

2. Возникновение и развитие понятий «абсолютное» и «относительное» в древнегреческой философии.

Как установлено, абсолютное и относительное с самого начала присутствуют в структуре человеческого мышления. Дальнейшая объективная диалектика познания, состоящая в развитии общих понятий и категорий²³, в данном случае заключается во все более четком выявлении и конкретизации моментов абсолютности и относительности.

Важнейшим вопросом ионийской школы была проблема возникновения и уничтожения вещей в едином первоначале. В этой связи на основе материалистического монизма ставился вопрос о соотношении абсолютного и относительного. Вода Фалеса была первым конкретным воплощением абсолютного.²⁴ Взаимоотношение анаксимандровского апейрона с преходящими вещами является попыткой решения рассматриваемой проблемы. Апейрон выделяет все вещи из своих недр, оставаясь неизменным. В то же время всё возвращается обратно в «беспредельное» — «несет наказание за свое нечестие», т. е. за относительно самостоятельное существование.²⁵ «Наказание» вещи полу-

²¹ Там же, стр. 235.

²² Там же, стр. 229.

²³ В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 29, стр. 229.

²⁴ См. Гегель, Соч., т. 9, стр. 161.

²⁵ См. А. О. Маковельский, Досократики, стр. 30—31.

чают друг от друга посредством борьбы внутренних противоположностей, в результате чего происходит взаимное движение относительного и абсолютного. Анаксимандр *качественно* охарактеризовал это движение и указал на противоречие в качестве его причины.

Воздух Анаксимена является попыткой *количественной* трактовки проблемы. Воздух удобен для объяснения происхождения всех вещей из абсолютного «единого». Сгущение и разрежение воздуха образуют все тела. В этом отношении вода является менее удобной, ибо неясно, куда при таком превращении пропадают ее другие качества. Апейрон, будучи беспредельным, тоже не давал возможности количественного объяснения. Эти недостатки устраняются, если за абсолютное берется воздух как бескачественная субстанция.

Итак, ионийцы отождествляли абсолютное с конкретным, относительным его проявлением. Они обнаружили противоречивость этих понятий и пытались качественно и количественно представить процесс перехода от относительного к абсолютному. Исследуемые категории выступали еще в неявном виде и скорее являлись лишь представлениями, в которых «свернуто» содержались моменты абсолютности и относительности.

Гераклит отчетливо осознал относительность в качестве стороны предметов и явлений. Об этом свидетельствуют его фрагменты о морской воде, чистейшей для одних и грязнейшей и вредной для других, об относительности понятий красоты, мудрости и «всего прочего».²⁶ Новейшие исследования греческого философа Э. Иоанниди²⁷ подтверждают тот известный факт, что Гераклит не абсолютизировал момент относительности, как это впоследствии сделал его ученик Кратил. Древний эфесец настаивал на единстве всех конкретных, относительных предметов со всеобщим логосом, выражающим сторону абсолютности внешнего мира: «Из всего единое, и из единого всё».²⁸ Наличие в философии Гераклита ясно выраженных идей относительности и единства абсолютного и относительного твердо установлено.²⁹

Примером неправомерного раздувания момента абсолютности природы является учение Парменида. Его исходный пункт — отрицание не только абсолютного небытия (что верно), но и небытия в относительном смысле. Утверждая последнее, Парменид с логической неизбежностью приходит к пониманию бытия как единственно сущего, «истинного», всеобъемлющего абсолюта.

²⁶ См. сб. «Материалисты древней Греции», Госполитиздат, М., 1955, стр. 46, 49.

²⁷ См. рецензию Ф. Кессиди на книгу Э. Иоанниди «Гераклит, язык и мысль», 1962 (на греч. языке), в бюллетене «Новые книги за рубежом по общественным наукам», 1963, № 5, стр. 46—61.

²⁸ Там же, стр. 48.

²⁹ См., например, «Философская энциклопедия», т. 1, М., 1960, стр. 353.

Момент относительности (небытие, преходящие вещи, явления) объявляется лишь кажущимся³⁰ и своим несуществованием должен лишь подтверждать исключительную действительность абсолютного. Абсолютное полностью отрывается от своей противоположности и трактуется самостоятельно существующим и единственно «истинным». Подобная метафизичность есть прямая дорога к идеализму. Так как мышление тоже существует, то глава элеатов вынужден заявить: «Одно и то же есть мысль и то, о чем мысль существует».³¹

Система Парменида есть, таким образом, переход от материализма к идеализму на основе метафизического понимания абсолютности бытия. Всё же парменидовское единое бытие нельзя отождествлять с абсолютом позднейших идеалистических и теологических систем. Парменидовский абсолют отражает мир, природу. Он есть «вещественный шар» и наполнен рациональным материалистическим содержанием.

Современный идеализм старается выхолостить материалистическое содержание из учения Парменида. Так, английский субъективный идеалист Маллик нападает на Парменида за то, что у последнего универсум монистически представлен в виде *вещественного* абсолютного сущего. Согласно Маллику, универсум как целое должен быть сконструирован «дуализмом мысли, которая осознает, и объекта, который познается».³² Критик-идеалист объявляет никчемным понятие абсолюта, «выпадающего из круга мысли», и в духе «принципиальной координации» пытается утверждать реальность только того, что связано с мыслящим субъектом. Именно поэтому абсолютное не может быть терпимо, «если мы трактуем его абсолютность в точно парменидовском смысле».³³

В противоположность Пармениду софисты не признают бытие существующим (отрицание бытия у Горгия, утверждение только «мнения» в теории познания Протагора). Такой крайний релятивизм является «абсолютизмом» Парменида наизнанку и, следовательно, не вносит ничего нового в проблему соотношения абсолютного и относительного. Следует только отметить, что софисты начинают с абсолютного релятивизма в объективном плане, а затем скатываются на субъективно-идеалистические позиции (от признания «текучей материи» Протагор приходит к знаменитому: «человек — мера всех вещей», а Горгий от непризнания бытия в онтологическом плане делает выводы в духе агностицизма). Так как объективный крайний релятивизм

³⁰ Парменид: «Все вещи, в чем смертные видят истину, веря в нее, всё это — лишь имя пустое». Цит. по сб. «Античные философы», изд. Киевского ун-та, 1955, стр. 51.

³¹ Там же.

³² Basanta Kumar Mallik, *Non-Absolutes*, London, 1956, p. 10.

³³ Там же, p. 30.

отражает аспект относительности природы, то неразличение двух указанных аспектов, своими корнями уходящее к «отцам релятивизма», является основой ошибочного отождествления относительности с субъективностью.

Дальнейший шаг в решении проблемы сделал Демокрит на основе своей атомистической теории. Существует как бытие (атомы), так и относительное небытие (некоторые свойства видимого мира, в противоположность пустоте как «небытию» в другом смысле). Признание существования видимости «во мнении»³⁴ является существенным шагом к абстрагированию категории «относительное» в чистом виде. Действительно, с одной стороны, горький вкус «образуется из атомов малых, гладких и круглых», с другой стороны, «у горького нет природы».³⁵ Отсюда, по Демокриту, следует *относительность* существования горького, сладкого, холодного и т. д. Существование «во мнении» ни в коем случае не следует понимать субъективно. Это есть существование в отношении к другому и для другого, ибо оно обуславливается расположением атомов. Аристотель свидетельствует: «Поэтому Демокрит говорит, что цвет не существует. Дело в том, что цвет (тела) зависит от положения (атомов, его составляющих)».³⁶

Хотя фрагменты Демокрита, дошедшие до нас, не позволяют определенно утверждать, что древнегреческий материалист выделил понятие «относительное» как таковое, несомненно одно — эта категория уже «работала» в его философской системе. Так, на основе понимания объективной относительности Демокрит смог разделить свойства на присущие отдельным атомам (вес, объем, размер) и присущие «положению» конгломерата атомов.³⁷

До абстрагирования относительности как философской категории оставался один шаг, который и был сделан почти столетие спустя Аристотелем: «Соотнесенным с чем-нибудь называется то, что в том, что оно есть само, обозначается зависящим от другого или каким-нибудь образом ставится в отношение к другому».³⁸ Стагириту удалось выделить категорию «относительное», потому что он осознал *соотносительность* сторон отношения. Это открытие Аристотель сформулировал в *принципе обращения*. Согласно этому принципу, соотнесенные сущности находятся во взаимной зависимости, которая обуславливает воз-

³⁴ «(Лишь) в общем мнении существует сладкое, в мнении — горькое, в мнении — теплое, в мнении — холодное, в мнении — цвет, в действительности же (существуют только) атомы и пустота». (Демокрит цитируется по сб. «Материалисты древней Греции», Госполитиздат, М., 1955, стр. 76.)

³⁵ Фрагменты цит. по А. О. Маковельскому, Древнегреческие атомисты, Баку, 1946, стр. 67.

³⁶ Там же, стр. 281.

³⁷ См. «Философская энциклопедия», т. 1, М., 1960, стр. 460.

³⁸ Аристотель, Категории, М., 1939, стр. 19.

возможность обращений: «Крыло окрыленного — окрыленное крыльями».³⁹

Сущность относительного Аристотель правильно понимал как существование *по отношению к другому*.⁴⁰ Но он не сумел раскрыть единство абсолютного и относительного как несамостоятельных «моментов» предмета. Отсюда его поиски и сомнения в существовании чисто «соотнесенной» сущности, т. е. чисто относительного отдельного предмета.⁴¹

В этом же плане Аристотель отрывает сторону абсолютности природы от самой природы, образуя понятие «перводвигателя». Здесь Стагирит стоит ниже Демокрита, так как от парменидовского «абсолютного бытия» он приходит к идеалистическому понятию абсолюта-бога. «Аристотель так жалко выводит бога против материалиста Левкиппа и идеалиста Платона. У Аристотеля тут эклектизм».⁴²

Древние скептики выразили сторону абсолютности материальных предметов в понятиях «по природе», «в чистом виде». Но они не поняли взаимосвязи этих категорий с понятием относительного и из факта несуществования вещей вне отношений сделали неверный вывод о непознаваемости их «по природе».⁴³

Заслуга Секста Эмпирика состоит в ясном разграничении двух видов относительности (различие, не замеченное софистами): 1) по отношению к познающему субъекту — субъективная относительность; 2) «по отношению к данной природе, к данному составу, определенной величине и определенному положению»⁴⁴ — объективная относительность.

Итак, древние греки выработали понятие «относительное». Чем, однако, объясняется тот факт, что только Демокриту впервые ясно удалось понять, а Аристотелю сформулировать эту категорию? Одну из главных ошибок Платона Б. Рассел видит в том, что «Платон испытывает затруднение из-за непонимания относительности понятий... Такие затруднения представляют детскую болезнь философии».⁴⁵ Дело заключается в том, что, только уяснив сущность отношения (взаимную соотносительность сторон в отношении — аристотелевский «принцип обращения!»), можно понять относительность как несуществование

³⁹ Там же, стр. 25.

⁴⁰ Там же, стр. 24.

⁴¹ Там же, стр. 25.

⁴² В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 29, стр. 255.

⁴³ «...если мы указываем, что всё существует по отношению к чему-нибудь, то ясно, что мы не можем сказать, какова каждая вещь по своей природе и в чистом виде, но только какова она нам кажется по отношению к чему-нибудь» (Секст Эмпирик, Три книги пирроновых положений, СПб., 1913, стр. 48).

⁴⁴ Там же, стр. 47.

⁴⁵ Б. Рассел, История западной философии, ИЛ, М., 1959, стр. 147. К такому же выводу еще раньше пришел Э. Радлов. См. его Введение к диалогу «Парменид» в кн. «Творения Платона», т. 4, Л., 1929, стр. 13.

определенного аспекта без чего-то другого, т. е. несуществование без соотношения с другим.

В свою очередь трудности понимания отношения обуславливаются следующими причинами:

- 1) вещи и свойства воспринимаются чувствами непосредственно, а отношения — нет;⁴⁶
- 2) понятие о свойствах как одноместных предикатах, естественно, предшествует понятию об отношениях как многоместных предикатах, требующих большего развития абстрагирующей способности мышления;⁴⁷
- 3) отношение входит в сущность вещи, в то время как свойство обнаруживается в явлении.

Все эти моменты обуславливают «детскую болезнь философии» — абсолютизацию одной из соотносительных сторон. Ж. Пиаже назвал аналогичную трудность в детском мышлении *соположением*, в противоположность *осознанию* относительно. Характерен следующий диалог с ребенком (пример Пиаже):

«Есть у тебя брат?» — Да.

«А у твоего брата есть брат?» — Нет!

Далее Пиаже замечает: «Только соприкосновение с другими, обмен мыслями и противоречия заставляют мысль осознать свои тенденции и таким образом принуждают ее связать между собой то, что до сих пор могло оставаться соположенным».⁴⁸

Аналогично, определяющая роль Демокрита в абстрагировании категории «относительное» заключается в том, что он впервые сознательно использовал данное понятие в целях объяснения природы.

В научно-теоретической деятельности возросшая роль отношений приводит к открытию закономерности другого пути движения познания — от отношений к свойствам. Так, согласно известному методу математической гипотезы, сначала на основе соотношений между известными математическими величинами строится математический аппарат теории, а затем подыскивается его толкование, открываются и исследуются свойства вновь образованных объектов и их физических прообразов. Противоположный ход познания в этом случае (от отношений к свойствам, а не наоборот, как происходит в плане фило- и онтогенеза) объясняется «оборачиванием» самой основы, на которой устанавливается единство объективного и субъективного, материального и идеального в процессе познания. Если в практическом историческом процессе в качестве определяющей выступает

⁴⁶ А. И. Уемов, Вещи, свойства и отношения, М., 1963, стр. 47.

⁴⁷ См. Д. П. Горский, Вопросы абстракции и образование понятий, М., 1961, стр. 137—141.

⁴⁸ Ж. Пиаже, Речь и мышление ребенка, М., 1932, стр. 238.

материальная сторона, то в теоретическом познании, наоборот, идеальная сторона играет решающую роль.⁴⁹

3. Борьба материализма и идеализма вокруг идеалистического понятия «абсолют» в средние века.

Центральным понятием средневековой идеалистической философии является категория бога и абсолюта. Согласно Августину, бог непрестанно поддерживает и творит *universum mundi* — единый и единственный мир. Подобное «объяснение» соотношения абсолютного и относительного ничем не лучше мистической «теории» сопричастности Платона или более поздней схоластической теории эманации (истечения). Самаркандский поэт и мыслитель Низами Арузи так излагает основные моменты теологической философии: все сущее распадается на две категории — во-первых, существующее «само по себе», необходимо сущее — бог; во-вторых, существующее «посредством другого», возможно сущее — весь остальной мир «становления и гибели».⁵⁰

Существование бога, «украшенного вечностью, без начала и без конца», доказывается восхождением по цепи относительных, обуславливающих друг друга вещей, которая таким образом ошибочно считается конечной, подобно доказательству «первой причины» у Аристотеля. В этом мире — только относительное, где-то там — только абсолютное, абсолют или бог. Эта же мысль, только в более завуалированном виде, утверждается в теории «анalogии бытия» Фомы Аквинского.⁵¹

Великий испанский драматург Лопе де Вега в поэтической форме выразил характерный для схоластики крайний отрыв абсолютного от относительного:

«Дух ангельский и ясен и могуч
И по своей природе неспособен
Cum materia componere rem unam
(с материей составлять единое целое).
Душа соединиться с телом может,
Дух не сольется с телом никогда.
Я повторю, *nequaquam* (никоим образом) не может
Соединиться с телом: *per se nata*
*Est subsistere*⁵² (Рожденное само по себе только так и удержи-
вается крепко в своем существовании) (курсив мой. — В. Х.)

⁴⁹ М. Г. Макаров, Гносеологические корни материализма, «Уч. зап. ТГУ», Труды по философии, т. 5, Тарту, 1961, стр. 30.

⁵⁰ Низами Арузи Самарканди, Собрание редкостей или четыре беседы, изд. вост. лит., М., 1963, стр. 27—28.

⁵¹ В. И. Гарраджа, Проблема веры и знания в томизме, «Вопросы философии», № 9, 1963, стр. 93.

⁵² Лопе де Вега, Собр. соч., т. 3, «Искусство», М., 1963, стр. 532—535.

Вокруг понятия абсолюта развернулась ожесточенная философская борьба. Закономерностью этой борьбы является неуклонное снижение фетишизации достигнутого знания в соответствии с ростом роли науки в экономической и политической жизни общества.⁵³ Этот закон играет роковую роль в судьбе теологического абсолюта.

Материалистические тенденции в борьбе с теологической философией представляли Ибн Сина (Авиценна), Ибн Рошд (Аверроэс) и немецкий мистик Эккарт. Основная идея борьбы — замена ненаучной категории абсолюта понятием абсолютности единой материи.

Ибн Сина хотя и признавал первоначальность бога, но рассматривал процесс возникновения мира как естественную закономерность. Сторону абсолютности и неуничтожимости материи Авиценна доказывал сменой, движением конкретных форм ее бытия.⁵⁴

Ибн Рошд идет дальше. Бог уже не творит и даже не предшествует материи, а «совечен» ей. В материю включается и аристотелева потенция. Понятия бога и абсолюта становятся ненужными, уступая место абсолютности материи.

Подвергнув логическому анализу понятие бога, Эккарт пришел к выводу о несуществовании бога ни во вселенной в целом, ни в чем другом. В своем «Толковании» Эккарт проводит следующую мысль, фактически являющуюся его собственным выводом: «... утвердительные мнения, высказываемые о божестве, бессодержательны, отрицательные же мнения истинны».⁵⁵ Доказав пустоту исследуемого понятия, Эккарт заключает, что абсолютность («само по себе») и относительность («акциденция») присущи самой действительности и характеризуют каждую отдельную вещь.⁵⁶

После Парменида понятие абсолютности развивалось в двух направлениях: во-первых, через «идеи» Платона и «перводвигатель» Аристотеля к абсолюту средневековых теологов; это направление в *мистифицированном и гипертрофированном* виде отражало одно из значений понятия «абсолютное» — совершенство, непреложность и т. д.;⁵⁷ во-вторых, путем абстрагирования

⁵³ См. Г. Лей, Очерк истории средневекового материализма, ИЛ, М., 1962, стр. 176.

⁵⁴ Там же, стр. 113.

⁵⁵ Там же, стр. 455, примечание.

⁵⁶ «Ведь всё, что можно найти в чем-нибудь путем акциденции, находится в нем благодаря чему-то, имеющему это «само по себе». Там же, стр. 450.

⁵⁷ Разумеется, мистификация этой стороны абсолютности не означает ложности такого понимания данной категории вообще. Непреложность (нерушимость, неизменность) характеризует абсолютное с точки зрения его наличия в качестве всегда присутствующего результата, как его обязательность не столько в качестве становящегося, сколько в качестве ставшего. Обязательность абсолютного в качестве и становящегося, и ставшего отражается в понятии его необходимости.

понятий «по природе», «в чистом виде», «само по себе», как объективных моментов самой действительности. Данная линия выражала вторую сторону понятия «абсолютное» — безотносительность. *Борьба противоположных тенденций в развитии категории «абсолютное» представляет собой частный и конкретный вид борьбы вокруг основного вопроса философии.*

Категория абсолюта является пустой метафизической абстракцией, которой в действительности ничто не соответствует. Эта абстракция была создана теологами в целях обоснования «бытия божия». Как известно, и более поздние «доказательства» существования абсолюта, основывающиеся на отрицании реальности вещей, свойств и отношений, не являются правильными.⁵⁸ «Мы в «абсолюты» не верим», — писал Ленин.⁵⁹

В связи с этим мы не согласны с трактовкой категории абсолюта как субъективной.⁶⁰ Уже понятие бога в теологической философии полностью объективировано в идеалистическом смысле. Тем более «абсолют», в котором всё растворено и который и есть всё,⁶¹ не является субъектом. Ибо в противном случае должно существовать нечто, кроме абсолюта, — какой-либо иной объект. Но это противоречит определению понятия «абсолют». Неточным является утверждение, что абсолют творит мир.⁶² Необходимо проводить различие между такими понятиями, как бог, который «творит мир», и абсолют, который и есть весь мир. Всё разнообразие видимого мира есть лишь видимость, кажущееся,⁶³ с точки зрения разного рода «абсолютных» систем.

4. Диалектика абсолютного и относительно-го в философии нового времени.

В новой философии дальнейшее развитие проблемы включает

⁵⁸ См. А. И. Уемов, Вещи, свойства и отношения, АН СССР, М., 1963, стр. 87—89.

⁵⁹ В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 44, стр. 78.

⁶⁰ См. «Философский словарь», Политиздат, М., 1963, стр. 5.

⁶¹ Даже гегелевское самосознание, которое мы в известном смысле можем характеризовать как субъект в силу его диалектического самодвижения, «есть Всё. Вне его нет ничего. Мир — не больше, как метафизическое различие, производимое самосознанием, признак его эфирного мозга и плод его воображения...» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 155.).

⁶² «Философский словарь», ук. стр.

⁶³ Ярким примером является система так наз. «абсолютного» идеализма Ф. Х. Брэдли (См. F. H. Bradley, Appearance and reality, London, 1893). Абсолют Брэдли представляет собой, как удачно заметил Б. Рассел, некоторого рода всепроникающее духовное желе. В абсолюте нет и намека на какое бы то ни было противоречие, он неподвижен, однако «самодостаточен» и включает в себя всё сущее. Всё многообразие мира есть с точки зрения Брэдли лишь «appearance» — видимость, кажимость самотождественного абсолюта. Поэтому система Брэдли действительно является смертью всякой мысли, ибо «вещи и их свойства, предметы и их отношения и даже... мысль и реальность срываются». (R. A. Wollheim, «F. H. Bradley» в сб. «The Revolution in Philosophy», London, 1957, p. 23).

два взаимно обусловленных момента. Во-первых, уточнение понятий и их все более чистое выделение; во-вторых, установление диалектики соотношения этих категорий между собой и с другими родственными понятиями (материя, субстанция и т. д.).

Николай Кузанский, один из предшественников новой философии, определял абсолютное как существующее вне отношений и всяких ограничений. Он улавливает два противоречивых момента в понятии «абсолютное»: как взятое в полной мере и в наименьшей мере. Эти две противоположности — «абсолютный максимум» и «абсолютный минимум» — совпадают. Действительно, максимум есть максимально большое, а минимум — максимально малое. Если теперь отбросить количественную сторону как чисто внешнюю, то получаем знаменитое «*coincidentia oppositorum*» (совпадение противоположностей). Максимум равен минимуму, если они взяты абсолютно.⁶⁴

Д. Бруно вполне определенно понимает абсолютность материи в качестве ее непреложности под бесконечными относительными формами. Абсолютное, по Бруно, не имеет определенного размера, конкретной формы, ибо в этом случае оно не было бы в с е м.⁶⁵

Четкое разделение моментов абсолютности и относительности проводится в философии Б. Спинозы. Первая аксиома его «Этики» гласит: «Все что существует, существует или само в себе, или в чем-нибудь другом».⁶⁶ Существующее само по себе и проявляющееся само через себя есть спинозовская абсолютная субстанция. Последняя является бесконечной «по природе», т. е. бесконечной абсолютно. Субстанция есть абсолютно-абсолютное и выражает сторону чистой абсолютности. Атрибут тоже выражается сам через себя, но в отличие от субстанции он есть «бесконечное в своем роде», т. е. является абсолютным лишь в определенных пределах — по отношению к своим модусам. Спиноза открыл относительность понятия «абсолютное». И, наконец, модус «существует в другом и представляется через это другое»⁶⁷, выражая сторону чистой относительности.

Таким образом, определение абсолютного как существующего «само через себя», выдвигаемое в настоящее время, восходит к Спинозе. Формально все моменты (абсолютно-абсолютное, относительно-абсолютное и чисто относительное) объединены посредством понятия единой субстанции. Но это объединение чисто внешнее, не диалектическое, без взаимных переходов и пе-

⁶⁴ Николай Кузанский, Об ученом незнании, Избр. филос. соч., Соцэкгиз, 1937, стр. 12.

⁶⁵ Д. Бруно, Диалоги, Госполитиздат, 1949, стр. 230.

⁶⁶ Б. Спиноза, Избр. произведения, т. I, Госполитиздат, М., 1957, стр. 362.

⁶⁷ Там же, стр. 361.

реливов и по существу скорее является отрывом разных аспектов действительности.

Понимая под отношением одновременно рассмотрение двух самостоятельно существующих объектов, или «идей», Д. Локк назвал относительными понятия, «необходимо приводящие ум к каким-нибудь иным идеям, чем те, которые считаются действительно существующими в той вещи, к которой прилагается слово».⁶⁸ Он верно подметил, что понятия, выражающие момент относительности, отражают нечто внешнее по отношению к самостоятельному существованию того предмета, сторону которого они характеризуют. С прекращением отношения сама вещь, по Локку, не исчезает, а уничтожается соответствующая относительная сторона ее бытия. Однако, допуская, что каждая вещь существует в известном смысле безотносительно, Локк усматривал противоположный момент относительности в нашем способе рассмотрения вещей.⁶⁹ В отрицании объективности относительности заключается характерная черта непоследовательности сенсуалистического материализма Локка. Логическим следствием этого является отрицание объективности т. н. вторичных качеств.

В домарксистской философии впервые Лейбницу удалось в известной мере выяснить диалектические моменты в соотношении абсолютного и относительного. Абсолютное, по Лейбницу, не образуется путем простого сложения бесконечного числа относительных сущностей, а представляет собой *основание* последних.⁷⁰ Поэтому соотношение абсолютного и относительного не есть соотношение целого и части. Во-вторых, абсолютное не есть самостоятельная сущность, не есть субстанция, а является атрибутом чего-то другого. В силу теологического характера своей философии Лейбниц считал абсолютность атрибутом «совершенного и наиреальнейшего» бога.⁷¹

И. Кант придавал большое значение категории «абсолютное». Анализируя это понятие, он указывал на двоякое определение: абсолютное как имеющее значение во всех отношениях и в качестве свободного от всех отношений. Не различая понятий «вне всех отношений» и «в себе» (в качестве внутреннего), Кант пришел к выводу о несовместимости двух указанных моментов абсолютного и признавал в качестве единственно верного только первый из них.⁷²

⁶⁸ Д. Локк, Избр. филос. произведения, т. 1, Соцэкгиз, М., 1960, стр. 327.

⁶⁹ Там же, стр. 325.

⁷⁰ «Истинное же бесконечное не заключается в целом, составленном из частей, но есть основание составных вещей, так как эти последние образуются путем ограничения абсолютного. Таким образом положительное бесконечное есть ничто иное, как абсолютное...» (Цит. по Л. Спокойный, Философия Лейбница, Соцэкгиз, М.-Л., 1935, стр. 70.)

⁷¹ См. К. Фишер, История новой философии, т. 3, СПб., 1905, стр. 567.

⁷² И. Кант, Критика чистого разума, Петроград, 1915, стр. 214.

Немецкий философ считал, что не наше знание должно соотноситься с вещами и предметами объективного мира, т. к. в этом случае мы приходим «к противоречиям в понятии безусловного»,⁷³ а, наоборот, явления внешнего мира находятся в соответствии с нашей способностью представления их. В этом последнем случае «абсолютное» свободно от противоречий. Таким образом, исключение указанных выше противоположных моментов из понятия абсолютного служило аргументом к обоснованию всей системы Канта. Согласно этой системе, безусловное находится в «вещах в себе» и является изначально существующим априорным требованием нашего разума. Это требование разум предъявляет к «вещам в себе» «в дополнение ко всему обусловленному, требуя таким образом законченного ряда условий».⁷⁴

Наиболее глубоко диалектику абсолютного и относительного в домарксистской философии разработал Гегель. Он устанавливает диалектическое единство двух моментов — абсолютное как взятое во всех отношениях и как взятое вне отношений: «Само абсолютное выступает как отрицание всех предикатов, как пустота, но оно ... также есть и полагание всех предикатов».⁷⁵ Диалектику абсолютного как процесса нельзя выразить в простой субъектно-предикатной форме предложения. Это есть процесс разворачивания и различения собственных моментов единого «абсолютного духа». Относительное есть лишь «исчезающий момент» некоторой абсолютной основы и сущности. Последняя сама есть не более как движение и «растворение» этих моментов. Каждое относительное, каждый «момент» движения можно рассматривать в своеобразии его определения в качестве целого и конкретного. Следовательно, в относительном есть абсолютное, ибо «то, что находится в отношении, во-первых, самостоятельно существует само по себе, но, во-вторых, оно и несамостоятельно, т. к. оно находится в отношении».⁷⁶ В противоположность Канту, Гегель в противоречивости абсолютного усмотрел важнейшую сторону сущности этого понятия.

На основе своего метода Гегель правильно «угадал» основные черты взаимосвязи абсолютного и относительного, но в своей системе он омертвляет это живое единство «исчезающих моментов», останавливает развитие. Эта остановка развития абсолютного, превращения его в «абсолют» является необходимым звеном в философии Гегеля, следствием недостаточности самого метода, построенного на идеалистической основе. В качестве развивающегося абсолютного у Гегеля в мистифицированной форме выступает нечто относительное — сознание в качестве гипертрофированного, а на самом деле относительного

⁷³ Там же, стр. 14.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Гегель, Соч., т. 5, стр. 637.

⁷⁶ Гегель, Соч., т. 9, стр. 428.

свойства действительно абсолютной материи. Абсолютизация относительного в конце концов приводит Гегеля к метафизическому абсолюту. Ленин отмечает слова Гегеля: «В нем самом (dem Absoluten) нет никакого становления» и характеризует это как чепуху об абсолюте у Гегеля вообще.⁷⁷

Абсолютное и относительное — категории материалистической диалектики

«Абсолютное и относительное, конечное и бесконечное = части, ступени одного и того же мира.»

В. И. Ленин.

1. Абсолютное и относительное как моменты действительности.

Согласно методу анализа абстрактного материального объекта,⁷⁸ первоначально исследуются категории сущности и явления, ибо всякая вещь вначале выступает как их единство. Сущность с определенной точки зрения можно рассматривать как *систему* категорий. Понятия элемента и структуры, содержания, абсолютного и относительного являются сторонами, «моментами» сущности. Последняя выражает противоречивость объекта посредством взаимной рефлексии своих моментов, полагая их путем разворачивания противоречий в себе самой. Противоречие, таким образом, есть способ утверждения абсолютного и относительного как сторон раздвоения сущности. Эти стороны вытекают из самой сущности, являясь ее собственными определениями. *Соотношение абсолютности-относительности в противоречии есть ключ к диалектически противоречивой природе абсолютного и относительного.*

Но было бы ошибочным на этом основании анализировать категорию противоречия в целях нахождения диалектики соотношения исследуемых понятий. В противоречии генезис абсолютности-относительности уже угас. Поэтому необходимо анализировать само *разворачивание* абсолютного и относительного как противоречивых определений сущности.

Сущность не есть нечто только скрытое и чисто внутреннее «в себе», но она является. Явление не имеет своего основания в самом себе, а в чем-то другом за ним стоящем. Момент «для другого» выражает наличное бытие являющегося, в противоположность абсолютному моменту «в себе», характеризующему существенную основу данного явления. Таким образом *тождество* абсолютного и относительного в сущности перерастает в

⁷⁷ В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 29, стр. 140.

⁷⁸ См. В. П. Бранский, Философское значение проблемы наглядности в современной физике, ЛГУ, 1962.

различие категорий «в себе» и «для другого». Ленин отмечал: «Вещь в себе относится к бытию, как существенное к несущественному?». ⁷⁹

Категорию «в себе» следует рассматривать как цельную, далее не разложимую *конкретность*, из которой путем дискурсивно разворачиваемого движения познающего мышления следуют дальнейшие определения абсолютного. «В себе» есть некоторая целостность, равенство с собой, в противоположность своему неравенству. Следовательно, саморавенство и неразвитость противопоставляются развернутости понятия «в себе» по отношению к чему-то другому. Действительно, стремление мышления удерживать одну крайность — тождественное полагание — ведет к *определенности* этого полагания и, следовательно, к его ограниченности. Но ограничение полагания имеет предпосылкой наличие «другого», противопоставляемого ограничиваемому «в себе». Поэтому «в себе» мыслится по отношению к «другому», как проявляющееся в «другом». Такое движение мысли соответствует тому факту, что абсолютная изоляция предмета принципиально невозможна. «В жизни в движении всё и вся *бывает* как в себе, так и «для других» в отношении к другому, превращаясь из одного состояния в другое». ⁸⁰

Вновь возникшее относительное «для другого» не есть неизвестно откуда взявшееся определение, оно представляет результат внутренней противоречивости самого понятия «в себе», продукт его собственного действия. «Для другого» (сторона относительности) является для абсолютного «в себе» своим другим. Поэтому сторона относительности не есть самостоятельный, «истинный» момент, а лишь проявление самоопределения некоторого «в себе». Относительное не выдерживает своей собственной противоречивости и приводит обратно к моменту абсолютности «в себе» — отношение к другому есть отношение к самому себе, опосредствованное через момент «для другого». Крайности сходятся. Единство тождества и различия моментов «в себе» и «для другого» состоит в том, что между этими понятиями нет *постоянной* границы, но *постоянно существует* граница.

Итак, сторона «в себе» является ведущей в рассмотренном соотношении противоположностей, ибо она является исходным пунктом, основой и результатом всего движения. В результате категория «в себе» выступает в более богатом, снятом виде. Это уже не первоначальное неразвитое «в себе», но возвратившееся обратно в себя из своего «бытия в другом». («рефлектированное» в самое себя) «в себе». Новая, возникшая таким образом ступень в развитии абсолютного фиксируется в категории «для себя».

⁷⁹ В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 29, стр. 134.

⁸⁰ Там же, стр. 97.

Представляется целесообразным сохранить в марксистской философии выработанную в ходе исторического развития философской мысли категорию «для себя», выражающую определенный момент единства абсолютного и относительного в дискурсивном развертывании категории абсолютного, в результате того, что нечто снимает свое «инобытие», свое соотношение с другим.

Достигнутое в категории «для себя» единство противоположностей не означает конца развития. Противоречие здесь как бы загнано внутрь — противоположности совпадают друг с другом. Задача, следовательно, заключается в том, чтобы вывести их из точки совпадения и поднять на вершину противоречия. Это достигается во втором витке «спирали» развития данной системы понятий, в котором должно реализоваться действительное, диалектически противоречивое единство противоположных определений.

Если в дальнейшем анализе моменту «для себя» противопоставлять опять момент «для другого», то мы не выйдем за пределы уже достигнутого — соотношение с «другим» даже бесконечное число раз приводит к тому же самому «для себя бытию». Качественный скачок наступает, если это «для себя» противопоставить тотальности «всего другого», т. е. рассматривать сразу в отношении ко *всему другому*. Рассмотрение предмета во всех отношениях наиболее полно и исчерпывающе выражает свойства, присущие предмету. Таким образом, в результате второго «витка» спирали развития противоречия абсолютное выступает в единстве двух противоположных определений — как взятое во всех отношениях («для всего другого») и как «в-себе и для-себя» сущее, рассматриваемое вне всех отношений (но не в отрыве от них!). Взаимопревращаемость и взаимоисключаемость этих двух сторон выражает противоречивую природу абсолютного в полной мере. Действительно, сторона «во всех отношениях», как уже показано, полностью характеризует объект как существующий вне всех отношений. Наоборот, взятое вне всех отношений есть внутреннее «для себя», полностью выражающееся только во всех возможных отношениях.

Таким образом, *абсолютное является единством двух противоположных сторон — существующее само по себе, вне всех отношений и как положенное во всех отношениях, для всего другого*. В понятии «абсолютное» данные определения сохранены в качестве «исчезающих моментов», переходящих друг в друга:

Этот переход позволяет раскрыть содержание категории «относительное» как взятое в одном конкретном отношении. Относительное, естественно, выступает как сторона абсолютного, находящаяся с ним в неразрывном единстве. Специфичность относительного заключается в том, что оно в качестве внешней стороны требует наличия чего-то другого для своего актуального

осуществления. Его (относительного) сущность и действительное наличное бытие заключается в «ином», в существовании «для иного». Посредством этого «иного» относительное связывается с абсолютным как со своей основой. Так, скорость тела существенно относительна. Она имеет смысл только по отношению к какому-нибудь другому телу, по сравнению с которым первое тело движется. Скорость характеризует, следовательно, взаимное абсолютное движение тел.

В качестве вывода следует констатировать, что определение абсолютного по В. П. Тугаринову формулирует исторически и логически вполне обоснованное основное значение данного понятия.

Для дальнейшего важно установление факта относительности самого свойства абсолютности.⁸¹ Это известное положение В. И. Ленина некоторые философы считают имеющим силу только для «абсолютного» конкретных наук, но не для «абсолютного» в общем, философском смысле. Такая тенденция противопоставления абсолютного как несотворимого, непреложного, самоутвержденного, с одной стороны, в противоположность относительности этой категории в конкретных науках, с другой стороны, чувствуется, например, в статье М. Б. Вильницкого.⁸² Автор ссылается на высказывание А. С. Кармина о том, что философия «понятие абсолютности ... рассматривает в ... самом широком, самом общем смысле, считая абсолютным лишь то, что безусловно, непреложно, неуничтожимо, независимо ни от каких условий; всеобще и т. д. для мира «в целом».⁸³ Но в данном случае понятие абсолютности рассматривается А. С. Карминым с определенной точки зрения — по отношению к миру «в целом» в связи с его бесконечностью. При таком рассмотрении «абсолютное» приобретает специфический смысл непреложного, независимого ни от каких условий вообще и т. д. В связи с этим А. С. Кармин справедливо предупреждает против смешения такого понимания абсолютности с категорией «абсолютное» в конкретных науках.

Невыделение этого момента позволяет упрекнуть М. Б. Вильницкого в трактовке относительности абсолютного как имеющей место только для «абсолютного» конкретных наук. Такой вывод напрашивается, ибо, иллюстрируя относительность т. н. «абсолютных» понятий на примерах из физики, автор делает вывод: «Целиком однозначную абсолютность, так сказать, абсолютную абсолютность, имеют только вся материальная дейст-

⁸¹ В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 29, стр. 317. На эту существенную сторону абсолютности обратил внимание Герцен: «В истории всё *относительно* абсолютно. » (А. И. Герцен, Избр. филос. произведения, Госполитиздат, 1948, стр. 100, примечание.).

⁸² М. Б. Вильницкий, К вопросу об абсолютности и относительности пространства и времени, «Вопросы философии», 1959, № 12, стр. 138—142.

⁸³ Цит. по предыдущему соч., стр. 140—141.

вительность (содержание) и формы ее существования».⁸⁴ Итак, абсолютная абсолютность — только в рамках философии, а относительная абсолютность — только в рамках физики и других наук.

Но, как будет показано в дальнейшем, в объективной действительности не существует ничего абсолютно-абсолютного. Верно, конечно, что в каждой частной науке под абсолютным понимаются величины и соотношения, остающиеся неизменными по отношению к данным условиям. Отсюда, однако, не следует, что свойство относительности абсолютного применимо только к понятиям этих наук. Более того, слишком упрощенным, а поэтому неверным является понимание этого свойства абсолютности в том тривиальном смысле, что «абсолютное в одном отношении является относительным в другом»⁸⁵, более широком отношении. Подобную иерархию можно, конечно, мысленно продолжать сколь угодно далеко, но именно поэтому она не выражает *понятия относительности* абсолютного, а лишь чисто внешнее соотношение. Решение проблемы заключается в таком содержательном понимании абсолютности, при котором в нее включается относительное в качестве посредствующего момента движения внутренних противоположностей.⁸⁶

Указанное положение является *основанием* того, что, в соответствии с законом меры, абсолютное всегда выступает в качестве *данного* абсолютного, по отношению к *данным* конкретным условиям, как свободное от отношений и связей в *этой* системе и никогда не может предстать в абсолютно-абсолютном, полностью лишенном момента относительности виде.

Другое дело, что системы отношений бывают разные, в том числе и предельно широкие. В последнем случае абсолютность раскрывается как несотворимость, неуничтожимость и т. д. в соответствии с определением В. И. Свидерского и А. С. Кармина.

Действительно, если взять в качестве объекта все существующее, природу в самом широком плане, то стороной абсолютности выступает непреложность, несотворимость и т. д. *материи* как единственной основы мира. Относительность материи раскрывается как отношение субстанции к своему «иному» — атрибуту, свойству, части той же самой материи, ибо «в мире нет ничего, кроме движущейся материи» (Энгельс). В этом смысле Ленин подчеркивал относительность противопоставления сознания материи, абсолютная противоположность которых ограничена рамками гносеологии.⁸⁶ Так как всякое «иное» для материи есть та же материя, только в «особом виде» (в качестве атрибута, свойства, части и т. д.), то относительность материи вы-

⁸⁴ Там же, стр. 142.

⁸⁵ Там же, стр. 140.

⁸⁶ В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 18, стр. 151.

ражается конкретностью, ограниченностью всех ее частных форм.⁸⁷

Следовательно, определение абсолютного В. И. Свидерским не противоречит вышеуказанному пониманию этих категорий, а является естественной конкретизацией основного понимания на предельно широкую систему. *Абсолютное как непреложное, первичное и т. д. есть «вырожденный»⁸⁸ на предельно широкую систему случай основного значения данного понятия — существующее во всех (или вне всех, т. е. «само по себе») отношениях.*

2. К вопросу о единстве абсолютного и относительного.

Относительность некоторых физических величин учит осторожности в выдвижении категорических заявлений типа: «... во всем есть абсолютное и относительное».⁸⁹ Действительно, возьмем понятие небытия. Как показывают соответствующие исследования,⁹⁰ небытие только относительно. Оно есть небытие какого-то определенного бытия.

Настаивая на абсолютности покоя, Ф. Селиванов и Л. Зеленов пишут: «... он (покой. — В. Х.) имееется как таковой безотносительно, безусловно».⁹¹ Небытие явно не существует как таковое, т. е. безотносительно, абсолютно. На наш взгляд, аналогично обстоит дело с покоем. Каждый покой есть покой только в известном отношении. С бесконечного множества других точек зрения каждый покой есть движение в полном соответствии со смыслом абсолютности последнего. Относительность всякого равновесия⁹² означает не только отсутствие абсолютного покоя (с чем упомянутые авторы, безусловно, согласны), но и — в прямом смысле — *лишь* относительность каждого покоя. Авторы цитированной статьи ссылаются на то, что в отдельном конкретном случае ведущим может быть покой. Но ведь это доказывает только относительность покоя — каждый покой есть покой лишь *в определенном отношении*, то есть относительно конкретной «системы отсчета». Во всех других отношениях, т. е. абсолютно, «ведет» именно движение, а не покой.

Покой является абсолютным лишь в той степени, в которой он является частным (нулевым) случаем движения. Такая точка зрения основана на том, что каждый покой в своей сущности,

⁸⁷ См. В. И. Свидерский, О диалектике элементов и структуры, Соц-экгиз, М., 1962, стр. 9.

⁸⁸ О «вырождении» понятий см. А. И. Уемов, Вещи, свойства и отношения, АН СССР, М., 1963, стр. 54—66.

⁸⁹ Ф. Селиванов и Л. Зеленов, Единство абсолютного и относительного, «Уч. зап. Томского гос. ун-та», 1963, № 41, стр. 43.

⁹⁰ И. Бродский, Категория небытия в древнегреческой философии, «Вестник ЛГУ», 1959, № 11.

⁹¹ Ф. Селиванов и Л. Зеленов, цит. работа, стр. 44.

⁹² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 562.

в основе, во всех других отношениях, кроме одного, является движением.

Итак, существуют понятия (и соответствующие им прообразы в действительности), носящие явно выраженный относительный характер, момент относительности в которых превалирует явно. Сразу следует подчеркнуть, что здесь нет отрыва относительного от абсолютного. И в данном случае в релятивном есть абсолютное, но оно есть не явно, не сразу, а в качестве движения к тому «иному», которое выражает сущность и основу данного относительного. Сами же авторы цитированной статьи, разбирая вопрос о падении предмета по различным *относительным* траекториям, приходят к выводу об *абсолютности*... движения!⁹³

Если положение Ленина о существовании абсолютного в относительном переносить на каждый случай механически, не указывая *способа*, каким абсолютное присутствует в данном относительном, то отсюда один шаг до поисков на указанном основании абсолютной скорости, траектории и т. д.⁹⁴

Конечно, каждое понятие можно абсолютизировать, рассматривая его абстрактно, вне отношений. В этом смысле и покой «как таковой», и траектория «как таковая», т. е. в качестве чистых абстракций, абсолютны. Но подобное «безотносительно абсолютное — логическое отвлечение, которое за пределами логики тотчас делается относительным».⁹⁵ Следовательно, в любом объективно существующем абсолютном обязательно содержится элемент относительности. Факт несимметричности распределения абсолютного и относительного (существование явно относительных свойств, состояний и физических величин, в противоположность несуществованию абсолютно-абсолютного) находит отражение в известном разделении категорий по полярным парам, с ведущим положением одной стороны из пары, именно той, в которой преобладает момент абсолютности.

Поступила в редакцию 1 октября 1964 г.

⁹³ Ф. Селиванов и Л. Зеленев, цит. соч., стр. 43.

⁹⁴ Примером таких поисков «абсолютного» там и так, где и как его совершенно нельзя найти, является утверждение Т. Элека о существовании, наряду со многими относительными, какой-то абсолютной траектории движущегося тела. (См. Т. Элек, О гносеологической концепции А. Эйнштейна и философском содержании теории относительности, «Periodica Polytechnica», Vol. 5, No. 3, Budapest, 1961). Согласно автору, «абсолютная» траектория существует не менее реально и может быть установлена простым сложением всех относительных траекторий. Физическую несостоятельность представляемой Элеком точки зрения показал еще в 1765 году Л. Эйлер, когда писал, что в подобных случаях всегда «предлагают иное, но все же определенное тело, по отношению к которому и устанавливаются покой или движение». (Цит. по кн.: П. С. Кудрявцев, История физики, Учпедгиз, М., 1956, т. 1, стр. 287). «Абсолютная» траектория все-таки оказывается относительной! С философской точки зрения ошибочным является истолкование соотношения абсолютного с относительным как результирующего к слагаемым, что было отмечено уже Лейбницем.

⁹⁵ А. И. Герцен, цит. соч., стр. 100.

СТИМУЛЫ К ТРУДУ И ИХ СТРУКТУРА

Т. Рейнвальд

Составной частью проблемы закономерностей становления человеческой личности вообще и, в частности, личности коммунистического общества является вопрос о стимулах к труду. «... *Вся ... всемирная история* есть не что иное, как порождение человека человеческим трудом ...»¹

Стимулы к труду — явление очень сложное. Их содержание и формы резко отличны в разные эпохи у представителей различных классов, у людей, занимающихся различными видами труда.

К стимулам трудовой деятельности человека относится вся совокупность как материальных побудительных сил человеческой деятельности, так и их идеальное выражение в виде сознательных побуждений к труду, т. е. и «идеальные побудительные силы».

Вопрос о стимулах к труду мало разработан еще в нашей философской литературе. В ряде работ, посвященных специально стимулам к труду, недостаточно выяснено само понятие «стимулы к труду», и поэтому оно часто употребляется в разном смысле. Из этого понятия нередко исключается вся совокупность материальных факторов, и стимулы к труду сводятся лишь к идеальной их стороне.

Так, Г. Д. Зазерский, определяя понятие стимула к труду, пишет: «в отличие от внешнего принуждения, стимул к труду — это внутреннее побуждение, осознанный интерес».² Н. С. Новоселов высказывает аналогичную мысль: «под стимулами к труду понимаются побудительные мотивы в деятельности людей в целях удовлетворения их личных и общественных потребностей».³

Наиболее правильно, на наш взгляд, подходит к вопросу

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, М., 1956 стр. 598.

² Г. Д. Зазерский, Материальные и моральные стимулы к труду и их сочетание в период развернутого строительства коммунизма, Л., 1962, стр. 9.

³ Н. С. Новоселов, О превращении труда в первую жизненную потребность, М., 1961, стр. 99.

А. Базаров,⁴ который пишет об объективной и субъективной сторонах в стимулах к труду и рассматривает производственные отношения как главный составной элемент материальной стороны стимулов к труду. Однако, к сожалению, эта мысль автора не проводится им через всю работу, и важнейшие аспекты стимулов к труду остаются недостаточно выясненными.

В статье мы попытаемся рассмотреть наиболее общие аспекты проблемы стимулов трудовой деятельности человека, как материальной, так и духовной стороны.

Непосредственным источником всех человеческих действий, а следовательно и трудовой деятельности являются потребности человека. Поэтому вся совокупность многообразных видов человеческого труда может быть понята только тогда, когда будут поняты потребности, лежащие в их основе, а также то, чем определяется их изменение и развитие, их содержание, виды, диапазон и соотношение.

Потребности человека формулируются и видоизменяются в процессе его взаимодействия с окружающей природной и общественной средой. Поэтому материальные условия, окружающие человека, являются одновременно материальными причинами, стимулирующими его деятельность.

Эту мысль подчеркивает Ф. Энгельс в письме к М. Гаркнесс (апрель 1888 г.). Он говорит, что «условия» которые окружают людей, *«и являются стимулами их действий»*.⁵

Уже природная среда, окружающая человека, сама по себе не только диктует содержание многих его важнейших жизненных потребностей благодаря особенностям природных условий, но также дает средства их удовлетворения (предоставляя в его распоряжение определенные природные богатства), определяя тем самым особенности трудовой деятельности, ее виды, отрасли.

Но поскольку главным посредником между человеком и природой, человеческими потребностями и их удовлетворением является производство материальных благ, то само производство становится важнейшей материальной силой, стимулирующей все виды человеческого труда.

Производство стимулирует труд человека и материально, и духовно. Материально — благодаря тому, что оно само порождает потребности в производстве все новых и новых средств удовлетворения материальных потребностей людей. Духовно — вызывая необходимость во все возрастающем количестве видов духовной деятельности как средстве решения производственных задач.

⁴ А. Базаров, О соотношении материальных и моральных стимулов в производственной деятельности людей, Душанбе, 1961, стр. 10, 27.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма. 1958, стр. 405 (курсив мой, Т. Р.).

Можно говорить о стимулирующей труд роли различных факторов производства, скажем, производительных сил и прежде всего орудий труда. Необходимость развития орудий труда порождает «техническую потребность» в развитии наук, обслуживающих производство, в совершенствовании знаний людей, употребляющих эти орудия. Неоспоримо также огромное влияние характера разделения труда. От того, какие функции в общественном разделении труда выпадают на работника, зависит духовное содержание его трудовых операций — сложность, интеллектуальная увлекательность или отупляюще однообразный, убивающий интеллект труд.

Вопрос о влиянии техники на человека, согласование конструкции машин с характеристиками управляющего ими человека, создание оптимальных режимов труда при конструировании систем управления, включающих человека с учетом их влияния не только на его наличные, но и потенциальные свойства, является специальным предметом изучения молодой, но чрезвычайно перспективной отрасли науки — инженерной психологии.

Однако главной материальной силой, стимулирующей трудовую деятельность человека, являются производственные отношения. Ставя большие общественные группы людей, классы в определенное отношение к средствам производства, производственные отношения обуславливают тем самым содержание их общественных интересов и потребностей. Они определяют те цели, которые преследуют в производстве целые общественные группы, и вместе с тем специфику их общественных функций, содержание их деятельности.

Через отношения собственности и распределения производственные отношения определяют степень материальной и духовной заинтересованности трудящихся в труде. Тем самым они лежат в основе отношений людей ко всем сторонам процесса труда — и к самому акту труда, и к средствам труда (как к своим или как к чужим), и к продукту труда, и инициативу в труде, и те требования, которые человек предъявляет к себе в процессе труда. Производственные отношения являются материальным стимулом или тормозом духовного развития членов общества, в зависимости от различия их общественного положения. От того, в чьих интересах распределяется общественный продукт, зависит также и то, какая доля этого продукта используется специально в целях духовного просвещения и образования трудящихся членов общества, что в свою очередь сужает или расширяет духовное содержание процесса труда.

Каждый тип производственных отношений обладает своей особой стимулирующей человеческий труд силой.

Любой тип производственных отношений представляет собой целостную систему, каждый элемент которой соответствует экономической природе всей системы и сам выступает в каче-

стве стимула к труду для тех работников, труд которых включен в данную систему экономических отношений.

Главный компонент производственных отношений — отношения собственности — является стимулом к труду уже потому, что в каждом способе производства он по-своему ставит огромные массы людей перед необходимостью трудиться. Отсутствие средств к жизни у пролетария, наличие у капиталиста средств производства, возможность продажи рабочей силы капиталисту для получения элементарных жизненных благ является при капитализме настолько могучим, безотказно действующим материальным стимулом к труду, что, несмотря на классовый антагонизм, угнетение, ограбление и унижение, миллионы людей становятся рабами капитала.

Общественная собственность, превращая всех членов общества в коллективных совладельцев общественных средств производства, обуславливает такую организацию производства, при которой никто не может взвалить на другого свою долю участия в общественно-полезном труде. Труд и при социализме и при коммунизме является необходимостью для каждого. Положение члена коммунистического общества обязывает к труду.

Отношения обмена выступают в качестве материального условия, без которого не может функционировать ни один способ производства, в котором существует общественное разделение труда. Каждому типу производственных отношений соответствует свой особый тип отношений обмена, который сам является фактором, определенным образом стимулирующим труд. В. И. Ленин высказал эту мысль применительно к мелко-товарному крестьянскому хозяйству. Обосновывая необходимость введения НЭПа, он отмечал, что замена продразверстки продналогом и допущение свободы товарооборота стимулирует мелкого земледельца расширять хозяйство, увеличивать засев. «Этот самый оборот — стимул, побудитель, толчок для крестьянина»,⁶ «соответствующий его экономической базе, т. е. мелкому отдельному хозяйству».⁷

Отношения распределения, которые определяют долю классов в получении материальных благ, являются для трудящихся тем конечным результатом, ради которого осуществляется труд. Тем самым эти отношения представляют собой мощный материальный стимул к труду.

Стимулирующая труд функция социалистических отношений распределения и, в частности, главной формы распределительных отношений при социализме — распределения по труду специально подчеркнута и в новой программе КПСС: «... принцип социализма: «От каждого — по способностям, каждому — по

⁶ В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 43, стр. 71.

⁷ В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 43, стр. 63.

труду» ... обеспечивает материальную заинтересованность членов общества в результатах труда, позволяет наилучшим образом сочетать личные и общественные интересы и служит могучим стимулом повышения производительности труда, подъема экономики и благосостояния народа»⁸ (разрядка моя — Т. Р.).

Лишь приближение к высшей фазе коммунизма будет приводить ко все большему уменьшению стимулирующего действия оплаты труда и выдвигению на первый план такого материального фактора, как общественная потребность в труде и новых условиях труда.

Таким образом, материальную сторону стимулов к труду составляют те внешние по отношению к сознанию условия, которые побуждают большие социальные группы людей к труду; среди них важнейшая роль принадлежит производству в целом и в особенности производственным отношениям.

Все остальные общественные отношения, формирующиеся на основе экономических отношений, выступают также в качестве внешних по отношению к сознанию факторов, дополняющих стимулирующее (или убивающее побудительные силы к труду) действие на труд экономических отношений.

Поэтому невозможно согласиться с авторами, которые из понятия стимула к труду исключают всю систему материальных моментов труда. Поэтому же безусловно правильно ставится вопрос А. Г. Здравомысловым и В. А. Ядовым, когда они пишут: «Чтобы вскрыть закономерности превращения труда в первую жизненную потребность, нужно проанализировать всю систему отношений социалистического общества в ее динамике и развитии»⁹.

Однако материальные побудители труда могут проявить свою стимулирующую силу только в результате их осознания самими людьми. Отражаясь в человеческой голове, они служат почвой, фундаментом для формирования идеальных побудительных сил человеческого труда.

Сфера сознательных побуждений к труду — это и есть идеальная сторона стимулов к труду.

Она включает в себя в качестве наиболее существенных своих компонентов: а) познавательный элемент, б) совокупность целевых установок, которым подчинена воля человека в процессе труда, в) эмоциональное отношение к труду.

С. Л. Рубинштейн пишет: «Психические процессы, взятые в их конкретной целостности (а идеальная сторона стимулов к труду относится к сфере человеческой психики — Т. Р.), — это процессы не только познавательные, но и эмоционально-

⁸ Программа КПСС, 1961 г. стр. 15.

⁹ «Вопросы философии», № 8, 1963, стр. 75.

волевые»¹⁰. Это же справедливо отмечал еще в свое время Гегель. Рассматривая в «Философии истории» духовные побудительные силы исторической деятельности людей, он замечает, что в субъективные побуждения человеческой деятельности включен не только рациональный, но и эмоциональный момент.

«В наш предмет входит два момента: во-первых, идея; во-вторых, человеческие страсти; первый момент составляет основу, второй является утком великого ковра развернутой перед нами всемирной истории».¹¹

Формирование сознательных побуждений к деятельности — сложный, многоступенчатый и многогранный, прежде всего познавательный процесс.

Познавательный компонент процесса труда включает в себя: а) Познавательные процессы, связанные с овладением профессией и трудовым мастерством. б) Отражение общественных условий, в которые поставлен труд (от которого зависит отношение к процессу труда в целом. Это осмысление человеком своего места, своих функций в обществе, общественного значения своего труда и труда других). Осознание это совсем не просто и отнюдь не всегда адекватно действительному положению вещей, ибо общественный механизм, в который включен человек в качестве одного из его элементов, имеет очень сложную конструкцию. Поэтому даже при однотипном (в существенном) положении трудящихся в системе общественно-экономических отношений имеет место целая лестница уровней этого отражения.

Приводимые ниже ответы рабочих капиталистических предприятий на вопрос анкеты: «Что Вас больше гнетет, низкая зарплата или зависимость от хозяина?»¹² очень ясно иллюстрируют, сколь велика эта разница.

Один ответ: «Я очень благодарен хозяину за то, что он дает мне мой хлеб, ибо это означает в слове божьем: каждый человек — раб всевышнего, властвующего нами». «Я очень доволен. О детях будет заботиться бог. Если все люди будут так думать, тогда на земле воцарится рай»¹³.

Второй: «Меня очень тяготит то, что я слишком мало зарабатываю, но не хочу быть никаким патриотом».¹⁴

Третий: «Зависимость гнетет больше. Клетка, если она даже позолочена, все-таки остается клеткой. Собака,

¹⁰ С. Л. Рубинштейн, Бытие и сознание, М., 1957, стр. 64.

¹¹ Гегель, Соч., т. VIII, стр. 23.

¹² A. Levenstein, Die Arbeiterfrage. München, 1912. S. 3—4.

¹³ Там же, стр. 137—138.

¹⁴ Там же, стр. 137.

находящаяся на цепи, если она даже получает наилучшую пищу — тем не менее остается собакой. Нелегко оправдать человеческое достоинство, находясь в рабских цепях. Я ненавижу и презираю общество, которое 90% своих членов доводит до деградации». «Лучшее, что я могу предложить своим детям — это воспитать из них несгибаемых борцов за дело рабочего класса».⁵

Перед нами контрастно различные уровни отражения. В первом случае мы перед умиротворенным иллюзорно-религиозным извращением отношений между хозяином и рабочим. Во втором мы также перед блаженным неведением людей относительно своего реального положения, безоговорочным отказом от какой бы то ни было борьбы. В последнем мы имеем дело со сформировавшейся пролетарской психологией, наиболее адекватно отражающей реальное положение вещей.

Разница в представлениях о положении человека в обществе обуславливает и совершенно различный подход к труду. Одни, по их собственным представлениям, трудясь, ублажают бога, другие — чрево, третьи испытывают отвращение к неизбежному для них труду на капиталиста и видят смысл своего существования в борьбе за разрушение унизительных для человеческого достоинства капиталистических условий труда.

С большим различием в уровне отражения мы встречаемся и при социализме. Для того, чтобы борьба за общественный интерес стала действительной потребностью члена социалистического общества, необходимо, чтобы новое соотношение личных интересов с общественными было осознано. А связь между личным и общественным интересом не непосредственна. Она опосредована большим количеством звеньев социалистического общественного механизма. Для ее осознания необходимо понимание механизма действия этой связи. Если этого понимания нет, то в человеке консервируется мелкая, мещанская, индивидуалистическая психология в отношении к труду. Хотя одного понимания для формирования такой потребности еще недостаточно. Система материальных факторов, стимулирующих труд, действует в меру своей силы только в том случае, когда она адекватно осознана.

Другим компонентом сознательных побуждений к труду, как указывалось, является целеполагающая сторона труда. Сюда входит совокупность целевых установок, связанных с последовательностью циклов трудового процесса с самого начала и до его окончания (в материальном производстве до изготовления готового продукта труда).

Однако труд никогда не является для человека трудом для

¹⁵ Там же, стр. 141—142.

труда. Он осуществляется не сам для себя, а для определенных человеческих нужд. Недаром обречение на бессмысленный труд было самой страшной карой, которую сумел придумать Зевс коринфскому царю Сизифу за нанесенное им богам Олимпа оскорбление.

Смысл труда, выполняемого человеком для него самого, — это область мотивации труда. Мотивы — это главные смысловые линии деятельности человека, характеризующие его как личность. «Говоря о личности человека, мы всегда фактически подразумеваем прежде всего ту или иную направленность человека, создаваемую наличием ведущих жизненных мотивов, подчиняющих себе другие мотивы».¹⁶

Мотивы деятельности несут в себе главное содержание сознательного побуждения к труду, представляют собой его ведущую составную часть, по которой мы можем судить о самом сознательном побуждении. За это еще Гегель называл мотив «душой поступка», через которую мы можем заглянуть в сердце человека.¹⁷

Совокупность мотивов, движущих человеком, и главные мотивы его деятельности являются выражением богатства и глубины или бедности и ограниченности потребностей данного человека, а, следовательно, богатства или бедности самой человеческой личности, показателем того, чем люди живы. По ним мы прежде всего судим и о нравственном лице человека. Поэтому прав С. Л. Рубинштейн, когда называет «мотивацию» человеческих поступков «основным ядром человеческой личности».¹⁸

Исторически первыми и даже первичными побудительными мотивами к труду были материальные побудительные мотивы. Труд как целесообразная деятельность человека, направленная на покорение сил природы, возник как средство удовлетворения важнейших жизненных материальных потребностей людей (в пище, питье, одежде, жилище и т. п.), или, как их называют Маркс и Энгельс, «первоначальных» потребностей человека.

Отличительной чертой материальных побудительных мотивов к труду у отдельного человека является то, что его побуждают к труду не интерес к самому процессу труда, к данному роду деятельности, не общественная значимость его труда, а лишь те материальные ценности, которые достанутся ему в результате этого труда. Это труд ради этих ценностей, труд как средство к жизни.

Труд, побуждаемый лишь материальным мотивом, не выступает еще как труд свободный по отношению к миру внутренних стремлений самого человека. Здесь мы не имеем

¹⁶ А. Н. Леонтьев. Проблемы развития психики. М., 1959, стр. 451.

¹⁷ Гегель, Соч., т. VII, стр. 141.

¹⁸ С. Л. Рубинштейн, Бытие и сознание, стр. 312, 264.

еще дела с потребностью в труде, а только с потребностью в потреблении, по отношению к которой труд выступает лишь как средство. Процесс труда носит вынужденный характер, так как он побуждается необходимостью удовлетворить потребности, которые сами по себе имеют мало общего с этим трудом.

Поэтому даже свободный в социальном смысле труд, т. е. труд, свободный от эксплуатации, может быть внутренне несвободным в случае, если необходимость трудиться, чтобы прожить, не совпадает с внутренним стремлением человека, именно к данному роду деятельности.

Материальные побудительные мотивы различаются по своему содержанию в зависимости от различия в положении трудящихся классов и социальных групп в системе экономических отношений. Поэтому у каждого класса имеются свои; характерные только для него материальные побудительные мотивы. Материальными побуждениями может стимулироваться труд как в материальной, так и в духовной сфере.

Иной вид мотивов представляют мотивы, вызванные осознанием общественной значимости данного вида труда (значение его для общества, государства, народа, класса, коллектива, семьи и т. д.). Сюда относятся политические, правовые, нравственные и могут также относиться религиозные мотивы (как извращенное выражение действительных причин, побуждающих к труду). Это область идейных побудительных мотивов, для которой характерно то, что люди действуют во имя своих убеждений. В таком случае смысл, ценность, притягательную силу деятельности для человека представляют те общественные последствия, ради которых эта деятельность осуществляется, несмотря на то, что она может быть связана с большими жизненными лишениями и даже с риском для жизни. Идейные побудительные мотивы любой деятельности могут быть и прогрессивными, и реакционными, в зависимости от того, идеологией какого класса руководствуется человек.

Одним из видов такого рода побудительных мотивов являются мотивы моральные. Содержание моральных побудительных мотивов — это соотношение личных и общественных интересов в представлении человека о смысле его деятельности, которые лежат в основе нравственных понятий, норм и принципов его поведения и которые реализуются им в труде. Следовательно, трудовая деятельность подлежит нравственной оценке постольку, поскольку в нее включен определенный принцип отношения к окружающим. А это отношение присутствует даже тогда, когда оно отрицательное, когда интересы общества в труде субъективно игнорируются (в таком случае человек действует во имя себя, исходя из принципов индивидуалистиче-

ской морали). Развитие общества показывает целый ряд различных исторических форм нравственности, каждой из которых свойственен свой тип соотношения общественного и личного интереса.

Человеком может овладевать увлечение проникновением в тайны природы и общественных явлений (интеллектуальный, познавательный побудительный мотив), увлечение самим процессом творческого созидания нового — новой машины, прибора, изобретения новых приемов труда и т. п. Труд может увлекать потому, что в его процессе раскрываются и формируются задатки человека к художественному творчеству (эстетические побудительные мотивы).

Источником увлекательности труда может быть также достижение человеком власти над тем природным или общественным процессом, который он должен оседлать своим трудом. (Об этом см. в нашей статье, помещенной в настоящем сборнике — Т. Р.)

Когда труд представляет собой акт творчества, акт открытия и созидания нового, когда в труде человек осуществляет свою индивидуальность, раскрывается в нем и для других и сам для себя, в своих человеческих сущностных качествах созидателя предметного мира, властелина природных процессов и утверждает тем самым свое человеческое достоинство, свою личность; тогда деятельность становится неотделимой от него потребностью, без которой нет этого человека. Поэтому примечательно, что натуры творческие никогда не перестают работать до исхода своей жизни.

В потребности в труде выражается мера богатства человеческой личности. «Богатый человек — это... человек, нуждающийся во всей полноте человеческих проявлений жизни, человек, в котором его собственное осуществление выступает как внутренняя необходимость, как *нужда*».¹⁹

Человек не может быть богатым, если у него нет потребности в труде. В таком человеке человеческая сущность утрачивается.

Когда человек трудится из потребности трудиться, его труд выступает как труд свободный, т. к. человек действует здесь соответственно своим склонностям.

Познавательные и эстетические побудительные мотивы к труду, выражающие духовные потребности в труде, также относятся к идейным побудительным мотивам.

Содержание мотивов к труду в своих главных чертах формируется не произвольно. Однотипность побудительных мотивов к труду у множества совершенно не соприкасающихся друг с другом индивидов одного класса, социальной группы является следствием того, что общая почва, на которой они формиру-

---

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 596.

ются (материальная сторона стимулов к труду и прежде всего однотипность общественных отношений, в которые включен их труд) является источником этого сходства. Повторяемость здесь совсем не случайна. (Хотя, безусловно, особые условия формирования каждого работника и его индивидуальность не могут не накладывать своего отпечатка на мотивацию труда. Разница в содержании мотивов может быть также обусловлена различием в уровне отражения условий труда.)

Сознательные побуждения к труду включают в себя, кроме познавательного момента и целеполагающей стороны, также эмоциональное отношение человека к своему труду. Это эмоциональное отношение к собственной деятельности может приобретать самые различные оттенки и формы выражения.

Эмоциональное отношение входит важной составной частью в стимулы трудовой деятельности, т. к. определенная гамма эмоций как аккомпанемент сопровождает всякий мотив деятельности и способна повышать или понижать жизненную энергию, увеличивать или уменьшать индивидуальную дееспособность отдельных лиц.

Труд принудительный, подневольный, воспринимаемый как проклятие может вызывать отвращение, переживаться как страдание, как мучение. Он может сопровождаться совершенно безразличным отношением к выполняемым действиям. Труд же может быть источником радости и высшего наслаждения. В трудовом энтузиазме, например, мы имеем дело определенно с состоянием эмоциональной захваченности, вдохновенности, с состоянием подъема творческих сил человека в процессе труда.

Когда мы говорим о том, что при коммунизме труд станет для всех источником наслаждения, то имеем в виду именно эмоциональную сторону отношения к труду в новом обществе — коммунистическое общество несет с собой массовое изменение не только интеллектуального, но и эмоционального отношения к труду.

Чем большую значимость для человека имеет потребность, лежащая в основе его деятельности, тем более сильные и устойчивые эмоции она порождает.

Высшим проявлением эмоционального отношения к труду является состояние творческого вдохновения, которое возникает тогда, когда потребность, являющаяся источником деятельности, выливается в страсть. «Ничто великое в мире не совершалось без страсти»,²⁰ замечает Гегель.

Эмоциональное отношение к труду имеет свои законы. Знание этих законов необходимо для квалифицированного руководства большими человеческими коллективами и для эффективного решения современных производственных задач.

---

²⁰ Гегель, Соч., т. VIII, стр. 23.

Этим и объясняется столь серьезная постановка вопроса нашими научными учреждениями (Академией наук СССР в октябре 1962 г.) о необходимости энергично двинуть вперед исследования в области социальной психологии. «...Наука социальной психологии нужна сейчас уже непосредственно хозяйственному руководителю; он уже не может квалифицированно решать крупные вопросы производства, не опираясь на специальные знания в области психологии труда в широком смысле, в том числе и на знание закономерностей воздействия коллектива на трудовую энергию, трудовую добросовестность, трудовую инициативу каждого рабочего и колхозника»,²¹ — совершенно справедливо отмечает Б. Поршнев.

Идеальные побудительные силы человеческого труда, сформировавшись, могут выступать в качестве относительно самостоятельных (по отношению к своей материальной основе) духовных, идейных стимулов трудовой деятельности человека:

Таковы, на наш взгляд, в самом общем виде важнейшие аспекты стимулов к труду. Разграничение и изучение их взаимодействия является задачей, разрешение которой необходимо для того, чтобы процесс массового становления личностей коммунистического склада стал в еще большей мере процессом управляемым.

«Именно потому, что нам нужна наука о коммунизме и воспитании человека коммунизма, мы должны со всей точностью знать траекторию многоступенчатой ракеты, выводящей человека на орбиту коммунизма».²²

Поступила в редакцию 15 июля 1964.

---

²¹ Б. Поршнев, *Общественная психология и формирование нового человека*, «Коммунист», № 8, 1963, стр. 99.

²² Там же, стр. 102.

КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К ТРУДУ КАК ПРАВСТВЕННОЕ ОТНОШЕНИЕ

Т. Рейнвальд

Коммунистическая формация по мере своего созревания несет с собой массовое формирование высших моральных стимулов к труду, заключенных в коммунистическом отношении к труду.

При анализе коммунистического отношения к труду принято подчеркивать, что это, прежде всего, труд-потребность здорового организма, труд-наслаждение, труд-привычка. И это, действительно, важнейшие стороны коммунистического отношения к труду. Однако потребность в труде не является исключительным достоянием человека со сформированным коммунистическим отношением к труду.

Нельзя же всерьез считать, что, скажем, у средневекового ремесленника-умельца, который видит смысл своего существования в том, чтобы без остатка отдаваться своему ремесленному искусству¹, уже сформировалось коммунистическое отношение к труду.

Общеизвестно, что потребность в труде была присуща многим представителям как сферы духовного труда (уже древние мыслители-философы находили высшее наслаждение в умственном труде, в познании мира)², так и сферы материального производства и в досоциалистических формациях.

¹ Флорентийский золотых дел мастер Бенvenuto Челлини оставил рассказ о своей жизни, который был оценен Гете как непревзойденный памятник мемуаристики эпохи Возрождения. Челлини рассказывает, что он не в силах побороть того, к чему его склонила природа, которая сделала его «приверженным к изобразительному искусству», говорит о «превеликом духе», который придавала ему его любовь к делу и успехи. Когда он занимался любимым делом, то чувствовал себя как в раю. Когда король предложил ему поручить свою работу другим мастерам, чтобы сохранить силы, он «ответил его величеству, что сразу же заболел бы, если не стал работать».

См.: Жизнь Бенvenuto сына маэстро Джованни Челлини, флорентинца, написанная им самим во Флоренции, Гослитиздат. М., 1958, стр. 46, 48, 325.

² См. Аристотель, Этика, гл. 1, § 3, Эпикур, Эпикур приветствует Менекея, Главные мысли, Сб. Материалисты древней Греции. М., 1955, стр. 208, 211, 215.

Отмечая это в подготовительных работах к «Капиталу» (тетрадь VII), Маркс критиковал Адама Смита за то, что он рассматривал труд как вечное проклятие, ниспосланное Иеговой роду Адама, и считал лишь «покой», свободу от труда тождеством «свободы и счастья».

По Марксу, потребность в труде — общечеловеческая потребность, которую, однако, способно убивать у миллионов тружеников на протяжении всей истории эксплуататорского общества отсутствие «условий субъективных и объективных, для того, чтобы он был привлекательным трудом».³

«Индивид в нормальном состоянии своего здоровья, силы, деятельности, ловкости и умелости имеет также потребность в нормальной порции труда и прекращении покоя»⁴.

История человечества, история науки и искусства запечатлела множество имен людей — творцов, для которых их научная или художественная деятельность была высшим призванием, была главным содержанием их жизни, была для них высшей ценностью. И нет сомнения в том, что неисчислимо большее число имен представителей сферы материального производства, тончайших, искуснейших мастеров своего дела, которое было для них не только средством существования, но и их призванием, потребностью, осталось неизвестным.

Поэтому нельзя согласиться с автором книги «О превращении труда в первую жизненную потребность» Н. С. Новоселовым, утверждающим, что «на протяжении всей человеческой истории, предшествующей коммунизму, труд выступал лишь как средство удовлетворения физических и духовных потребностей человека, но сам никогда не был жизненной потребностью».⁵

Здесь, естественно, возникает вопрос: тождественна ли потребность в труде в разные эпохи или нет? Если же нет, то чем отличается потребность в труде у человека коммунистического склада от потребности в труде, наблюдавшейся и раньше?

Труд — сложное общественное явление, и субъективная сторона его также чрезвычайно многогранна. Он имеет определенное интеллектуальное содержание, эстетическую, физическую стороны, определенный нравственный смысл, а также во всяком классовом обществе определенный политический и даже юридический аспект. И в каждой из этих сторон процесса труда человек может испытывать потребность. Эта потребность возникает либо вследствие интереса, который вызывает в человеке

³ Цит. по книге: Л. А. Леонтьев, О предварительном варианте «Капитала» Маркса, М., изд. АН СССР, 1946, стр. 109.

⁴ Там же, стр. 108—109.

⁵ Н. С. Новоселов, О превращении труда в первую жизненную потребность, Изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, М., 1961, стр. 11 (разрядка моя — Т. Р.).

сам акт труда, процесс труда, либо потому, что этот труд интеллектуально увлекателен. Человек привыкает работать умственно и, лишившись на время своего труда, ощущает в нем потребность, как выражался Гегель, «вожделение разума».

Потребность в труде рождается также вследствие того, что в труде реализуются задатки данного человека к художественному творчеству, в процессе которого он испытывает наслаждение от подъема своих творческих сил. Труд может выступать как потребность и потому, что физическая сторона процесса труда доставляет удовольствие. И наконец, потому, что источником наслаждения может быть достижение человеком власти над каким-либо природным или общественным процессом, которой он добивается благодаря высокой степени мастерства, искусства в овладении сложной профессией (к какому бы роду труда она ни относилась).

Каждая профессия имеет свою «предметную область», свой процесс, который человек должен подчинить своей воле, овладеть им, чтобы добиться реализации цели труда.

Акт покорения объекта труда имеет две стороны:

1) Осуществление контроля над объектом труда.

В материальном производстве объект — это «вещество природы», это регулирование обмена веществ между человеком и природой. Вне материального производства — это, как правило, процессы общественные.

Для администратора — это человеческий коллектив, искусством управления которым он должен обладать.

Для оратора, актера, музыканта-исполнителя — это аудитория, которой он должен владеть.

Для писателя — это умонастроение людей, над которыми он должен властвовать, если он подлинный художник, и т. п.

2) Для того, чтобы контроль над объектом труда стал возможен, необходимо подчинение человеком своих собственных естественных сил, своей собственной природы, приведение в действие дремлющих в ней способностей.

Достижение власти человека над той сферой явлений, которую он должен подчинить своим трудом, видимо, уже само по себе способно вызывать состояние высочайшего эмоционального подъема и является источником устойчивой потребности в труде.

Известный советский авиаконструктор А. С. Яковлев очень удачно схватывает суть такого состояния, когда он пишет:

«Я часто останавливаюсь в цехе нашего завода и наблюдаю за работой мастера дюральщика Анатолия Кирилина. В его руках дюралевый лист приобретает эластичность резины, лист течет, он дышит, он делается живым. . . Из плоского ровного листа рождаются детали самой сложной конфигурации. Уму не постижимо, как чувствует материал этот человек! Я уверен, что в тот момент, когда руки Кирилина превращают металлический лист

в сложную пространственную трехмерную деталь, мастер не думает о припусках, о технологии материала, о его физических свойствах — он их чувствует.

А может ли быть большее счастье в труде, чем полное, безграничное подчинение материала своей воле.

Была бы моя воля, я бы такому мастеру, не задумываясь, звание профессора дюралевых дел присвоил».⁶

Совершенно ясно, что здесь мы имеем дело с человеком, познавшим романтику ощущения власти над той сферой природы, ради покорения которой он овладевал своей профессией, которая не может не быть одновременно и результатом, и причиной высокоразвитой потребности в труде.

Однако один только факт наличия потребности в труде, как в «игре интеллектуальных и физических сил», потребности человека в процессе творчества не свидетельствует еще сам по себе о том, что мы имеем дело с коммунистическим отношением к труду (становящимся или ставшим).

Нельзя зачислять в коммунисты, скажем, Ф. Тейлора, одного из авторов американской системы выжимания пота, на том только основании, что рационализация организации труда, которой он занимался, представляла собой вне сомнения труд творческий и, по собственному признанию Ф. Тейлора, доставляла ему большое удовольствие.

«Вы не будете удивлены, — пишет он, — узнав, что к работе исследователя, я сказал бы, изобретателя, я отношусь как к... духовному развлечению... и если бы я следовал своим личным склонностям, то посвятил бы большую часть времени этому освежающему отдыху».⁷

Этот человек откровенно подчинял свою изобретательскую деятельность принципу: «Никто не должен забывать, что каждый завод существует, в конце концов и прежде всего, в целях извлечения прибыли для его владельцев».⁸ Нет сомнения в том, что и труд ученых-физиков, создающих ядерное оружие для империалистических держав, — труд, чрезвычайно высоко стоящий в интеллектуальном и творческом⁹ отношении. И этот труд может являться предметом увлечения для людей, его осуществляющих, но, тем не менее, скорее может быть назван трудом антикоммунистическим, чем коммунистическим.

⁶ А. С. Яковлев, Труд и радость творчества, Сб. «Трудом велик человек», М., 1960, стр. 46.

⁷ Тейлор о тейлоризме, Л., 1931, стр. 10.

⁸ Ф. Тейлор, Административно-техническая организация промышленных предприятий, 1919, стр. 117.

⁹ Немецкий философ Г. Клаус так определяет творческий труд: «Если какая-либо проблема впервые ставится и разрешается, в таком случае ее разрешение является творческим». «Deutsche Zeitschrift für Philosophie», Nr. 2, 3, 1961, S. 169.

Это означает, что ни привлекательность процесса труда, ни его высочайшее интеллектуальное содержание, ни его творческий характер сами по себе еще не означают, что это уже труд коммунистический. Труд может быть и творческим и доставлять человеку, его осуществляющему, удовольствие и быть его потребностью, но не содержать в себе ничего коммунистического.

О коммунистическом отношении к труду (соответственно значению самого понятия «коммунистическое») может идти речь только тогда, когда оно, это отношение, подчинено коммунистическим убеждениям, вытекает из них. Но поскольку конечной, итоговой целью, ради которой создается коммунизм, к которой сводится весь смысл коммунистических убеждений и коммунистической деятельности, является осуществлением принципа «все во имя человека, все для блага человека», постольку о коммунистическом отношении к труду может идти речь только тогда, когда труд выступает для человека как потребность нравственная, как средство служения людям.

Эту особенность коммунистического человека увидел уже молодой Маркс. В «Философско-экономических рукописях» он отмечает, что при коммунизме, когда упраздняется частная собственность, труд людей, его результаты, предметы, ими произведенные, и вообще их бытие становится бытием людей друг для друга: «... предмет, являющийся непосредственным продуктом деятельности его (человека коммунистического общества — Т. Р.) индивидуальности, вместе с тем оказывается его собственным бытием для другого человека, бытием этого другого человека и бытием последнего для первого».¹⁰

Эту особенность потребности в труде у коммунистического человека отмечают чешские авторы Фр. Велек и П. Махонин: «Когда мы говорим о коммунистическом труде как первой потребности человека, то имеем в виду не только творческий характер этого труда, но также и то, что... труд является одновременно и общественно-моральной потребностью человека в труде».¹¹ По сути дела ту же мысль высказывает В. П. Тугаринов.¹²

Однако труд может выступать как нравственная потребность не только у коммуниста, как и не всякий труд ради другого человека есть труд коммунистический.

Многие авторы почему-то полагают, что моральные стимулы к труду — это новые для истории общества стимулы, которые возникают только при социализме. Такая мысль высказывается,

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 589.

¹¹ Фр. Велек, П. Махонин, Некоторые вопросы диалектики развития социалистического общества в Чехословакии, «Философские науки», № 5, 1962, стр. 14.

¹² См. В. П. Тугаринов, О ценностях жизни и культуры, изд-во ЛГУ, 1960, стр. 33—34.

например, в книге «Коммунизм и личность»: «Наряду с общественной материальной заинтересованностью в труде (при социализме — Т. Р.) растут и невозможные в прошлом моральные стимулы».¹³

Ход рассуждения при этом примерно таков: понятие «моральные стимулы к труду» отождествляется с «коммунистическими моральными стимулами», т. е. с одной исторической формой моральных стимулов, и на этом основании отрицается наличие моральных стимулов к труду, морального компонента трудовой деятельности у всех предшествовавших поколений вплоть до появления коммунистического отношения к труду. Вот некоторые из этих определений: «Моральные стимулы к труду есть не что иное, как понимание общественной роли своего труда, осознание цели труда, — дать как можно больше продукции для укрепления могущества нашей Родины, для приближения победы коммунизма».¹⁴

Такое отождествление моральных стимулов вообще с коммунистическими моральными стимулами по сути дела, вольно или невольно, вычеркивает из истории общества все формы нравственности, двигавшие трудовой деятельностью людей, исключая коммунистическую.

Нравственный компонент, определенную нравственную мотивацию содержит всякий труд, поскольку всякий труд есть труд общественный и поэтому всегда включает в себя определенное отношение человека к другим людям и к самому себе, известное соотношение личного и общественного в побудительных мотивах его трудовой деятельности. Это и есть нравственное отношение. Вопрос только в том, каково это отношение. Различные типы этого отношения дают различные формы нравственности.

Даже когда труд движим исключительно стремлением извлечения личной пользы, когда все люди, с которыми данный человек вступает в деловой контакт, являются для него лишь средством удовлетворения его эгоизма, т. е. когда труд лишен каких бы то ни было гуманных побуждений, — даже тогда нет оснований делать заключение, что труд лишен нравственного содержания и не подлежит нравственной оценке. В таком случае труд движим индивидуалистическими соображениями, а индивидуализм — это одна из форм нравственности. Таков нравственный компонент деятельности капиталиста, занятого организацией и совершенствованием производства.

Условия, в которые поставлен труд рабочего при капитализме, лишают и его труд гуманного общественного смысла, остав-

¹³ Коммунизм и личность, изд-во полит. литературы, М., 1964, стр. 59.

¹⁴ Л. Н. Коган, От социалистического к коммунистическому труду, «Вопросы философии», № 2, 1960, стр. 21. См. также: А. Юйрыш, Труд и коммунизм, изд-во соц.-эк. лит-ры, М., 1961, стр. 137; М. Н. Лаптин, В. И. Ленин о материальных и моральных стимулах к труду, М., 1962, стр. 190.

ляют лишь голый эгоистический интерес. «Сфера обращения, или обмен товаров, в рамках которой осуществляются купля и продажа рабочей силы, есть настоящий эдем прирожденных прав человека. Здесь господствуют только свобода, равенство, собственность и Бентам. Свобода! Ибо покупатель и продавец товара, например рабочей силы, подчиняются лишь велениям своей свободной воли... Бентам! Ибо каждый заботится лишь о себе самом. Единственная сила, связывающая их вместе, это — стремление каждого к своей собственной выгоде, своекорыстие, личный интерес... каждый заботится только о себе и никто не заботится о другом...»¹⁵

К индивидуалистическим побуждениям сводится и нравственный смысл труда крестьянина до тех пор, пока он является мелким товарным производителем. «Раз крестьянин становится товарным производителем (а таковыми стали уже все крестьяне), — то «нравственность» его неизбежно уже будет «основана на рубле» и винить его за это не приходится, так как самые условия жизни заставляют ловить этот рубль всяческими торговыми ухищрениями».¹⁶ Для того, чтобы его нравственный подход к труду изменился, необходим разрыв с проклятым прошлым, приучившим смотреть на добычу хлеба и одежды, как на «частное» дело, на куплю-продажу, как на сделку, которая «только меня касается».¹⁷

Сила воздействия индивидуалистических стимулов на деятельность человека, на его энергию в труде очень велика. Достаточно указания на факт, что вся буржуазная цивилизация возникла как результат осуществления людьми главным образом индивидуалистических целей.

Но индивидуалистическая нравственность не единственная форма нравственности, которая была включена как компонент в мотивацию трудовой деятельности людей до возникновения нравственности коммунистической. Принципы гуманизма, работа во имя нужд человека являлись часто побудительной силой деятельности представителей духовного труда.

Гуманные побудительные мотивы деятельности сохраняются у значительной части демократической интеллигенции даже при капитализме, если духовный мир человека не поддавался разлагающему влиянию власти чистогана.

Констатация факта наличия и до социализма различных форм трудовой морали ставит задачу исследования существовавших форм нравственности, включенных в прошлом в трудовую деятельность людей. Утверждение, что моральные стимулы возникают в социалистическом обществе, снимает эту задачу.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 187.

¹⁶ В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 1, стр. 393.

¹⁷ И. В. Ленин, Полное собр. соч., т. 38, стр. 184—185 (разрядка моя — Т. Р.).

Выяснение того обстоятельства, что коммунистические моральные стимулы являются не единственными возможными моральными стимулами, постановка вопроса о необходимости различать виды моральных стимулов к труду отнюдь не принижает особого значения коммунистических моральных стимулов к труду. Наоборот, это позволяет выяснить их специфику, а, следовательно, — глубже понять их сущность и роль.

В коммунистическом отношении к труду, в противоположность индивидуалистической трудовой морали, заключена нравственность коллективистская.

Суть коллективизма в том, что интересы членов определенного общественного объединения людей в существенных моментах объективно совпадают и поэтому для обеспечения важнейших интересов индивидов, в него входящих, необходима взаимная поддержка членами коллектива друг друга, необходимо подчинение деятельности его членов интересам данного общественного целого.

Другая сторона коллективизма заключена в том, как реализуются в коллективе интересы личности, в него входящей, и как социальная общность, в которую входит индивид, влияет на его формирование, какова мера раскрытия человеческих потенций, заложенных в каждом человеке, обеспечиваемая этой общностью, какие реальные гарантии она представляет отдельной человеческой личности.

Подчинение деятельности человека интересам определенно-го общественного целого (общественной группы, класса, сословия) также не является исключительным достоянием нравственности коммунистической.

Различные социальные общности, классы, сословия, группы и группировки были связаны (на разные отрезки времени и с разной степенью глубины и прочности) общими интересами. Поэтому существовала почва для их объединения, а вместе с тем и для служения общим интересам. История общества знает множество форм подчинения индивидуальной деятельности коллективному интересу.

Каковы же отличия коммунистического коллективизма от всех предшествовавших ему форм подчинения деятельности человека интересам определенной общности?

Все без исключения формы человеческого единства, предшествовавшие пролетарскому коллективизму, были ограниченными, узкими. Ограниченность их заключалась прежде всего в том, что были узки уже рамки этого единства. Отношения взаимной поддержки распространялись в лучшем случае только на членов той социальной группировки, в которую входил человек (поскольку интересы ее членов совпадали). В отношении же к другим социальным группировкам господствовали самые дикие законы.

Даже в условиях первобытного общества, которое породило первую форму коммунистического сознания и первобытный коммунистический коллективизм, наблюдались такие отношения. Здесь рамки коллективистских отношений ограничивались родом, племенем или в лучшем случае союзом племен.

То, что считалось недозванным в отношении к сородичам, было вполне допустимо по отношению к чужаку. Захваченных в плен врагов убивали и даже поедали. Допускался и грабеж, и изгнание с территорий, и физическое истребление побежденных племен.

Таким образом уважение человека в своем одноплеменнике имело чаще всего обратной стороной игнорирование человеческого достоинства в «чужаках», в иноплеменниках.

Если узок и ограничен коллективизм первобытного общества, то тем более узкими оказались все формы единства, существовавшие в эксплуататорском обществе.

Все эксплуататорские классы, объединенные общими интересами, оказывали поддержку друг другу (внутри класса) и другим классам в меру общности интересов. В отношении же к классам трудящихся и эксплуатируемых (т. е. к основной массе народа) принципы взаимопомощи и человечности сами по себе их позиций никогда не определяли. Миллионы людей воспринимались лишь как объект ограбления.

Поэтому все имевшие место формы сотрудничества людей во имя общих интересов были ограничены, неполны и никогда не охватывали всех членов общества. А деятельность во имя общих интересов выступала практически как деятельность во имя определенной социальной группировки, класса.

Поэтому кантовский принцип «человек — цель, а не средство», «человек существует как цель сама по себе, а не только как средство для любого употребления со стороны той или другой воли»,¹⁸ провозглашенный им в 18 веке, абстрактен и не реализуем в условиях любой досоциалистической формации, ибо сами экономические отношения во всех досоциалистических формациях ставят огромные массы эксплуатируемых людей отнюдь не в положение цели, а только средства, «материала для удобрения», «объекта политики».

Поэтому идея установления «человеческих отношений» при сохранении капитализма может нести с собой только фальшь и обман, как и любая проповедь установления классового мира и гармонии между классами-антагонистами при сохранении частной собственности.

К тому же все формы сотрудничества, существовавшие между представителями эксплуататорских классов или между их группировками, были непрочны и недолговечны, т. к. постоянно разрушались изнутри вечным антагонизмом, который порождает

¹⁸ Кант Э., Основоположение к метафизике нравов, М., 1912, стр. 54.

ла частная собственность между ее владельцами. Объединение имело место только для борьбы против общего врага.

Что представляет собой такого рода единство эксплуататоров-капиталистов, очень хорошо показывает В. И. Ленин:

«... все наши враги, формально связанные какими угодно связями с сильнейшими в мире правительствами и представителями капитала, — как бы они ни были объединены формально, — оказались разъединенными, их внутренняя связь по сути дела их же разъединяла, бросала их друг против друга, и капиталистическая собственность разлагала их, превращала из союзников в диких зверей...»¹⁹

Представители же угнетенных классов до появления пролетариата и формирования его в класс были разъединены условиями мелкого производства, темны и забиты настолько, что объединение их сил ради общих интересов бывало лишь эпизодическим и непродолжительным.

Поэтому все, предшествовавшее появлению зрелого пролетариата, формы человеческого единства представляли собой, как выражаются Маркс и Энгельс, лишь «суррогаты коллективности», лишь «мнимую коллективность».²⁰

Тем самым принадлежность к любому эксплуататорскому классу калечит человека нравственно, рождает духовное уродство. Личность собственника, включенная в клубок социальных антагонизмов, оказывается внутренне разорванной. Экономический антагонизм отражается в сфере морали в виде нравственной неполноценности личности эксплуататора.

Внутренняя несогласованность в нравственном мире человека в таких условиях заключается не только в том, что в отношении конфликта друг к другу оказываются поставленными принципы человечности по отношению к другим членам даже своего класса и личный интерес, но и в том, что антагонизм эксплуататоров и эксплуатируемых порождает в личности эксплуататора полное безразличие к судьбам колоссальных масс людей, культивирует в нем звериные черты и имеет своим результатом исчезновение последних черт человеческого облика.

Обратной стороной такой вражды всех против всех оказывается ощущение одиночества, столь типичное для людей, живущих в современном буржуазном мире. В человеческом обществе среди множества людей человек одинок и покинут. Он среди волков. «Человек покинут, беспомощен, потому что ни в себе, ни вовне ему не на что опереться». «Мы одиноки».²¹

Нравственная искаленность личности эксплуататора-собственника — не индивидуальное качество отдельного человека,

¹⁹ В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 40, стр. 242.

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 75.

²¹ Жан-Поль Сартр, Экзистенциализм — это гуманизм. ИЛ., 1953, стр. 13—14.

а социальное качество, формирующееся на основе частнособственнических отношений у массы людей, находящихся в однотипных условиях.

Вот это-то уродство и является, как правило, нравственным компонентом деятельности капиталиста.

В промышленнике, производящем оборудование для газовых камер лагерей смерти,²² в деятеле буржуазного государства, дающем санкцию на применение атомной бомбы против мирного населения (летом 1945 года в Японии),²³ в капиталисте, пускающем ради прибыли в продажу продукты питания, содержащие болезнетворные вещества, уже после того, как они вызвали массовую эпидемию,²⁴ в предпринимателе, производящем и спекулирующем наркотиками, вкладывающем свои капиталы в публичные дома, это разрушение личности достигает своего завершения.

Коллективизм подлинный, полнокровный, последовательный может быть осуществлен только на основе общественной собственности на средства производства, хотя материальные условия для его формирования подготовляются уже интернациональным объединением промышленного пролетариата, осуществляемым развитием капиталистического производства.

Общественная собственность, ставя всех членов общества в положение коллективных собственников всего общественного достояния, создает тем самым экономический фундамент для осуществления полного социального, национального, расового равенства и для свободного (в меру материальных и духовных возможностей общества и в меру способностей самого индивида) развития каждого члена общества.

Каждый член общества тем самым оказывается поставленным самим обществом в такое положение, что он уполномочен совместно с другими решать вопросы за все общество в целом. Вопрос только в том, насколько совершенен и зрел новый общественный механизм вовлечения людей в дело управления обществом, и в том, насколько человек сам интеллектуально, морально и политически готов к этому. Появляется возможность того, чтобы каждый мог наложить на общество печать своей индивидуальности, в полную меру своих способностей и талантов.

Впервые появляются объективные условия для осуществле-

---

²² Немецкие фирмы «Сименс-Гальске», «И. Г. Фарбениндустри» не только вложили сотни миллионов марок в оснащение фашистских лагерей смерти, но и имели собственные лагеря.

²³ Президент США Гарри С. Трумэн в своих мемуарах пишет, что его «да» решило спор о сбрасывании бомбы.

²⁴ В августе 1960 г. 100 000 человек в Голландии заболели от употребления в пищу маргарина «Планта» (концерн Юнилевер), нереализованные запасы которого были переработаны и снова пущены в продажу, вызвав новую вспышку эпидемии.

ния принципа «человек — цель, а не средство», «все во имя человека, все для блага человека».

Поэтому уже борьба за установление общественной собственности, участие в революционной борьбе за социалистическое преобразование общества и тем более деятельность людей в обществе, основанном на общественной собственности, деятельность по созиданию новых общественных отношений выступают объективно как деятельность во имя интересов общества в целом, за переделку всего мира и, следовательно, во имя каждого из людей.

Коммунизм тем самым ликвидирует социальные условия, формировавшие нравственное уродство, культивировавшие зоологические черты в отношениях между людьми.

Он создает условия для массового формирования личностей, нравственно полноценных. Человек оказывается включенным в такой тип отношений между людьми, когда он в своих поступках вынужден считаться с интересами общества в целом и с достоинством каждой человеческой личности.

Именно считаясь с обществом в целом и с каждой человеческой личностью, человек утверждает себя как личность, нравственно полноценную.

Это значит, что коммунистическая формация несет с собой наивысший из возможных типов человеческих взаимоотношений тем, что создает материальные условия для возникновения подлинного, последовательного, цельного (охватывающего всех членов общества) гуманизма и коллективизма и вместе с тем высшей формы подчинения личного общественному.

Вот эта-то высшая форма подчинения личного общественному, как неоднократно подчеркивал В. И. Ленин, и составляет нравственное содержание коммунистического отношения к труду.

Коммунистический труд выступает не как деятельность просто во имя «ближнего», не как деятельность на благо какой-то узкой социальной группировки, утверждение интересов которой противопоставляет ее интересам других социальных групп, приводит к их ущемлению (раньше было так независимо от наличия желания действовать на общую пользу), а как деятельность на всеобщую пользу, т. е. в результате создается общество, в котором «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех».²⁵

Подчинение деятельности человека общественным интересам в условиях общества, основанного на общественной собственности, имеет свою объективную и субъективную стороны. Объективную, поскольку труд его включен в систему общественно-экономических отношений нового типа и независимо от намерений плоды его деятельности поступают в распоряжение все-

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 447.

го общества. И субъективную, если он делает это не по внешнему принуждению, а осознанно, добровольно, поскольку это включено в мотивацию его трудовой деятельности, поскольку деятельность во имя общественных нужд выступает как нравственная потребность.

Поэтому о наличии коммунистического отношения к труду может свидетельствовать не само по себе интеллектуальное развитие, не квалификация, не виртуозность овладевшего секретами мастерства знатока своего дела, не наличие творческой натуры, не реализация задатков к эстетическому творчеству, не потребность в труде как в игре физических и интеллектуальных сил самих по себе. Хотя, без сомнения, в коммунистический труд все эти качества входят как необходимые компоненты в наиболее развитом виде, ибо коммунистическое общество создает для этого все необходимые предпосылки.

Коммунистическое отношение к труду — это, прежде всего, нравственный аспект отношения к труду — нравственная потребность в труде, притом в наивысшем из возможных ее проявлений.²⁶

Она — эта потребность — выступает как цементирующая духовная основа сознания личности коммунистического человека, определяющая направление и меру сознательного использования всех его духовных задатков и физических сил, определяющая отношение его ко всем сторонам процесса труда, к какой бы отрасли человеческой деятельности этот труд ни относился.

В настоящее время вопрос о том, в чем проявляется коммунистическое отношение к труду, каковы критерии его наличия у человека, у коллектива, очень важен. Процесс массового формирования коммунистического отношения к труду — это процесс исторически молодой, предыдущим стадиям общественного развития неизвестный. Этот процесс должен стать в значительно большей мере, чем сейчас, процессом управляемым. А это выдвигает необходимость его всестороннего изучения.

Ясность в этом вопросе особенно необходима в связи с широким размахом движения за коммунистический труд. Участники этого движения (а количество их к середине 1964 г. составляло уже 30 млн. чел.) нуждаются в совершенно четких критериях, на основании которых можно решать вопрос о том, заслужил ли определенный коллектив или отдельный труженик звание ударника коммунистического труда.

Этот вопрос ставится и в печати, и на теоретических кон-

---

²⁶ Здесь, видимо, есть необходимость в различении двух понятий: «коммунистический труд» и «коммунистическое отношение к труду». «Коммунистический труд» — понятие более широкое, включающее в себя компоненты процесса труда при коммунизме (и материальную и духовную его стороны). «Коммунистическое отношение к труду» — это намного более узкое понятие, включающее в себя прежде всего нравственный аспект отношения к труду человека коммунистического склада.

ференциях многими участниками движения. Он поставлен и теоретическим органом нашей партии журналом «Коммунист», в частности, в редакционной статье, посвященной проблемам коммунистического труда в Краснодарском крае.

«Как в крае присваивают звание ударника и коллектива коммунистического труда? Этот вопрос имеет общее значение. Не секрет, что кое-где у нас снижают требовательность и иногда высокое звание присваивается поспешно, необоснованно».²⁷

Критерии эти достаточно всеобщи, чтобы они могли быть применены при решении этого вопроса к труду в любой отрасли производства, ибо сущность коммунистического отношения к труду, к какой бы отрасли труда он ни относился, одна и та же.

О том, что представляет собой нравственное содержание стимулов к труду у конкретного человека, мы судим прежде всего не по заявлениям, не по ответам на анкету соответствующего содержания и не по иным формальным признакам. «... По каким признакам судить нам о *реальных* «помыслах и чувствах» *реальных* личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один: *действия* этих личностей...»²⁸

Труд — целостный процесс. И поэтому определенное отношение человека к труду связывает его подход ко всем сторонам процесса труда в единую линию поведения. Это отношение проявляется уже в подходе человека к выбору сферы применения своих сил, к выбору деятельности.

Н. С. Новоселов считает, что для того, «чтобы труд превратился в первую жизненную потребность человека, он должен быть не только умеренным в смысле физической нагрузки на организм и продолжительности во времени, но также и безопасным для жизни и здоровья работника».²⁹ Аналогичную точку зрения высказывает Д. Кайдалов.³⁰

Следовательно, для того, чтобы труд смог стать источником потребности и наслаждения, выбор его должен осуществляться по принципу поиска наиболее благоприятных условий труда. Думается, что эта точка зрения несправедлива применительно к формированию нравственной потребности в труде (да и не только нравственной).

Сама история коммунистического труда возражает против нее.

Если бы только труд, поставленный в благоприятные условия, мог вызывать порождение нравственной потребности в тру-

²⁷ «Коммунист», № 1, 1964, стр. 78.

²⁸ В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 1, стр. 423—424.

²⁹ Н. С. Новоселов, О превращении труда в первую жизненную потребность, стр. 64.

³⁰ См. Д. Кайдалов, Коммунизм, труд и человек. Госполитиздат, 1960, стр. 107.

де, тогда коммунистическое отношение к труду не могло бы возникнуть там, где таких условий не было.

Однако историческим фактом является то, что у людей, которые первыми принесли с собою в мир коммунистическое отношение к делу своей жизни — у профессиональных революционеров труд был нечеловечески тяжел, требовал колоссального напряжения всех сил, был связан с отказом от всех жизненных удобств.

Если согласиться с авторами этой точки зрения, тогда на начальных ступенях социализма у людей, работающих на тяжелой физической работе, коммунистическое отношение к труду тоже не могло бы возникнуть.

Однако историческим фактом является и то, что пионерами коммунистического отношения к труду после победы социалистической революции в нашей стране выступили не работники профессий, поставленных в наиболее благоприятные условия, а именно рабочие — участники первых коммунистических субботников, люди тяжелейшего физического труда, люди голодные, истощенные, жившие в самых трудных жизненных условиях, и все те, кто в суровые годы гражданской войны оказались способными работать по-революционному.

Это значит, что коммунистическое в отношении к труду возникает значительно раньше, чем новое общество оказывается в состоянии обеспечить всех работников оптимальными условиями труда. Предпосылки для формирования коммунистического отношения к труду возникают не с появлением благоприятных условий труда, а с возникновением общественной собственности на средства производства. Именно она, эта собственность, придает любому общественно-необходимому труду совершенно новое общественное значение и смысл, которого нет и не может быть у аналогичных видов труда в обществе, где общественной собственности нет.

Поэтому объектом коммунистического отношения может быть в социалистическом обществе любой труд.

Следовательно, показателем того, что у человека нравственная потребность в труде уже сформировалась, может быть только поиск им применения своих сил на таком участке труда, где решаются наиболее значимые для общества проблемы, и вместе с тем там, где по характеру своих склонностей и знаний он может быть наиболее полезен, сможет действительно дать свой максимум «по способностям».

Построение коммунизма предполагает создание технически самой совершенной промышленности мира, достижение значительного превосходства над наиболее развитыми капиталистическими странами по производительности труда.

Если коллектив или отдельный человек в своем труде дейст-

вительно руководствуется стремлением «поднять общество выше», тогда на деле это может проявляться, на настоящем этапе, прежде всего, в содействии подъему всех сторон процесса труда на уровень высших достижений мировой практики в данной отрасли труда, а также в поиске путей к тому, чтобы этот уровень превзойти. Это означает, что наличие у коллектива или отдельного человека коммунистического отношения к труду конкретно проявляется:

1. В отношении к «вещественным условиям труда» (средства труда, предмет труда, средства к жизни), которые являются своего рода «лабораторией человеческих сил»,³¹ находящейся в распоряжении работника в процессе труда.

Если человек относится к ним «как к чужим», не беспокоясь об их сохранности, бережном и экономном использовании, это свидетельство того, что коммунистическая психология у него еще не сформировалась. Материальные условия труда он еще не рассматривает соответственно своему новому положению в обществе «как свои», как средства, при помощи которых он, работая на общество, вместе с тем работает «на себя». К производству он не относится, как к области, где господствует его воля, как «хозяйин условий своей деятельности».³²

Появление заботы о сохранении и умножении общественного достояния — начало переворота в отношении к труду и вместе с тем начало снятия отчужденного отношения к нему.

«Коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд, забота *рядовых рабочих* об увеличении производительности труда, об охране *каждого пуда хлеба, угля, железа* и других продуктов, достаемых не работающим лично и не их «ближним», а «дальним», т. е. всему обществу в целом».³³

В настоящих условиях можно с основанием говорить о наличии у коллектива коммунистического отношения к труду, если он на своем участке труда:

- а) Осуществляет четкую систему экономических и юридических мер учета и контроля над производством и распределением продуктов, исключаящую какую бы то ни было возможность хищения общественного имущества или злоупотребления им.
- б) Использует наиболее экономно и эффективно все ценности, которыми он располагает (материальные, трудовые, финансовые ресурсы, природные богатства).
- в) Если та часть общественных фондов, которой располагает коллектив (квартиры, путевки, пособия и т. п.), распреде-

³¹ См. К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, М., 1940, стр. 31.

³² Там же, стр. 4.

³³ В. И. Ленин, *Полное собр. соч.*, т. 39, стр. 22.

ляется им самим с учетом действительных нужд каждого из его членов. Если лица, которых коллектив уполномочил на распределение материальных ценностей из общественных фондов, могут допускать злоупотребления, то это говорит о слабости коллектива. В человеке нет ничего коммунистического, если он способен заниматься самоснабжением, пользуясь неорганизованностью общественного контроля на месте и слабостью коллектива.

- г) Если в коллективе уже сформировались традиции, исключаящие возможность проявления бесхозяйственности и нечестности в отношении к общественному достоянию со стороны отдельных лиц.

2. *В отношении к организации производства.* Если человек безразличен к тому, как организовано производство, насколько оно технически и экономически прогрессивно и эффективно, и безразличен только к размерам оплаты труда, то это значит, что новое отношение к труду у него еще не сложилось. Труд сам по себе для него еще чужд. В этом также проявляется отношение людей к труду, унаследованное от прежних эпох. Труд в таком случае не является для человека внутренне средством служения обществу, средством развития своих способностей, а лишь средством к жизни.

Формирование коммунистического отношения к труду означает ликвидацию этого отчуждения. Появляется безразличное отношение к тому, насколько совершенен сам процесс труда, ибо его совершенствование есть главный путь к решению задачи построения коммунизма.

На деле это означает:

- а) Борьбу за оснащение предприятий самой передовой техникой, за внедрение самой передовой технологии.

«Теперь, когда Советский Союз не только обогнал наиболее развитые капиталистические страны по темпам роста капитальных вложений, но и вышел на первое место в мире по их абсолютному объему, задача состоит в том, чтобы получать от них как можно больший эффект. Такой эффект зависит, прежде всего, от правильного выбора направлений капитальных вложений. Речь идет о приоритете наиболее прогрессивных отраслей, о выборе каждый раз самой передовой техники и технологии производства, ... об успешном развитии решающих направлений науки».³⁴

- б) Совершенствование организации производства предполагает также достижение максимальной экономической его эффективности, а, следовательно, совершенствование экономики производства. И прежде всего — преодоление догматизма

³⁴ А. Арзуманян, Актуальные проблемы развития нашей экономики, «Правда», 24. II. 1964, стр. 2.

в планировании, выработку и повсеместное применение такого главного показателя стимулирования (а вместе с ним и главного показателя плана), который находился бы в соответствии с общественным интересом, уменьшение затрат на единицу продукции и по возможности сокращение материалоемкости продукции, переключение на наиболее экономичные виды предметов труда, топлива.

- в) Осуществление этих задач немыслимо без чрезвычайно хорошо налаженной оперативной и централизованной информации коллективов каждой из отраслей труда относительно постановки дела на самых передовых предприятиях мира. Это, в свою очередь, означает: обеспечение их необходимой научно-технической и экономической литературой; такую постановку дела образования и обучения кадров, которая обеспечила бы нужный уровень производства и обмен опытом.

Если же производство в данной отрасли или на предприятии еще осуществляется на базе устаревших типов машин, менее экономичных видов топлива, сырья, тогда о наличии коммунистического отношения к труду может свидетельствовать борьба за их техническое и технологическое обновление.

3. *В отношении к продукту труда.* Положение наемного работника при капитализме порождало у него отношение отчужденности и к производимому им продукту труда, т. к. этот продукт выпадал из его распоряжения и в руках класса собственников средств производства превращался в средство порабощения создавшего его человека.

Следы отношения к продукту труда, унаследованного от капитализма, сохраняются еще в социалистическом обществе и нередко проявляются в безразличном отношении человека к производимым им ценностям.

Общественная собственность на средства производства представляет собой материальную основу для исчезновения такого отношения и к продукту труда. Ибо если действительно смыслом труда для человека является его «бытие для другого», тогда в центр внимания становится вопрос о том, что получают люди из его рук.

На деле это означает в настоящее время максимальное содействие тому, чтобы качество продукции, изготавливаемой данным предприятием, не уступало и даже превосходило качество ее на лучших предприятиях мира.

4. *В способности трудового коллектива формировать отношения между людьми* (внутри коллектива и между коллективами) на социалистических, коммунистических началах.

При капитализме следствием эксплуатации было не только отношение отчужденности человека к труду и его продуктам, но и к другим людям — отчуждение человека от человека. Отношение рабочего к капиталисту выливалось в отношение

вражды. Отношение его к администрации, мастеру, надсмотрщику, инженеру было также враждебно, ибо все они представляли чуждый и враждебный рабочему интерес капитала. Избыток рабочей силы, конкуренция вносили элементы вражды и в отношения между рабочими. Отчужденность между людьми в труде усугублялась еще тем, что рядовой труженик был полностью отстранен от участия в управлении производственным процессом, в силу чего все участки труда и люди, на них работающие, выступали по отношению к нему как чуждые. Трудовая деятельность лишенного собственности человека ограничивалась лишь выполнением узкопрофессиональных функций, которые падали на его долю во внутрипроизводственном разделении труда. Отношение собственника к функциям рабочего на производстве сводилось лишь к проблеме наиболее выгодного его использования по принципу «человек для производства».

«Мы рассматриваем рабочего как производственный фактор наряду с остальными производственными факторами, ... значит необходимо выяснить, какой способ его использования является наилучшим, подобно тому, как этот же вопрос надо решить применительно к меди или силе воды»,³⁵ — пишет один из ведущих современных американских буржуазных социологов П. Друкер, известный своими трудами по социологии экономической организации. Никаких изменений в роли рабочего в производстве не видит автор и в обществе будущего.

Новое положение людей в социалистическом обществе коренным образом изменяет функции труженика в процессе общественного труда и является материальной предпосылкой полного снятия *отношения отчужденности между людьми* и формирования принципиально иных отношений между ними.

Ликвидация отчужденности человека от человека осуществляется по мере созревания новой системы общественных отношений, которая фактически ставит каждого члена общества в положение хозяина производства, уполномоченного совместно с другими подчинять движение всего производства коллективным интересам самих трудящихся, реализовать противоположный буржуазному принцип «производство для человека».

Каждая эпоха рождает людей, соответствующих ей. Коммунистической эпохе соответствует тип человека — труженика, хозяина своей действительности, подчиняющего совместно с другими своей разумной власти в интересах общества движение общественного механизма и прежде всего развитие общественного производства.

Человек, трудовая деятельность которого ограничена лишь выполнением того, что «по должности положено», — это чело-

³⁵ Peter F. Drucker, Die Praxis des Management, Econ-Verlag, Düsseldorf, 1956, S. 316.

век, в сущности уже не соответствующий эпохе. Его ограниченность унаследована от ушедшего мира. Еще нередко встречающееся непонимание людьми своего нового положения в обществе, а вследствие этого неумение занять в коллективе место, соответствующее положению хозяина производства, хозяина положения дел, общественная пассивность людей, как и недоверие людей друг к другу; отчужденность между администрацией и низовыми звеньями коллектива — это все еще не до конца изжитое наследие капитализма, выражение недостаточной зрелости нового общественного строя.

Для того, чтобы каждый труженик мог на деле осуществлять функцию управления производством, механизм управления должен быть специально приспособлен к решению этой задачи. Одного только наличия общественной собственности для этого недостаточно. Усилия одиночек, если не сформирован соответствующий аппарат управления, не могут дать сколько-нибудь значительных результатов. Поэтому создание и совершенствование такой системы отношений между людьми, которая обеспечила бы условия для участия всех в общественном управлении и прежде всего в решении важнейших вопросов производственной жизни, является краеугольным принципом, который должен ложиться в основу организации социалистического производства, формирования каждого трудового коллектива и взаимоотношения между всеми его структурными подразделениями.

Только в том случае, если коллектив целенаправленно формирует навыки управления у своих членов, он может стать кузницей массового формирования людей нового склада, в нем могут укрепиться устойчивые традиции оперативной поддержки и распространения всех передовых начинаний и способность своими собственными силами противопоставлять себя всему, что его тянет назад (бесхозяйственности, бюрократизму, консерватизму, злоупотреблениям, равнодушию к человеку). В зрелом коллективе становятся невозможными любые проявления антиобщественного поведения, так как они получают немедленный отпор.

Необходимым условием сознательного участия всех в управлении производством является исчерпывающая информация всего коллектива о состоянии дел во всех его звеньях, осуществление ленинского принципа гласности, когда все вопросы повседневной экономики выносятся на суд массы.

Для оценки степени коммунистической зрелости трудового коллектива необходим тщательный анализ следующих моментов:

а) Насколько «механизм» (система структурных подразделений данного коллектива) на деле приспособлен к решению задачи обучения каждого его члена управлению производ-

ством, — каковы формы этого обучения, наличие уже сформированных коллективистских традиций, какая часть коллектива на деле участвует в решении вопросов управления производством. Коллектив, в котором есть «актив» и «пассив», — это еще незрелый коллектив.

Необходим также анализ того, каков характер установившихся взаимоотношений между руководящими и низовыми его звеньями (прежде всего, реальное состояние подотчетности руководящих его звеньев перед низовыми), т. е. степени последовательности осуществления принципа демократического централизма в производственной жизни коллектива.

Утверждение коллективных начал в управлении производством, привлечение всех к решению наиболее острых и важных вопросов ликвидирует отчужденность между людьми, сближает их, порождает взаимную помощь. Слабость этих начал, отсутствие подотчетности, подконтрольности всегда отчуждает.

б) Значимость вопросов, которые выносятся на суд коллектива. Выносятся ли на этот суд весь комплекс вопросов управления производством (рассмотренных выше в п. п. 1, 2, 3), включая и такие вопросы, как экономическое обоснование величины заработной платы, технико-экономическое обоснование норм выработки, вопросы материального и морального поощрения, распределение материальных ценностей из общественных фондов, отношение к людям. Эти вопросы всегда живо волнуют всех членов коллектива. От правильного или неправильного их решения зависит в очень большой степени взаимоотношения между людьми.

в) Состояние аппарата гласности. Каков охват вопросов, предаваемых гласности (тоже по их значимости для жизни коллектива)? Каково состояние информации о положении дел во всех звеньях коллектива, с сопоставлениями состояния внутри коллектива с положением дел на лучших предприятиях мира? Насколько регулярна информация? Все ли члены коллектива равны перед судом гласности? Насколько умело, справедливо и оперативно осуществляется поощрение и порицание работников через предание гласности? Как в коллективе работают над обогащением средств информации общественности о положении дел на предприятии?

Созидание новых форм общественной связи между людьми в общественном труде является одной из наиболее творческих задач, которые надлежит решить самим трудящимся в новом обществе. При техническом оснащении производства и его организации в большой мере возможно и даже необходимо использовать опыт, который накоплен капиталистическим производством. При формировании же коммунистических трудовых коллективов (при определении их организационной структуры, при решении задачи охвата всех сторон трудовой жизни коллек-

тивистскими началами, при разделении и координации функций отдельных органов коллективов) опыт капиталистического общества использован быть не может, ибо его нет. Такая историческая задача решается обществом впервые, и решение ее является творческим от начала до конца.

5. *В тех требованиях, которые человек предъявляет к себе как к члену общества в процессе своего труда.* При капитализме труд подавляющего большинства трудящихся лишен творческого содержания (вследствие его монотонности, примитивности производственных операций, изъятию из компетенции труженика функции управления общественным производством), физически изнурителен, лишен гуманного нравственного смысла. Масса производителей лишается тем самым высшей человеческой потребности — потребности в труде, творчестве. Отчуждение труда обесчеловечивает человека.

Факт духовного обесчеловечения труда констатируется даже большинством буржуазных социологов. Австрийский социолог Карл Беднарик, исследующий отношение к труду у молодых австрийских рабочих, пишет по этому поводу: «Вряд ли найдется хоть один молодой рабочий, который бы ощущал, что он утверждает себя и «свое место» в обществе через свой труд»... «Работа как таковая для «типа» едва ли содержит в себе самостоятельную ценность... Да и среди старших возрастов вряд ли можно найти рабочих, для которых энтузиазм «поэзии труда» имел бы какое бы то ни было значение».³⁶

Вследствие этого требования человека к себе в труде ограничиваются лишь мерой платы за труд. Такое ограничение в мобилизации своих сил в труде необходимо. Оно рождено эксплуатацией и враждой между производителем и собственником капитала. Но он же, этот принцип, тем самым ограничивает и раскрытие в человеке его собственных человеческих сил и способностей. Мера человека так и остается нереализованной. Это приводит к тому, что общество теряет колоссальную и самую ценную свою производительную силу — нераскрытые духовные творческие возможности человека в подавляющем большинстве тружеников.

В обществе, основанном на общественной собственности, технический базис которого составляет высшая техника, созданная по последнему слову науки, труженику для того, чтобы он был в состоянии осуществлять регулирование производственного процесса, необходимо:

а) Быть знакомым со всеми звеньями производства на своем предприятии, в своей отрасли труда.

б) Разбираться в связи всех производственных процессов в масштабе всего общества.

³⁶ К. Bednarik, Der junge Mensch von Heute — ein neuer Typ, Stuttgart, 1953, S. 29.

в) Быть в курсе постановки дела на самых передовых предприятиях мира, с высшими достижениями производства в данной отрасли труда, что невозможно без систематического ознакомления с имеющейся в мире литературой по данному вопросу.

г) Знать экономику производства.

д) В достаточной мере быть знакомым с общими законами общественного развития.

Таким образом, положение человека в обществе, строящем коммунизм, требует высочайшей профессиональной и общей культуры, требует его действительно всестороннего развития.

С коммунистическим человеком мы имеем дело лишь тогда, когда приобретение высокой профессиональной и общей культуры является его потребностью и выступает вместе с тем как сознательное требование к себе.

Мера затраты сил в труде коммунистическим человеком — не величина вознаграждений. Это несравненно более высокая мера — мера сил и способностей каждого. Коммунистический принцип — полное раскрытие внутренних сил и способностей человека в труде. Здесь деятельность выступает уже не как принудительная, навязанная внешней экономической необходимостью, а как «самодеятельность», как свобода в труде.

Поэтому В. И. Ленин в своей известной характеристике коммунистического труда определяет его, как труд, даваемый без расчета на вознаграждение, без условия о вознаграждении.

При социализме, когда материальное вознаграждение за труд является главным источником существования каждого работника, для человека со сформированным коммунистическим отношением к труду зарплата выступает не как главная побудительная сила труда, а как побочный продукт, хотя и необходимый. Это практически находит свое выражение в том, что степень добросовестности выполнения работы не зависит от величины ее вознаграждения. Человек делает то, в чем есть общественная необходимость, даже тогда, когда за это не ожидается никакого вознаграждения.

Таким образом, формирование коммунистического отношения к труду есть вместе с тем процесс снятия отношения отчужденности к нему и одновременно процесс рождения духовного богатства человека.

Это означает, что только созидание коммунистического общества предоставляет человеку условия, наиболее достойные его человеческой природы.

Итак, коммунистическое отношение к труду включает в себя отношение ко всем сторонам процесса труда. Поэтому при оценке отношения к труду отдельного коллектива необходим учет состояния всех важнейших сторон его производственной жизни,

что, к сожалению, далеко не всегда имеет место при присвоении звания коллектива, бригады или ударника коммунистического труда.

Нет ничего вреднее, чем формальное, необоснованное присвоение этих высоких званий; ибо тем самым дискредитируется, подрывается авторитет этого животворного движения.

Только такой коллектив, который выдвинулся на самые передовые рубежи в своей области труда и в котором уже достаточно созрели новые формы отношений между людьми, может излучать подлинный свет маяка, может быть академией народного опыта и с достоинством носить звание коммунистического.

Поэтому В. И. Ленин не раз предупреждал о необходимости очень осторожно относиться к слову «коммунистический» и считал необходимым лишать названия «коммун» те хозяйства, которые являются коммунами лишь по названию.

*«Столь почетное название, — говорил он, — надо завоевать долгим и упорным трудом, завоевать доказанным практическим успехом в строительстве действительно коммунистическом... Сначала докажи свою способность на бесплатную работу в интересах общества, в интересах всех трудящихся, ... ставить дело образцово, а потом протягивай руку за почетным званием «коммуны»».*³⁷

Поступила в редакцию 1 июля 1964.

---

³⁷ В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 39, стр. 26.

ДИАЛЕКТИКА УБЕЖДЕНИЯ И ПРИНУЖДЕНИЯ ПРИ РЕГУЛИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Я. Хайкин

Вопрос о соотношении убеждения¹ и принуждения является одним из принципиальных, так как от его правильного понимания зависит не только строгость логики теоретических исследований ряда проблем, но и практические формы и методы того педагогического момента, который присущ многим областям общественной жизни. Поэтому в таких сферах деятельности, как государственно-правовая, моральная и педагогическая, просто немыслимо правильно решать задачи сознательного общественного регулирования без четкого и ясного понимания связи этих явлений.

Вполне естественно, что характер проявления убеждения и принуждения обнаруживает свою специфику в зависимости от того, каков характер педагогической стороны той или иной области деятельности. С этой точки зрения, например, содержание убеждения и принуждения в области права имеет свои особенности, по сравнению с их содержанием в нравственном воспитании. Однако наличие таких особенностей не может снять вопроса о единой сущности этих явлений, независимой от области применения. В таком общем виде исследование убеждения и принуждения — обязанность философии.

Основополагающее значение для раскрытия сущности убеждения и принуждения как философских понятий имеют работы В. И. Ленина. Прежде всего В. И. Ленин исходил из того, что убеждение и принуждение должны всегда рассматриваться как непосредственно связанные друг с другом. «Диктатура пролетариата, — говорил В. И. Ленин, — была успешна, потому что умела соединять принуждение и убеждение».² При этом убеж-

¹ Термин «убеждение» обычно употребляется в двух значениях: во-первых, для характеристики взглядов, которые глубоко присущи отдельным лицам или социальным группам; во-вторых, для обозначения метода воздействия на людей при регулировании общественных отношений (в том числе и в процессе воспитания). В этом втором значении мы и рассматриваем понятие убеждения в данной статье.

² В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 42, стр. 139.

дение и принуждение так связаны друг с другом, что одно выступает предпосылкой другого и наоборот. Например, успехи политики Советской власти по отношению к крестьянству в период гражданской войны прежде всего определялись тем, что крестьянство убедилось в необходимости поддерживать пролетариат. «И только потому, что мы могли убедить в этом крестьянина, только поэтому наша политика принуждения, основанная на этом прочном и безусловном убеждении, имела такой гигантский успех»³. Новый же этап хозяйственного строительства, наступивший после гражданской войны, потребовал, «чтобы аппарат принуждения, оживленный, укрепленный, был базирован и развернут для нового размаха убеждения»⁴.

Такой подход заставляет рассматривать «убеждение» и «принуждение» как пару взаимосвязанных понятий, выступающих в качестве противоположных определений одной и той же сущности. Однако для установления их единой сущности предварительно необходимо провести те внешние границы этих понятий, внутри которых они выступают как различные противоположности.

Естественно предположить, что внешние границы убеждения-принуждения проходят там, где каждое из этих явлений наиболее «удалено» от своего «напарника», то есть там, где принуждение мысленно отрывается от убеждения, и наоборот. Очевидно, это тот момент, когда каждое из этих понятий переходит в другое, но такое другое, которое уже не имеет с этими понятиями ничего общего.

Одна из этих границ проходит между принуждением и насилием. Например, говоря о политике по отношению к среднему крестьянству в период перехода от разверстки к продналогу, В. И. Ленин указывал: «Насилие по отношению к среднему крестьянству представляет из себя величайший вред»⁵. Позже, разъясняя товарищам, не понявшим диалектики методов руководства, В. И. Ленин говорил, что признание вреда насилия «пытаются применить к вопросу об убеждении и принуждении вообще. Это явная натяжка и неправильность»⁶. Насилие, лежащее за границей принуждения-убеждения, выступает как метод подавления. Принуждение же, не оторванное от убеждения, есть метод управления, воспитания. «Мы побеждали методами подавления, мы сумеем побеждать и методами управления»⁷.

Другая граница, очевидно, проходит между убеждением и такой деятельностью, которую В. И. Ленин называл «практикой киселеобразного состояния». Думать, — говорил В. И. Ле-

³ Там же, стр. 139—140.

⁴ Там же, стр. 147.

⁵ В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 38, стр. 200.

⁶ В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 42, стр. 178.

⁷ В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 36, стр. 178.

нин, что крестьянина можно убедить только советом, только книгами — нелепость.⁸ Борьбу со стихией мелкобуржуазной анархичности «нельзя вести только пропагандой и агитацией, только организацией соревнования, только отбором организаторов, — борьбу надо вести и принуждением».⁹ Так В. И. Ленин четко отграничивал убеждение, выступающее в единстве с принуждением, от голых слов, организационной беспомощности, выдаваемых за убеждение.

Такое определение границ убеждения-принуждения показывает, что единой сущностью этих методов является управление, практическая организация, воспитание. При этом ясно и другое, что в зависимости от конкретных условий и задач воспитания акцент может изменить роль того или иного участника диалектического единства (в большей степени потребовать принудительного момента в убеждении или убеждающего в принуждении¹⁰), но не может метафизически изолировать их друг от друга. В этом отношении характерна запись, сделанная В. И. Лениным в плане брошюры «О продовольственном налоге»: «Принуждение + убеждение (в разверстке) — в налоге — в «товарообмене»».¹¹ К сожалению, В. И. Ленин этот тезис в брошюре специально не раскрывал. Однако из приведенной записи видно, что он рассматривал убеждение и принуждение как явления, связь между которыми не неизменна.

Что же представляют собой убеждение и принуждение как методы регулирования общественных отношений?

Очевидно, что и то и другое выступают как метод внешнего воздействия на человека. Но это такое внешнее воздействие, которое в качестве своего объекта берет внутренние стремления, стимулы поведения человека и само поведение в их единстве. Воздействуя на внутренние стремления человека, воспитатель (в широком смысле) не может игнорировать поведение, а направляя поведение, нельзя оставить без внимания внутренние стремления. Отсюда мы можем попытаться определить *убеждение как метод внешнего воздействия на поведение человека через его внутренние побуждения, а принуждение — как метод воздействия на внутренние побуждения человека через его поведение.*

Такое понимание убеждения и принуждения раскрывает еще один аспект их связи — взаимодействие цели и средства в воспитательном воздействии. Целью убеждения становится определенное поведение человека, а средством для достижения

⁸ См. В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 39, стр. 373.

⁹ В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 36, стр. 197.

¹⁰ На этот момент связи при анализе соотношения права и морали обратил внимание В. Тененбаум (см. Взаимодействие коммунистической морали и советского права, «Политическое самообразование», 1961, № 6).

¹¹ В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 43, стр. 381.

цели — внутренние побуждения воспитуемого. Пренебрежение целью ведет к тому, что средство становится самоцелью, и из-за этого воздействие на внутренние побуждения ограничивается фразой, увещанием, бездейтельностью. В качестве цели принуждения выступает формирование определенных внутренних побуждений человека. Средством для этого служит воздействие на поведение. Отбрасывание цели в данном случае делает средство — поведение человека — самостоятельной целью. Ясно, что такое воздействие, не обращающее внимания на стимулы, которыми руководствуется человек в своем поведении, становится методом подавления, насилия. Таким образом, специфический характер средства, используемого в процессе воспитания, придает качественную определенность как методу убеждения, так и методу принуждения. Благодаря этому мы получаем возможность различать их друг от друга.

С другой стороны, убеждение и принуждение, взятые в их единстве, опираются на единство цели и средства, так как то, что для убеждения играет роль цели, для принуждения становится средством, а то, что служит целью принуждения, выступает средством убеждения.

Еще один момент, раскрывающий сущность убеждения и принуждения, обнаруживается при сопоставлении этих понятий с категориями свободы и необходимости. Мы имеем в виду те точки их соприкосновения, где свобода выступает как сумма известных внешних условий, допускающих формирование стимулов поведения человека в определенном диапазоне,¹² а необходимость — в качестве закономерности развития, требующей определенного поведения в системе общественных отношений.

В этом смысле, если свобода никак не связана с необходимостью, то убеждение (как момент реализации свободы) теряет свое основание в объективных условиях жизни и, таким образом, не может претендовать на роль регулятора общественных отношений. С другой стороны, рассмотрение необходимости в качестве фатальной неизбежности, исключающей свободу, превращает принуждение в роковой штамп, для которого внутренние мотивы поведения совершенно безразличны. Отсюда также становится ясно, что связь убеждения и принуждения в определенной мере лежит в плоскости диалектического соотношения свободы и необходимости.

Такая характеристика убеждения и принуждения одновременно показывает, почему использование этих методов в классово-антагонистических формациях наталкивается на непреодолимые препятствия.

Сосредоточение решающих средств воздействия на общест-

---

¹² Если рассматривать свободу как внутреннее отношение человека к необходимости, то в этом случае убеждение будет выступать в другом своем значении (см. сноску 1).

венные отношения в руках господствующего класса в условиях, когда эти средства не могут соответствовать целям эксплуатируемых, установление границ свободы, исходя из «необходимости» сохранить свое классовое господство, — все это неминуемо образует пропасть между убеждением и принуждением (убедить эксплуатируемых нельзя), ведет к «сползанию» принуждения в насилие. С другой стороны, эксплуатируемым всегда недостаточно для консолидации своих сил одного убеждения. Только революционная борьба пролетариата создает необходимые предпосылки для формирования такого воздействия на членов своего класса, которое вносит в убеждение элементы принуждения, соответствующие целям и средствам самоорганизации класса в революционную армию (например, создание партии с ее железной дисциплиной). Эта же борьба значительно расширяет границы свободы как деятельности, полностью подчиняющейся необходимости завоевания политического господства.

Таким образом, если эксплуататорские классы никогда не могут регулировать общественные отношения гармоничным сочетанием убеждения и принуждения, то пролетариат, борясь за установление своей власти, подготавливает все необходимые условия для соединения убеждения и принуждения в качестве методов воспитания борцов за социальное переустройство общества. Полное развертывание всех возможностей этих взаимосвязанных методов регулирования отношений между людьми становится делом повседневной практики в социалистическом обществе.

Формы принуждения-убеждения могут быть различными. Каждая форма отличается от другой главным образом по источнику, применяющему эти методы: государственная, общественная, педагогическая и т. п.¹³ Поэтому нельзя отождествлять принуждение только с его государственной формой.¹⁴ Отмирание государства путем перерастания в коммунистическое общественное самоуправление есть процесс отмирания *государственного* принуждения, но отнюдь не принуждения вообще. «Принудительная власть есть во всяком человеческом общежитии, и в родовом устройстве, и в семье...»¹⁵

Однако молчаливое признание принуждения в качестве функции только государственной власти влечет за собой ряд

¹³ О характере государственной и общественной форм принуждения и убеждения см. Б. С. Маньковский, Соотношение принуждения и убеждения в период строительства коммунизма и советская общественность. Сборник «Государство и коммунизм», Госюриздат, М., 1962.

¹⁴ См., например, С. Ковалев, Коммунистическое воспитание трудящихся, Соцэкгиз, 1960. В этой значительной по объему работе (526 стр.) вопрос о связи принуждения и убеждения поставлен только в небольшом подразделе «Воспитательная роль советского суда».

¹⁵ В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 1, стр. 439.

недомолвок, а то и просто неточностей в трактовке методов коммунистического воспитания. Так, например, роль принуждения в области нравственных отношений и нравственного воспитания по существу прямо не исследуется, по-видимому, из-за «боязни» приписать морали функцию принуждения. А ведь В. И. Ленин видел и понимал, что голое убеждение, то есть оторванное от принуждения, никогда не сможет быть полноценным методом руководства общественным развитием. Поэтому он и писал: «... Мы можем и должны достигнуть того, чтобы сила примера стала в первую голову моральным, а затем — и принудительно вводимым образом устройства труда в новой Советской России».¹⁶ Роль принуждения в воспитании (так сказать, чисто педагогическую роль) очень хорошо видел А. С. Макаренко: «... Элементы принуждения не могут быть отброшены в воспитании, а если их отбросить, то и такой момент, как сказать «иди умойся», не может быть допустим».¹⁷

Совершенно очевидно, что правильное сочетание убеждения и принуждения в период развернутого строительства коммунизма дает в руки нашего общества инструмент огромной воспитательно-организационной силы. Но для использования его необходимо уяснение точного объема этих понятий, чтобы избежать недоразумений как в теории, так и в практике коммунистического воспитания.

Чтобы показать значение именно этого момента, остановимся на одной очень важной, с нашей точки зрения, стороне вопроса. Известно, что подавляющее большинство членов нашего общества составляют честные труженики, добросовестно выполняющие свой долг перед народом. В процессе коммунистического воспитания эти люди выступают в качестве воспитателей и воспитуемых. Метод убеждения-принуждения в этом процессе необходим и закономерен. Однако наше общество еще не освободилось от антиобщественных элементов. Характер их дезорганизующей деятельности различен, и сила воздействия на них должна определяться степенью вредности этой деятельности для общества. К одним из них, случайно или ошибочно ставшим на путь антиобщественного поведения, общество должно применить все средства убеждения-принуждения, в том числе и государственные. Однако к другим, злостным паразитическим элементам (тунеядцам, ворам, хулиганам и т. п.), мер принуждения-убеждения явно недостаточно. Поэтому общество должно всеми своими силами подавлять их. Необходимость этого видел В. И. Ленин: «... Величайшая в истории человечества смена труда подневольного трудом на себя не может произойти без трений, трудностей, конфликтов, без насилия (курсив мой. —

¹⁶ В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 36, стр. 148.

¹⁷ А. С. Макаренко, Соч. в семи томах, т. V, 1958, стр. 335.

Я. Х.) по отношению к закоренелым тунеядцам и их прихвостням».¹⁸ Зная, с какой логической точностью и строгостью В. И. Ленин употреблял понятия принуждения, убеждения и насилия, становится ясен глубочайший смысл этого высказывания.

Поэтому, на наш взгляд, требуется большая логическая точность при обращении с понятиями, характеризующими методы регулирования общественных отношений. Вот как, например, отвечает на вопрос, какими средствами социалистическое общество борется против пережитков капитализма в сознании людей, Б. С. Украинцев: «Мерами воспитания и перевоспитания в первую очередь и мерами принуждения — в крайнем случае, когда пережитки капитализма в сознании отдельных людей выражаются в преступных действиях...»¹⁹ И хотя автор хорошо понимает необходимость различать меры принуждения в зависимости от их силы, учитывает многогранность воспитательных методов (это видно из работы в целом), все же приведенное высказывание не является действительно «строгим» по двум обстоятельствам. Во-первых, в нем меры воспитания и перевоспитания противопоставляются принуждению, тогда как последнее является обязательным элементом, стороной воспитания. Во-вторых, говоря о принуждении по отношению к преступникам, автор, видимо, подразумевает государственное принуждение. Оно, конечно, есть средство борьбы с преступностью. Но государственное принуждение также опирается на убеждение и поэтому также выступает как мера воспитания. Правомерным было бы противопоставление воспитанию мер подавления, насилия, которые применяются у нас именно в крайних случаях против неисправимых преступников, врагов общества.

Таким образом, для правильного понимания убеждения и принуждения необходимо прежде всего преодолеть точку зрения обыденного сознания и увидеть диалектическую связь между ними во всех ее аспектах. «Обычное представление схватывает различие и противоречие, но не **переход** от одного к другому, а это *самое важное*».²⁰ Только такой подход позволяет вскрыть действительный характер убеждения и принуждения как определенных методов, от эффективности которых во многом зависит успех регулирования общественных отношений вообще и процесса коммунистического воспитания, в частности.

Поступила в редакцию 1 января 1964.

¹⁸ В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 35, стр. 196.

¹⁹ Б. С. Украинцев, А. С. Ковальчук, В. П. Чертков, Диалектика перерастания социализма в коммунизм, изд. АН СССР, 1963, стр. 69.

²⁰ В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 29, стр. 128.

ОБ ЭСТЕТИЧЕСКОМ ВОСПРИЯТИИ

Г. Созонтов

Характеризуя чувственные восприятия биологических предшественников человека, на основе которых со временем стали формироваться собственно человеческие чувственные восприятия и, в частности, эстетические, наука говорит, что восприятия наших далеких предков были в определяющей степени обусловлены ограниченными рамками биологической деятельности.

«Животное не может отделять себя от остального мира и соотносить себя с ним... Для животного его отношение к другим не существует как отношение».¹ «Оно не отличает себя от своей жизнедеятельности».²

Суровые, полные опасностей условия жизни всех без исключения биологических видов, предшествовавших появлению человека, борьба этих видов за свое существование и связанный с этим естественный отбор с необходимостью стимулировали и до сих пор стимулируют у животных такое развитие их нервной системы, их познавательного аппарата и всей их психики, которое обеспечивает для них наиболее целесообразную, приспособленную для их внешней среды жизнедеятельность. Все, что не соответствует в животном мире этим неумолимым требованиям природы, гибнет в борьбе за существование. В силу этого развитие психики и познавательной деятельности всех без исключения животных подчинено лишь биологическим нуждам. Это развитие имеет сугубо биологическое оправдание. Поэтому не удивительно, что к красотам природы животные безразличны. И у нас нет никаких оснований считать, что вид серебристой, трепетной лунной дорожки на водной глади, мелодичное журчание затерянного в камышах ручья, величественный и вместе с тем суровый горный пейзаж и т. п. картины природы как таковые, сами по себе, представляют для животных специальный интерес. Во всяком случае, веских доказательств этого привести нельзя.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 29.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 565.

В этой связи заметим, что утверждения некоторых теоретиков искусства о том, что и у животных есть зачаточные формы эстетического восприятия, нам не представляются убедительными. Нельзя считать правильной и трактовку этого вопроса Ч. Дарвиным, на которую часто ссылаются некоторые из буржуазных теоретиков искусства.³

С Дарвиным вполне можно согласиться в том, что до появления эстетического восприятия у животных уже существовали соответствующие биологические предпосылки для возникновения этого восприятия. Утверждение же английского ученого о том, что животные тоже «имеют понятие о красоте», совершенно не обоснованно. Наука уже давно установила, что животным вообще не свойственна такая форма отражения, как понятие.

Важно заметить, что для животного не существуют форма, симметрия, пропорция, гармония, ритм и т. п., если таковые не связаны для него с тем или иным биологическим смыслом.

Нет сколько-нибудь веских оснований полагать, что животным свойственны чувства возвышенного, комического, трагического, т. е. чувства, вне которых немислимо эстетическое освоение действительности. Эмоциональные реакции животных связаны лишь с биологическими потребностями, с инстинктивными формами жизнедеятельности их организма — с самосохранением, питанием, размножением, с их борьбой за существование. Любой звук, цвет (чувственный сигнал) сами по себе для биологической жизнедеятельности организма животного не имеют самостоятельного значения. В этом смысле они нейтральны. Они имеют значение для него лишь тогда, когда за этими сигналами кроется положительный или отрицательный для организма смысл. Например, зрительное чувственное впечатление, появившееся у животного при восприятии им воды или пищи, имеет значение для него лишь тогда, когда оно хочет пить, купаться или есть. Звуковой сигнал в виде рева хищного зверя отражается у других животных как сигнал об опасности и т. д. Чувственные впечатления звука или цвета могут в ряде случаев вызывать у животного и ориентировочно-исследовательский рефлекс, т. е. своеобразное «любопытство».

Иначе говоря, переживаемое животным чувственное впечатление (зрительное, слуховое и т. д.) в его восприятии выполняет роль психической формы или роль сигнала, имеющего определенное содержание.

На стадии *Homo sapiens* под определяющим воздействием общественного труда стали складываться собственно человеческие чувства. С развитием деятельности трудового типа у людей появляются особенно характерные для них эмоции дейст-

³ См. А. Спиркин, Происхождение сознания, Госполитиздат, 1960, стр. 256—259.

вования, принципиально отличные от свойственных животным эмоций биологического функционирования. Эмоциональный характер у человека приобретает не только процесс потребления тех или иных благ, но также и прежде всего процесс их производства. Чувства удовлетворения или неудовлетворения, обусловленные у первобытного человека ходом и исходом его практической деятельности, начинают существенно отличаться от элементарных, определяемых лишь биологической жизнедеятельностью чувств удовлетворения или неудовлетворения.

Действие психофизиологического механизма эмоций, доставшегося человеку в наследство от его биологических предшественников, постепенно начинает опосредоваться социальными условиями жизни. Со временем ход и исход практической деятельности людей обусловил появление у них чувства успеха, удачи, торжества, неудачи, краха и т. д. Объективные общественные отношения, в которые стал вступать человек в процессе удовлетворения своих потребностей, начали порождать у него разнообразные, социальные по своей природе, чувства. Многообразие этих чувств оказалось в зависимости от появившегося многообразия реальных жизненных отношений, в которые люди стали вступать практически.

Развитие общественных, межчеловеческих отношений с необходимостью вызвало к жизни моральные чувства. Половое влечение со временем перешло в человеческое чувство любви и т. д. На общественной основе стали складываться и так называемые эстетические чувства.

*   *

* -

Согласно материалистической гносеологии, любое человеческое восприятие, в том числе и эстетическое, с необходимостью подчинено действию объективных законов. Эти законы обуславливают возможность правильного отображения в чувствах людей объективно существующей действительности.

Научная гносеология подчеркивает в этой связи, что вне импульса из внешнего для сознания мира, вне отражения человеком тех или иных явлений чувственное восприятие немислимо, равно как невозможно ни чувство художественного наслаждения и никакое другое чувство. Любое эстетическое удовлетворение, которое испытывается человеком, в конечном счете всегда находится в связи с объектом эстетического отражения.

Для каждого материалиста очевидно, что по источнику и содержанию своему чувственные восприятия объективны. В итоге они производны от объективного мира. Они выступают как отображение этого мира. Вместе с тем, будучи объективными по своему содержанию, восприятия, как известно, всегда субъек-

тивны по форме. Объективные отношения, отразившиеся в них, с необходимостью проявляются в индивидуальной форме.

Что мы имеем в виду под этой субъективной формой?

По нашему мнению, если «объективным» в нашей философской литературе принято называть все то в мире, что существует независимо от ощущений (от сознания вообще), то противоположное ему понятие «субъективное» означает и может означать лишь то, что зависит от ощущений, зависит от сознания.

Заметим, что подчас встречающееся в нашей литературе сопоставление этих понятий по принципу — объективное это то, что находится вне субъекта; а субъективное это то, что в субъекте — вряд ли правомерно. Дело здесь в следующем.

Как чувственное, так и логическое содержание никогда и ни при каких обстоятельствах не может существовать вне субъекта, вне его головы. Идеальное (т. е. мысли и чувства) всегда существует лишь в субъекте, в его мозгу. И тем не менее, *по содержанию своему* идеальное или полностью, или в значительной мере от субъекта не зависит. Так, говоря об объективной истине, В. И. Ленин писал, что это такое *содержание в человеческих представлениях*, которое не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества.⁴

Такова диалектико-материалистическая постановка этого вопроса. Таким образом, в противоположность понятию «объективное», мы называем «субъективным» то, что *зависит* от ощущений, зависит от сознания. Такова наша исходная посылка.

Конкретизируем теперь эту мысль в применении к собственно чувственным формам отражения. Зависит ли в какой-нибудь мере форма чувственного отражения мира и от самого отражающего субъекта? Бесспорно, зависит. По этому поводу В. И. Ленин писал, что «источник света и световые волны существуют *независимо* от человека и от человеческого сознания, цвет зависит от действия этих волн на сетчатку...».⁵ В другом месте он говорит: «Если цвет является ощущением лишь в зависимости от сетчатки (как вас заставляет признать естествознание), то значит, лучи света, падая на сетчатку, производят ощущение цвета... Различные ощущения того или иного цвета оно (естествознание — Г. С.) объясняет различной длиной световых волн, существующих вне человеческой сетчатки, вне человека и независимо от него. Это и есть материализм: материя, действуя на наши органы чувств, производит ощущение. Ощущение зависит от мозга, нервов, сетчатки и т. д., т. е. от определенным образом организованной материи. Существование материи не зависит от ощущения».⁶

Аналогичные суждения правомерно высказать и о роли дру-

⁴ См. В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 18, стр. 123.

⁵ В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 18, стр. 55.

⁶ Там же, стр. 50.

гих рецепторов. Так, мы говорим, что объективно существующие волны определённой длины и частоты колебаний, воздействуя на звуковой анализатор, вызывают у нас чувственное качество звука. Объективные по характеру ароматические частички определённого химического состава, соприкасаясь со слизистой оболочкой носа, вызывают чувственное качество запаха и т. д. Но можно ли сказать, что цвет, звук, запах и другие чувственные качества, так, как они даны в наших восприятиях, тождественны внешним причинам, которые вызвали их? Иначе говоря, можно ли поставить знак тождества между электромагнитной световой волной и ощущением цвета, воздушной волной и звуковым ощущением и т. д.? Конечно, этого делать нельзя. И Ленин прямо заявляет, что «цвет является ощущением *лишь в зависимости от сетчатки*».⁷ (Подчеркнуто нами — Г. С.).

Совершенно очевидно, что объективно существующие раздражители (электромагнитные волны, ароматические вещества и т. д.), воздействуя на неживые тела природы, отражаются в них не так, как при соприкосновении с живым нервом. Более того, электромагнитная световая волна, соприкасаясь, например, с барабанной перепонкой уха или со слизистой оболочкой носа, отражается в них не так, как при соприкосновении с сетчаткой глаза. Каждый рецептор по-своему преломляет внешнее воздействие. В силу этого цвет, звук, вкус, запах и т. д. зависят не только от воздействия соответствующих внешних причин объективного мира, но и от своеобразного устройства органов чувств. В этом смысле они как собственно психические формы ощущений и восприятий, свойственные только им, субъективны.

Чтобы в ещё большей мере раскрыть смысл этого положения, сошлемся на следующий весьма показательный факт.

Ощущение боли, которое испытывает человек или животное при прямом соприкосновении с огнем, с острием иглы и т. д., самому огню или игле, как объективным раздражителям, не свойственно. Ни один предмет объективного мира в самом себе не содержит свойства боли. Боль — это форма ощущения, и как таковая она представляет собой субъективное отношение живого организма к отрицательному для него объективному раздражителю.

Столь же очевидно, что чувство эстетического наслаждения, которое испытывают люди при восприятии произведений искусства, самим этим произведениям как таковым не присуще. Эстетическое наслаждение — это субъективно человеческая реакция на объект восприятия.

Таким образом, цвет, звук, запах, боль, вкус и другие чувственные качества в том их виде, как они выступают в ощущениях и восприятиях, объективны по происхождению, но субъек-

---

⁷ В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 18, стр. 50.

тивны по форме. Их субъективность выражается в том, что они существуют лишь в зависимости от субъекта, в зависимости от его индивидуального опыта. И ощущение, и восприятие как субъективные образы объективного мира по своему содержанию являются снимками объективной действительности.

Ни биологические предшественники людей, ни сами люди не могли бы существовать и успешно осуществлять свою деятельность, если бы имеющиеся у них чувственные формы отображения находились в принципиальном расхождении с чувственными качествами окружающего их мира. И хотя научная теория познания не считает эти отображения всегда и во всем точными копиями объективного мира, учитывает наличие тех или иных искажений, она указывает (и это самое главное) на их принципиальное сходство, на их принципиальное совпадение с тем, что они отображают.

Говоря в этой связи об эстетическом восприятии произведений искусства, правомерно указать на различия между художественными образами, существующими вне человеческого сознания, в самой объективной действительности и выступающими как объект эстетического восприятия (например, статуя, портрет и т. д.), и художественными образами, сложившимися у нас в сознании в результате отражения произведений искусства. Нетрудно заметить, что в одном случае перед нами реально существующий материальный объект из мрамора, бронзы и т. д., в другом случае — форма осознания этого объекта (т. е. идеальное). Отождествлять их, конечно, не правомерно. Но и в первом и во втором случае эти художественные образы есть не что иное как результат отображения действительности человеком, результат, выраженный и закрепленный в тех или иных художественных формах.

Для каждого материалиста бесспорно, что никакая мысль, идея или чувство не может существовать вне головы, вне мозга. По этому вопросу наука с давних пор ведет борьбу против философского идеализма, религии, против различных форм мистики. Во внешнем для сознания мире можно наблюдать материальные проявления и результаты мыслительной и эмоциональной деятельности человека, но не сами по себе мысли и чувства как таковые. В самих объектах материального, неодушевленного мира, конечно, нет и не может быть никакого идеального содержания в строгом смысле этих слов.

Явления природы и общественной жизни не обладают как объекты эстетического восприятия идейно-эмоциональным содержанием. Что же касается произведений искусства, то они помимо того, что отражают объективную действительность, «материализуют» идейно-эмоциональное отношение к ней художника. И все мастерство художника (скульптора, живописца, писателя, композитора и т. д.) обращено к тому, чтобы через

определенный материал (мрамор, краски, слово и т. д.) *повлиять на людей так, чтобы вызвать у них соответствующие мысли и чувства.* Марксисты в этой связи активно борются за то, чтобы искусство вызывало у людей самые передовые, подлинно прогрессивные идеи эпохи.

С точки зрения марксизма, предлагаемые вниманию людей материальные средства выражения мыслей и чувств художника ассоциируются в сознании читателей, зрителей и слушателей с определенным знанием о действительности, со смысловым значением материальных средств выражения мыслей и чувств.

Лишь прибегая к языку иных искусствоведов, условно, в переносном смысле можно говорить об «эмоциональной окрашенности» образов, о том, что пейзажные образы «дышат негой», «проникнуты оптимизмом» или «грустью».

В действительности же настроение уныния и щемящего душу одиночества в пейзажах Левитана «У омута» и «Над вечным покоем», ощущение свежести, задушевной лиричности саврасовской картины «Грачи прилетели» по существу лишь способ истолкования картины, форма переживания художника и тех, кто воспринимает его картину.

Марксистская эстетика подчеркивает, что эстетические восприятия не есть пассивное, мертвенно зеркальное отражение действительности, а такого рода способ эстетического освоения мира, который предполагает творческое отношение человека к тому, что он художественно отражает.

Так, художник, создавая произведения искусства, отбирает в жизни и обобщает определенный материал; дает ему свое субъективное толкование, обусловленное его личным опытом, его социальной позицией, его мировоззрением. В этом выражается его творческое отношение к воспроизводимым им явлениям жизни.

В каждом конкретном случае опосредуются индивидуальным опытом и эстетические восприятия людей, знакомящихся с произведениями художников.

В результате содержание художественных образов, в отличие от объективно существующего предмета искусства, выступает как художественно осознанный объект. В это осознание включается «оценка и приговор» явлению, иначе говоря, определенный человеческий аспект рассмотрения его. Поэтому нельзя правильно понять характер эстетических восприятий, исходя только лишь из объективных свойств отображаемых в них явлений, безотносительно к способу их осознания людьми, способу их истолкования.

В связи с только что отмеченным уместно сказать, что в нашей эстетической литературе различными авторами довольно часто указывается на то, что эстетические восприятия сложились и могли сложиться на основе таких органов чувств, как зрение и слух. «Характерно, что из пяти чувств человека, — говорится в учебнике по основам марксистско-ленинской эстетики, — только два — зрение и слух — являются полноценной психофизиологической основой для собственно эстетических переживаний...»⁸

Однако, выдвигая эту мысль, авторы учебника не раскрыли ее. Они не привели для ее объяснения сколько-нибудь веских доводов. Ссылка же в учебнике на то, что «два чувства — зрение и слух — наиболее гибки, тонки, богаты, «одухотворены»...»⁹ — вряд ли может быть признана удовлетворительной.

П. Мезенцев в своей брошюре «Эстетическое восприятие» довольно категорически заявляет, что «в силу своей специфической природы эстетическое восприятие возникает только в результате зрительных и слуховых ощущений».¹⁰ «Воспринимаемое вкусом, обонянием и осязанием, — говорит он, — не является эстетическим».¹¹

П. Мезенцев исходит в данном случае из того, что обоняние, вкус и осязание предполагают практическое «вмешательство в структуру объекта восприятия». В отличие от них «слуховые и зрительные восприятия не касаются материи объекта, не вносят в нее ничего от себя и не впитывают ее в себя. И в этом смысле эстетическое восприятие можно назвать по-фейербаховски: теоретическим».¹²

Конкретизируя свои мысли по этому вопросу, П. Мезенцев заявляет далее, что «основа приятных ощущений вкуса, обоняния и осязания — физиологическая, основа эстетического восприятия — социально-историческая».¹³

Нам кажется, что столь категорические суждения данного автора лишены солидных оснований. Прежде всего П. Мезенцев не прав здесь в том, что связывает эстетическое восприятие лишь с двумя органами чувств. Невесть почему он совершенно игнорирует способность образов искусства вызвать у человека не только чисто зрительные и слуховые, но и другие чувства. Безусловно прав был М. Горький, когда в ответ на вопрос: «на каких восприятиях чаще всего строятся образы (зрительных, слухо-

⁸ Основы марксистско-ленинской эстетики, Госполитиздат, М., 1960, стр. 181.

⁹ Там же.

¹⁰ П. Мезенцев, Эстетическое воспитание, Гос. изд. Молдавии. Кишинев, 1953, стр. 17.

¹¹ Там же.

¹² Там же, стр. 23.

¹³ Там же, стр. 27.

¹⁴ Имеются в виду художественные образы.

вых, осязательных и т. д.)?»¹⁴ — ответил: «Разумеется — на всех восприятиях».¹⁵ Подобный ответ выступает, на наш взгляд, в качестве верного обобщения художественной практики. При этом данные слова М. Горького, разумеется, отнюдь не исключают того, что преобладающее значение при эстетическом восприятии играет зрение и слух.

Во-вторых, сама линия разграничения, проведенная П. Менделеевым между эстетическим восприятием «как социально-историческим по своей основе» и ощущениями вкуса, обоняния и осязания, «по основе своей физиологическими», — явно неправомерна, так как у всех без исключения ощущений и восприятий (в том числе и эстетических) есть физиологическая основа. Вне этой основы вообще нет и не может быть никаких восприятий. Общеизвестно, что и осязание, и вкус, и обоняние, и зрение, и слух есть и у животных, и у человека. Не менее очевидно, что опыт общественной жизни накладывает свою печать не только на развитие человеческого зрения и слуха, но и на другие его ощущения и восприятия. Другое дело, что этот опыт по-разному сказывается на развитии различных человеческих чувств. «У нормального человека, — пишет Л. Столович, — эстетическое восприятие опирается главным образом на чувство зрения и слуха, потому что именно эти чувства передают такие качества предметов и явлений, которые в наибольшей степени связаны с общественными отношениями человека».¹⁶

Именно эти чувства, добавим мы от себя, играют в практике объективных социальных отношений более значительную роль, чем осязание, обоняние и вкус. Они в значительно большей мере приспособлены к выполнению функций *социальной* информации. Эмоциональная реакция людей на те или иные общественные события по преимуществу тоже связана с органами зрения и слуха. В свете этого не удивительно, что именно эти чувства и создают для людей наиболее благоприятную возможность художественно отражать конкретно чувственные, живые картины общественной жизни.

Для отображения данных картин менее всего подходят чувства осязания, вкуса и обоняния. Ведь художественное освоение действительности появилось лишь в обществе и возникло оно во имя удовлетворения сугубо социальных запросов. Именно поэтому не осязание, обоняние и вкус, а зрение и слух составили физиологическую основу для возникновения эстетического восприятия.

Нам кажется, что в теснейшей связи с только что изложенным следует истолковывать и вопрос о «собственно эстетических чувствах», появляющихся у людей как результат эстетиче-

¹⁵ Русские писатели о литературном труде, т. 4, Л., 1956, стр. 176.

¹⁶ Л. Столович, Эстетическое в действительности и в искусстве, Госполитиздат, М., 1959, стр. 68.

ского восприятия тех или иных картин жизни или произведений искусства.

В психологической литературе эти чувства характеризуются обычно как «переживание чего-либо как прекрасного». Ничего другого по части характеристики эстетического чувства, по части выявления его специфики в совокупности других чувств (моральных, интеллектуальных и т. д.) психологи, как правило, не приводят.

Нетрудно заметить, что при подобной трактовке вопроса психологи обедняют содержание этого чувства, так как не принимают в расчет переживание трагического, комического, безобразного и т. д., которые тоже могут иметь и имеют эстетический характер.

К сожалению, неудачными явились отдельные попытки и некоторых советских эстетиков выяснить предмет и структуру эстетического чувства.

Так, Б. Кубланов в своей работе «Эстетическое чувство и искусство», как и значительная часть психологов, мог отметить лишь, что это чувство вызывается «всеми предметами и явлениями действительности, которые оцениваются нами как «прекрасное» или «безобразное».¹⁷ При этом никаких других черт, отличающих эстетическое чувство от других чувств, черт, выявляющих его специфику, он привести не смог. В этой связи нам представляется правильным подход к разрешению этого вопроса, данный Л. Столовичем в его книге «Эстетическое в действительности и в искусстве».

«Такие чувства, как любовь, ненависть, негодование, радость, горе и т. п., — пишет этот автор, — сами по себе не являются этическими, или интеллектуальными, или практическими, или эстетическими. Так, например, чувство негодования может быть и эстетическим (при восприятии отвратительного); но может быть и этическим (при отношении к аморальному поступку); радость или печаль могут быть эстетическими чувствами (при восприятии прекрасного или трагического), этическими чувствами (от сознания правильности поступка или, наоборот, его ошибочности), интеллектуальными и практическими чувствами (в процессе успешной или неуспешной научно-теоретической либо практической деятельности), религиозными чувствами (если связаны с представлением о сверхъестественном). Следовательно, свое качество как интеллектуальное, этическое, практическое, религиозное то или иное чувство приобретает в системе определенного типа отношения человека к действительности».¹⁸

Нам представляется, что вышеприведенная постановка во-

¹⁷ Б. Г. Кубланов, *Эстетическое чувство и искусство*, изд-во Львовского университета, 1956, стр. 29.

¹⁸ Л. Столович, указ. соч., стр. 125—126.

проса может служить отправным принципом для характеристики того, что принято называть эстетическим чувством.

Заметим лишь, что эстетическое переживание, которое субъект испытывает в процессе созерцания того или иного объекта, является обычно довольно сложным по своему характеру. Объект эстетического созерцания, как правило, вызывает в человеке состояние своеобразного возбуждения. Это возбуждение содержит в себе нечто приятное или, напротив, неприятное для субъекта. Зачастую эстетическое переживание включает в себя чувство удивления и влюбленности по отношению к объекту эстетического восприятия.

В период эстетического созерцания чувства субъекта, не относящиеся к предмету его эстетического восприятия, как бы приглушаются, меркнут. Иначе говоря, впечатляющее воздействие эстетического переживания нередко пробуждает у людей такую силу увлечения и восхищения, что все их остальные чувства этого периода словно утрачивают на какое-то время свою обычную значимость. Степень «приглушения» всех этих остальных переживаний всякий раз находится в прямой зависимости от силы собственно эстетического переживания, которое испытывает тот или иной человек.

Поступила в редакцию 1 января 1964.

ПРОБЛЕМА ПРЕКРАСНОГО И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ В АНТИЧНОЙ ЭСТЕТИКЕ

Л. Столович

Предлагаемый вниманию читателей историко-проблемный очерк является частью исследования категории прекрасного в связи с представлениями об идеале общественной жизни в до-марксистской эстетической мысли. Изучение проблемы прекрасного в связи с общественными идеалами имеет большое значение и для постижения сущности красоты, и для уяснения эстетического характера различных общественных идеалов.

В самом широком смысле прекрасное представляет собой категорию эстетики, в которой отражаются свойства явлений природы, общественной жизни, человека и его творческой деятельности, достойные высшей эстетической оценки, возбуждающие при их восприятии состояние радости, бескорыстной любви, чувство свободы, обогащающие и утверждающие эстетические идеалы.

При рассмотрении категории прекрасного, безусловно, важно учитывать ее гносеологический аспект, ее способность отражать определенные свойства и стороны действительности. Но при этом нельзя забывать, что эта категория выражает также определенный тип отношения человека к действительности, тесно связанный со всеми другими общественными отношениями. Гносеологический аспект категории прекрасного ни в коем случае нельзя отрывать от ее социального аспекта — отношения категории прекрасного к таким социальным явлениям, как свобода, общественный прогресс, нравственные отношения людей и сама человеческая личность. Поэтому в истории эстетики обнаруживается далеко не случайная связь между пониманием прекрасного, с одной стороны, и социальными идеалами, с другой.

Выявление в истории эстетики закономерностей в связи той или иной трактовки прекрасного с характером общественного идеала представляет не только исторический интерес. Перед марксистско-ленинской эстетикой стоит важная задача: раскрыть проявление и развитие прекрасного в процессе строительства коммунистического общества и тем самым определить эсте-

тическую природу коммунистического идеала. Решение этой задачи может осуществляться только при учете всего исторического опыта развития эстетической мысли.

Античная эстетика обладает особой ценностью в плане интересующей нас проблемы, ибо в ней взаимосвязь различных концепций прекрасного и представлений об идеальном общественном устройстве выражена необычайно отчетливо и классически ясно.

Мифологическая эстетика древней Греции. Афродита и легенда о «Золотом веке»

Мифология древних народов дает возможность охарактеризовать в известной мере их эстетические воззрения. То же относится и к древнегреческой мифологии. Но мифология древних греков являет своего рода целую мифологическую эстетику, в которой действующими лицами выступают персонифицированные эстетические представления. И если образы Муз позволяют нам судить о древнем понимании поэзии, ее основных родов, о взаимоотношении искусства и науки, то миф о богине красоты Афродите раскрывает первоначальные учения о красоте, предшествовавшие классической эстетической теории.

Исследователи считают, что прообразом Афродиты была финикийская богиня Луны Астарта — покровительница земного плодородия и любви. Историческое происхождение Афродиты свидетельствует о некоторых источниках самой идеи прекрасного, связанной не только с природными началами (свет луны, сила плодородия), но и с человеческой деятельностью, человеческими отношениями (земледелие, любовь мужчины и женщины).

По мифу, изложенному Гесиодом, Афродита возникла из морской пены, которая образовалась в результате того, что в море попал детородный член Урана, оскопленного Кроносом.¹ По мифу, сообщаемому Гомером, Афродита является дочерью бога Зевса. Таким образом, если в гомеровском варианте мифа о появлении Афродиты богиня любви и красоты непосредственно порождена богом, то у Гесиода, несомненно, преобладает представление о естественном ее происхождении. Притом, есть основания предположить, что гесиодовский миф является более старым. Как отмечает проф. И. М. Тронский, «мифы, сообщаемые Гесиодом о «старых» богах, содержат много архаических черт, которые из гомеровского повествования обычно устраняются как слишком грубые, например миф о Кроне, оскопляющем

¹ См. Эллинские поэты в переводах В. В. Вересаева, ГИХЛ, М., 1963, стр. 175.

своего отца Урана (Небо) ...»² О более древнем источнике ге-сиодовской версии мифа говорит и этимология имени богини красоты. Хотя греческое 'Αφροδίτη является заимствованием из семитских языков (Ašoreth), но это имя переосмыслено и переделано в соответствии с 'αφρός — «пена» и глагольным прилагательным от δέωτο — «появляться». Итальянский лингвист В. Пизани считает, что «имя богини стало истолковываться «та, которая появилась в пене» (или: которая сверкает) в соответствии с мифом о рождении богини из моря, если только, наоборот, этот миф не был создан в соответствии с именем; во всяком случае это образование достаточно древнее...»³

Нельзя не согласиться с С. Шевыревым в том, что оба варианта мифа о происхождении богини красоты выражают «два мнения противоположные о происхождении красоты, которые, как мы увидим, искони разделяли теорию искусства на две противные системы. По мнению иных, красота есть сама природа живая, органическая, рожденная из пены моря; по мнению других, она есть дочь творящей силы, Зевеса, и супруга художника».⁴

Следовательно, зачатки стихийно-материалистического и идеалистического истолкования сущности прекрасного содержатся в самой греческой мифологии.

Проф. А. Ф. Лосев в своем труде «Эстетическая терминология ранней греческой литературы» убедительно показал, что в гомеровском эпосе господствует стихийно-материалистическое понимание прекрасного. Прекрасное мыслится большей частью как нечто объективное и материальное.⁵ Конечно, нельзя не видеть у Гомера и элементов объективно-идеалистического объяснения прекрасного, когда оно рассматривается как «*боги или то, что так или иначе им подобно, или в той или иной степени приближается к ним*».⁶ Об этом говорит и широкое использование Гомером для эстетической характеристики явлений терминов «священный», «святой», «божественный», «дивный», употребление которых, по мнению А. Ф. Лосева, «является у Гомера остатком магически-демонической мифологии матриархата», однако эта мифология «поднята здесь на высшую, уже эстетически рефлексивную ступень, возможную только в период послеобщи́нного развития отдельной свободно-чувствующей личности».⁷

² И. М. Тронский, История античной литературы, Учпедгиз, Л., 1951, стр. 69.

³ В. Пизани, Этимология, изд. иностр. лит., М., 1956, стр. 134.

⁴ С. Шевырев, Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов, СПб., 1887, стр. 41.

⁵ См. Ученые записки (Московский гос. педагогический институт им. В. И. Ленина), том LXXXIII, кафедра классической филологии, вып. 4, стр. 141—148.

⁶ Там же, стр. 153.

⁷ Там же, стр. 69.

Исключительный интерес представляют соображения А. Ф. Лосева о содержании понятия прекрасного в гомеровском эпосе, выдвинутые им на основе тщательнейшего анализа эстетической терминологии. Это содержание, в частности, выступает как миф, но сама мифология рассматривается как *«проекция общино-родовых отношений на всю природу и на весь мир»*.⁸ Таким образом, через мифологическое содержание прекрасного выражалась его общественная сущность. Прекрасное у Гомера *«является в одно и то же время и самостоятельно данной созерцательной ценностью, и фактически данной, материально сработанной, производственно-достигнутой действительностью»*.⁹

Первоначальные эстетические воззрения древних греков выражались и в их идеалах счастливой человеческой жизни.

Представления о загробной жизни на «полях блаженных» у древних египтян, как и представления о райском бытии у других народов, были первыми своеобразными утопиями. Подобные взгляды были и у древних греков, которые верили в пребывание своих героев на «островах блаженных», на Елисейских полях, описываемых следующим образом в «Одиссее» Гомера:

В этих местах человека легчайшая жизнь ожидает.
Нет ни дождя там, ни снега, ни бурь не бывает жестоких.
Вечно там Океан бодрящим дыханьем Зефира
Веет с дующим свистом, чтоб людям прохладу доставить.¹⁰

Однако жизнелюбивому мировоззрению сынов Эллады даже блаженное существование на том свете не представлялось в качестве идеала человеческой жизни. Вот что сказал Одиссею, сошедшему в преисподнюю, царствующий там Ахиллес:

— Не утешай меня в том, что я мертв, Одиссей благородный!
Я б на земле предпочел батраком за ничтожную плату
У бедняка, мужика безнадельного, вечно работать,
Нежели быть здесь царем мертвецов, протившихся с жизнью.¹¹

Вера в существование «островов блаженных», находившихся где-то на западе, куда заходит солнце, на краю земли, для древних греков была не основанием стремиться попасть на тот свет, но, как это было и в древнем Китае, они совершали путешествия на своих судах, чтобы достигнуть этих островов. Как отмечает венгерский академик И. Тренчени-Вальдапфель, греки «переносили всё дальше на запад и местонахождение «островов

⁸ Там же, стр. 150.

⁹ Там же, стр. 151.

Подробную характеристику гомеровского представления о красоте см. также в книге А. Ф. Лосева «История античной эстетики (ранняя классика)» (изд. «Высшая школа», М., 1963, стр. 232—238).

¹⁰ Гомер, Одиссея. Перевод В. В. Вересаева. ГИХЛ, М., 1953, стр. 48.

¹¹ Гомер, Одиссея, стр. 137.

блаженных» с их красотой, соблазном и природными богатствами, побуждающими идти на смертельную опасность».¹²

По словам Ф. Энгельса, «древние были слишком стихийно материалистичны, чтобы не ценить земную жизнь бесконечно выше царства теней; у греков загробная жизнь считалась скорее несчастьем».¹³ Поэтому ранней формой социального идеала в древнегреческой идеологии была не загробная жизнь, а легенда об оставшемся позади «золотом веке», подобные которой были у многих народов (по библейскому сказанию, имеющему источником ассирио-вавилонские мифы, первые люди жили в райском саду, из которого они затем были изгнаны богом). О том, что эта легенда выражала не только общественный, но одновременно и эстетический идеал, свидетельствует само определение счастливого века как *золотого*. Правда, это определение у Гесиода связано с названием конкретного металла, как и определение других веков — серебряного, медного, железного. Однако если обозначение «медный» имело у Гесиода прямой смысл, так как поколение этого века жило в медных жилищах, обладало медными орудиями труда и войны, то название «золотой» имело исключительно эстетическое значение. Проф. А. Ф. Лосев в работе об эстетической терминологии ранней греческой литературы отметил, что уже у Гомера эпитет «золотой» выступает и как «оценочная эстетическая категория».¹⁴ В таком же значении эпитет «золотой» определяет поколение людей, которое прежде всего создали «вечноживущие боги». Это тем более очевидно, что жизнь людей в «золотом веке» не связана с золотом как металлом. Она «золотая» в смысле «прекрасная». Вот как ее описывает Гесиод:

Жили те люди, как боги, с спокойной и ясной душою,
Горя не зная, не зная трудов. И печальная старость
К ним приближаться не смела. Всегда одинаково сильны
Были их руки и ноги. В пирах они жизнь проводили.
А умирали, как будто объятые сном. Недостаток
Был им ни в чем неизвестен. Большой урожай и обильный
Сами давали собой хлебодарные земли. Они же,
Сколько хотелось, трудились, спокойно собирая богатства, —
Стад обладатели многих, любезные сердцу блаженных.¹⁵

Легенда о Золотом веке, созданная народным творчеством, излагалась и другими поэтами и писателями. Золотой век — век Кронаса представлялся как время всеобщего равенства, общности благ, жизнь без богатых и бедных, без слуг и господ.

¹² И. Тренчени — Вальдапфель, Гомер и Гесиод, изд. иностр. лит., М., 1956, стр. 55.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 423.

¹⁴ Ученые записки (МГПИ им. В. И. Ленина), том LXXXIII, каф. классической филологии, вып. 4, М., 1954, стр. 88.

¹⁵ Эллинские поэты в переводах В. В. Вересаева, стр. 145.

В своем варианте легенды о Золотом веке Платон говорит о тогдашней любви людей друг к другу, об их доброжелательности, связывая это с изобилием пастбищ, молока, мяса, одежды, жилищ и утвари. Не было бедности и порождаемой ею вражды, не существовали и богатые, так как в те времена не было ни золота, ни серебра. Отсутствие богатства и бедности привело к возникновению наиболее благороднейших нравов, а в своем поведении люди руководствовались эстетическими критериями: «будучи благонравными, они считали истинным и повиновались тому, что слышали о прекрасном и безобразном».¹⁶

«Никакого золотого века позади нас не было, — писал В. И. Ленин, — и первобытный человек был совершенно подавлен трудностью существования, трудностью борьбы с природой».¹⁷ Легенды о Золотом веке создавались по контрасту с существующим «железным веком», с его ужасающими противоречиями, социальными конфликтами, моральной деградацией. В этих легендах также, по-видимому, отразились в фантастической форме смутные воспоминания о далеких временах первобытно-общинного строя с его социальным равенством, отсутствием антагонизма богатых и бедных. Академик В. П. Волгин отмечает существование «коммунистического варианта» легенды о Золотом веке. Однако, по его мнению, «эти коммунистические представления, относимые куда-то в отдаленное прошлое, не обладали действенной силой, не имели значения руководящего общественного идеала».¹⁸

Теперь обратимся от предыстории древнегреческой эстетики к ее истории и посмотрим, как в ней осмыслилась категория прекрасного и каким образом гносеологическая интерпретация этой категории была связана с трактовкой прекрасного в человеке, в общественной жизни и в социальных идеалах.

Прекрасное и человек в «космологической» эстетике Пифагора и Гераклита

У древнейших представителей античной эстетики не было никакого сомнения в объективности прекрасного, которое мыслилось как неотъемлемое свойство мира, космоса (*Kosmos* по-древнегречески означает не только «мир», «порядок», но и «украшение»). Однако объяснение объективно прекрасного у разных мыслителей было различным.

Для пифагорейцев красота есть гармония, внутренне присущая миру в целом. Ямвлих в сочинении «О пифагорейской

¹⁶ Платон, Творения, т. XIII, «Academia», Пб., 1923, стр. 85.

¹⁷ В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 5, стр. 103.

¹⁸ В. П. Волгин, Очерки по истории социализма, изд. 4-е, изд. АН СССР, М.—Л., 1935, стр. 23.

жизни» писал о том, что Пифагор «вонзал ум в воздушные симфонии мира», «слушал и понимал универсальную гармонию и созвучия сфер и движущихся по ним звезд, [созвучие], создавшее полнейшую, чем у смертных, и более насыщенную песнь при помощи движения и круговращения, совершающегося благозвучнейше и вместе разнообразно-прекрасно...».¹⁹ Гармония и симметрия делают прекрасными и отдельные предметы. Находившийся под влиянием пифагореизма скульптор Поликлет как в теоретическом трактате «Канон», так и в статую того же названия стремился доказать, что красота тела заключается «в симметрии частей».²⁰ Музыкальное искусство, исключительно высоко ценимое пифагорейцами, рассматривалось ими как «гармоническое соединение противоположностей».²¹ Сила искусства, в особенности музыки, состоит в том, что оно своей гармонией способно приводить к первоначальной гармонии человеческий дух и даже тело.²²

В пифагорейском учении о гармонии как сущности прекрасного содержались, несомненно, элементы диалектики, поскольку оно полагало, что «гармония вообще возникает из противоположностей», что гармоническое соединение противоположностей есть «приведение к единству многого и согласие разногласного».²³ Пифагорейцы впервые в эстетической мысли попытались математически изучать гармонические отношения, а также стремились при исследовании прекрасного опираться на сочетание различных областей знания — акустики, арифметики, геометрии, физики, астрономий.

Однако не следует забывать, что пифагорейская эстетика исходила из объективно-идеалистического понимания прекрасного и его основы — гармонии: «О природе и гармонии следует мыслить так: Сущность вещей, будучи самой их вечною природой, подлежит не человеческому, но божественному ведению».²⁴ Они обожествляли математические начала бытия, и, говоря словами Аристотеля, «элементы чисел они предположили элементами всех вещей и всю вселенную <признали> гармонией и числом».²⁵

С точки зрения задачи настоящего исследования представляет исключительно большой интерес то, что учение пифаго-

¹⁹ Античная музыкальная эстетика, Гос. музыкальное издательство, М., 1960, стр. 128—129.

²⁰ История эстетики, Памятники мировой эстетической мысли, т. I, изд. АХ СССР, 1962, стр. 82.

²¹ Античные мыслители об искусстве, Гос. изд. «Искусство», 1938, стр. 6.

²² См. История эстетики, Памятники мировой эстетической мысли, т. I, стр. 82.

²³ Античные мыслители об искусстве, стр. 6.

²⁴ История эстетики, Памятники мировой эстетической мысли, т. I, стр. 80.

²⁵ Аристотель, Метафизика, Гос. соц.-эк. изд., М.-Л., 1934, стр. 27.

рейцев о гармонии «проецировалось» на их организационно-политическую деятельность. «Пифагорейский союз, — как отмечал А. Маковельский, — видит свою задачу в том, чтобы проводить в жизнь тот закон, ту меру, гармонию, красоту, которые он усмотрел в основе вселенной».²⁶ И даже, возможно, сама политическая деятельность пифагорейцев была одним из социальных источников учения о гармонии как соединении «разнообразной смеси» и согласия «разногласного». По наблюдению Дж. Томсона, «слова *δίχα φρονέω* «разногласие» и *σμφρόνως* «согласие» были дорическими, а их аттическими эквивалентами являются *στάσις* и *ὁμόνοια*, соответствующие латинским *certamen* и *concordia*. Все эти слова взяты из области общественных отношений...».²⁷

В советской историко-философской литературе высказывалась точка зрения, согласно которой учение Пифагора о гармонии «в первую очередь имело в виду политическую сторону дела. В социальном смысле пифагорова гармония служила теоретическим обоснованием господства аристократии: пифагорейцы противопоставляли «порядок» «своеволию черни».²⁸ Правда, аристократическая сущность пифагореизма ставится под сомнение некоторыми современными исследователями античной философии (Дж. Томсон, А. Ф. Лосев²⁹), но бесспорно то, что в активной политической деятельности пифагорейского союза отразились пифагорейские представления о гармонии как в той роли, которую играло в союзе музыкальное «очищение», так и в религиозно-мистических этических воззрениях пифагорейского братства. Приходя к власти, пифагорейцы стремились реализовать свое учение о гармонии, учреждая «гармонию» как такой порядок, который означал бы «согласие разногласного». Однако восстававшие подданные практически опровергали насаждаемую пифагорейцами на земле абсолютную «небесную» гармонию.

Гераклит Эфесский, как и пифагорейцы, считает космос «прекраснейшим».³⁰ «Прекраснейшей» он называет и гармонию.³¹ Но в отличие от объективного идеализма пифагорейцев, Гераклит рассматривает прекрасное как результат действия естественной закономерности, прежде всего, закона единства и борьбы про-

²⁶ А. Маковельский, Досократики, Часть первая. Казань, 1914, стр. 67.

²⁷ Дж. Томсон, Исследования по истории древнегреческого общества, том II. Первые философы, изд. иностр. лит., М., 1959, стр. 252—253. В книге содержится опечатка. Вместо: *σμφρόνως* следует: *σμφρόνως*.

²⁸ История философии, том I. Политиздат, 1941, стр. 43.

²⁹ См. Дж. Томсон, Исследования по истории древнегреческого общества, том II, стр. 239 и стр. 345 («Послесловие» А. Ф. Лосева).

³⁰ Материалисты древней Греции, Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура, Госполитиздат, М., 1955, стр. 52.

³¹ Там же, стр. 42.

тивоположностей: «Враждующее соединяется, из расходящихся — прекраснейшая гармония, и все происходит через борьбу».³² Притом концепция гармонии у Гераклита была более диалектична, чем у пифагорцев. Если у последних в гармонии подчеркивается главным образом застывшее «единство» и «согласие», то, как отметил М. А. Дынник, «гармония Гераклита» отнюдь не является простым отрицанием борьбы, но ее диалектическим преодолением — упругой напряженностью противоположных тенденций».³³

Однако при чтении некоторых фрагментов эфесского мыслителя, как, например: «У бога прекрасно всё, и хорошо, и справедливо, люди же одно считают несправедливым, другое — справедливым»³⁴, может возникнуть вопрос: не является ли его учение о прекрасном тоже объективно-идеалистическим? На этот вопрос может ответить, лишь выяснив, что называл Гераклит богом. Не вызывает сомнения то, что Гераклит отвергал традиционные мифологические представления о богах. Бог для него не демиург мира, космоса, о чем свидетельствует замечательный фрагмент: «Этот космос, один и тот же для всего существующего, не создал никакой бог и никакой человек, но всегда он был, есть и будет вечно живым огнем, мерами загорающимся и мерами потухающим».³⁵ Больше того, сами боги порождаются законом всеобщей борьбы: «Война — отец всего и царь всего; одним она определила быть богами, другим — людьми».³⁶ Можно, по-видимому, согласиться с Ф. Х. Кессиди, считающим, что бог у Гераклита выступает как «логос мира, его всеобщий закон».³⁷ Эфесский мыслитель употреблял слово «бог» также в образном значении: «Образ мыслей человека — его божество».³⁸

Сказанное выше позволяет говорить о материалистическом понимании Гераклитом прекрасного, хотя этот материализм не свободен от пантеистических черт.

Величайший диалектик древности видел и объективную относительность прекрасного: «Прекраснейшая обезьяна отвратительна по сравнению с человеческим родом».³⁹ Гераклит, таким образом, приходит к гениальной мысли о человеке как объективном критерии прекрасного, мысли, которая, как мы увидим, получит дальнейшее развитие и обоснование в последующей истории древнегреческой эстетики. Правда, Гераклит также писал: «Мудрейший из людей по сравнению с богом покажется

³² Там же.

³³ М. А. Дынник, *Диалектика Гераклита Эфесского*, М., 1929, стр. 73.

³⁴ *Материалисты древней Греции*, стр. 50.

³⁵ Там же, стр. 44.

³⁶ Там же, стр. 46.

³⁷ Ф. Х. Кессиди, *Философские и эстетические взгляды Гераклита Эфесского*, изд. АХ СССР, М., 1963, стр. 79.

³⁸ *Материалисты древней Греции*, стр. 52.

³⁹ Там же, стр. 49.

обезьяной в отношении мудрости, красоты и всего прочего».⁴⁰ Но помимо того, что отмечалось о значении слова «бог» в учении Гераклита, надо иметь в виду одну особенность греческого мировоззрения, на которую обратил внимание молодой Маркс, говоря о богах Эпикура: «Это — пластические боги греческого искусства».⁴¹ А как известно, «пластические боги греческого искусства» являли собой идеал человека, в том числе его красоты.

Человек как мера прекрасного в «антропологической» эстетике Демокрита, Протагора, Сократа

В философии Демокрита, которую В. И. Ленин рассматривал как типичнейшее выражение материализма, античная теория красоты получила свое дальнейшее развитие. К. Гильберт и Г. Кун в написанной ими «Истории эстетики», по существу, не делают различия между взглядами на прекрасное Демокрита и Пифагора, считая и те и другие детищами антропоморфической космологии.⁴² На самом же деле эстетика Демокрита, в том числе его представления о прекрасном являются значительным шагом вперед по сравнению с предшествующей эстетической мыслью даже в методологическом отношении. Как правильно отметил В. Ф. Асмус, «понятия эстетики оказались у Демокрита, с одной стороны, связанными с основами его материалистической атомистики, материалистической оптики и акустики, учения о языке и слове, с другой же стороны, оказались неотделимыми от понятий его этики».⁴³

В обстоятельнейшем исследовании проф. А. Ф. Лосева «История античной эстетики (ранняя классика)» атомизм рассматривается как последняя и наиболее ярко выраженная ступень «греческой классической космологии и эстетики вообще»,⁴⁴ а эстетическое учение Демокрита характеризуется как «натурфилософская эстетика».⁴⁵ В то же время проф. А. Ф. Лосев отмечает, что «космологизм Демокрита находится уже на пути к разложению и требует каких-то новых, уже не просто космологически-натуралистических методов».⁴⁶ По мнению автора книги, «основной принцип греческого атомизма сводится к тому, что здесь

⁴⁰ Там же.

⁴¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, М., 1956, стр. 44.

⁴² См. К. Гильберт, Г. Кун, История эстетики, изд. иностр. лит. М., 1960, стр. 19—20.

⁴³ В. Ф. Асмус, Классики античной эстетики. В кн. Античные мыслители об искусстве, стр. XXIV.

⁴⁴ А. Ф. Лосев, История античной эстетики (ранняя классика), Гос. изд. «Высшая школа», М., 1963, стр. 427.

⁴⁵ А. Ф. Лосев, История античной эстетики, стр. 458.

⁴⁶ Там же, стр. 498.

мы впервые в истории философии и эстетики находим попытку выдвинуть на первый план учение об *индивидууме*»,⁴⁷ хотя «атомизм *вовсе не является тем, что мы могли бы назвать индивидуализмом*». ⁴⁸ Проф. А. Ф. Лосев убедительнейше показывает, как атомистическая натурфилософия в плане эстетики приводит к концепции «эстетического субъекта». ⁴⁹

Изучение фрагментов Демокрита, на наш взгляд, дает все основания сделать вывод, что в своем понимании прекрасного великий атомист, по сути дела, выступает уже как представитель «антропологического» этапа развития древнегреческой эстетики.

В отличие от «космологической» эстетики его философских предшественников, воззрения Демокрита на космос кажутся лишенными какого бы то ни было эстетического аспекта. Вместо «воздушных симфоний мира» Пифагора и «прекраснейшего строя мира» Гераклита — движение атомов в пустоте по строгим законам причинности и необходимости. Более того, знакомясь с фрагментами и свидетельствами о философии Демокрита, можно подумать, что он вообще не должен был бы признавать объективность прекрасного. Во многих свидетельствах до нас дошла следующая мысль абдерского философа: «*[Лишь] в общем мнении существует сладкое, в мнении — горькое, в мнении — теплое, в мнении — холодное, в мнении — цвет, в действительности же [существуют только] атомы и пустота*». ⁵⁰ Спрашивается, если Демокрит полагает, что кроме атомов «все какие ни есть прочие признаки [вещей] субъективны» ⁵¹, то не считает ли он, что и прекрасное является лишь субъективным?

Но, с другой стороны, мы можем как раз у Демокрита встретить высказывание: «Прекрасно по природе одно, по закону же — другое, справедливого же вообще не существует по природе». ⁵² Из этого высказывания следует, что Демокрит признает объективность прекрасного («прекрасное по природе»), отличая его от общепринятых установлений («прекрасное по закону») и противопоставляя справедливому, не существующему вообще по природе. Как же совместить все эти, на первый взгляд, логически противоречивые высказывания? Для этого требуется более внимательно разобраться в гносеологии Демокрита, в тесной связи с которой находится его представление о прекрасном.

Не будем забывать, что теория познания Демокрита представляет собой пусть еще наивную, но безусловно в своей основе научную, материалистическую теорию отражения: «ощущение и

⁴⁷ Там же, стр. 446.

⁴⁸ Там же, стр. 449.

⁴⁹ См. там же, стр. 473—479.

⁵⁰ Материалисты древней Греции, стр. 76.

⁵¹ Там же, стр. 101.

⁵² Там же, стр. 152.

мышление возникают вследствие того, что приходят извне образы». ⁵³ Судя по ряду фрагментов, можно сказать, что Демокрит подымается до понимания диалектического единства объективного и субъективного в процессе восприятия, преодолевая тот «наивный реализм», по которому ощущение не носит такого бы то ни было субъективного характера. По его мнению, мы «*воспринимаем лишь* то, что изменяется в зависимости от состояния нашего тела и входящих в него и оказывающих ему противодействие *истечений от вещей*». ⁵⁴ Теофрасту кажется, что Демокрит впадает в неразрешимое противоречие, когда «он одновременно делает [эти качества] состояниями чувственного восприятия и вместе с тем определяет их формами [атомов]». ⁵⁵ Но Демокрит не впадает в противоречие, а констатирует его существование при восприятии субъектом объективного мира. Демокрит пытается в самих свойствах атомов найти основание для восприятия различных звуков, вкусовых качеств, цвета, стремится даже определить «самый прекрасный цвет» — золотистый с малой примесью зеленого. ⁵⁶

Разумеется, все эти предположения не могли не быть произвольными, так как сама атомистическая концепция Демокрита была лишь только одной из первых догадок о действительном строении материи и сами атомы представлялись еще чрезвычайно механистично. Но это была гениальная догадка, позволившая и в теории познания поставить вопрос о соотношении объективного и субъективного, не отрывая эти стороны друг от друга, как это делали, например, философы элейской школы.

Рассматривая чувственно воспринимаемое как единство объективного и субъективного, форм атомов и состояния человеческого тела, Демокрит говорит о единой природе чувственных качеств, определяемых единой природой человеческого организма. Поэтому «здоровое [состояние тела истиннее] больного». ⁵⁷ Так Демокрит приходит к новому пониманию объективности и реальности. Человек, состоящий из атомов, ведь есть тоже объективная реальность, как и его взаимоотношение с атомами других явлений, взаимоотношение, выражающееся в единой природе чувственных качеств: «если и не посредством одного и того же [внешнего раздражения] возникает у всех [ощущение] сладкого и горького, но, по крайней мере, природа горечи и сладости является одной и той же у всех». ⁵⁸ Так материалистическое понимание мира приводит Демокрита к антропологизму, кото-

⁵³ Там же, стр. 80.

⁵⁴ Там же, стр. 76.

⁵⁵ Там же, стр. 81.

⁵⁶ Там же стр. 93.

⁵⁷ Там же, стр. 82.

⁵⁸ Там же, стр. 82.

рый и лежит в основе его понимания сущности прекрасного: «мудрый человек есть мера всего, что существует».⁵⁹

В этом нельзя усматривать субъективизм, так как, по Демокриту, «мудрый человек» выступает как объективный критерий всякой оценки, будучи сам наиболее прекрасным явлением. Вот в этом отношении в высшей степени показательное изречение: «Телесная красота человека есть нечто скотоподобное, если под ней не скрывается ум».⁶⁰ Прекрасное, по Демокриту, может проявляться и как качество самого человеческого духа: «Счастье же он называет «хорошим расположением духа, благосостоянием, гармонией, симметрией и невозмутимостью» [духа]. Возникает же оно, [счастье], из [правильного] разграничения и различения удовольствий, и оно есть самое прекрасное и самое полезное для людей».⁶¹ Отношением к человеку Демокрит характеризует не только прекрасное, но и безобразное: «от того, что гниет, удерживает, по Демокриту, и отвращение вследствие [неприятного] ощущения, доставляемого [гниющими телами] обонянию, и вследствие безобразия [их для зрения]. Ибо приводятся к такому состоянию, если бы даже умирали, обладая дородностью и красотой... Очевидно, что [нечто] аналогичное сказанному должно быть высказано и относительно дурного цвета и вообще безобразия».⁶²

С точки зрения «мудрого человека», являющегося «мерой всего», определяется эстетическое значение самой меры: «Если перейдешь меру, то самое приятное станет самым неприятным».⁶³ А поэтому «прекрасна надлежащая мера во всем. Излишек и недостаток мне не нравятся».⁶⁴

Хотя Демокрит обращает внимание на возможность противоречия в эстетическом плане между внешним и внутренним («Бывают женщины, которые, подобно идолам (образам), великолепны на вид своей одеждой и украшениями, но лишены сердца»⁶⁵), все же для него несомненна связь прекрасного и нравственного: «Хвалить за хорошие дела — прекрасно, но прославлять за дурные дела есть дело человека лукавого и обманщика».⁶⁶ Речь идет, очевидно, о «хороших делах» в соответствии с передовыми для своего времени этическими и политическими взглядами Демокрита — сторонника демократии и свободного развития личности, но, разумеется, не личности раба.

Об антропологической трактовке Демокритом объективности

⁵⁹ Там же, стр. 85.

⁶⁰ Там же, стр. 156.

⁶¹ Там же, стр. 157.

⁶² Там же, стр. 140—141.

⁶³ Там же, стр. 160.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же, стр. 166.

⁶⁶ Там же, стр. 164.

прекрасного свидетельствует следующее его изречение: «Только хорошие от природы познают прекрасное и стремятся к нему».⁶⁷ Но великий материалист древности подымается до понимания роли воспитания в «преобразовании» человека: «Учение перестраивает человека, природа же, перестраивая, делает [человека], и нет никакой разницы, быть ли таковым, вылепленным от природы, или от времени и учения быть преобразованным [в такой вид]».⁶⁸ Поэтому «природа и учение подобны».⁶⁹ Следовательно, в процессе воспитания можно научить человека познавать прекрасное и стремиться к нему. Вот почему «прекрасные вещи вырабатывает учение посредством трудов».⁷⁰ Так впервые в эстетической мысли мы встречаем здесь идею, утверждающую роль труда в создании прекрасного, хотя в данном случае этот труд выступает лишь как средство воспитания и обучения.

Создание прекрасного в искусстве предполагает, по Демокриту, «божественный талант» и «божественное вдохновение».⁷¹ Если мы вспомним, что сами демокритовы боги состоят из атомов и не бессмертны, то, видимо, Демокрит имел в виду исключительный талант и необычайное вдохновение.

Таким образом, в понимании прекрасного Демокрит исходит уже не из «космологической», а, так сказать, «антропологической», гуманистической эстетики. В последующем развитии древнегреческой эстетики осмысление прекрасного с точки зрения его человеческого и социального значения становится доминирующим. Да и в развитии самой философии под влиянием определенных социально-исторических факторов со времени софистов наблюдается все больший интерес не к чисто космологическим вопросам, а к проблемам, непосредственно связанным с человеческой личностью, ее поведением и познанием ею мира.⁷²

Однако господство «антропологической» эстетики отнюдь не означало, что в трактовке категории прекрасного методологические позиции различных мыслителей были едины. Дело как раз обстоит наоборот. Материалы античной эстетики убедительно показывают, что признание человеческого и социального значения прекрасного может совершаться с различных гносеологических и социальных точек зрения.

---

⁶⁷ Там же, стр. 172.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же, стр. 175.

⁷² В статье Ю. Давыдова «Царь Эдип, Платон и Аристотель (античная трагедия как эстетический феномен)» («Вопросы литературы», 1964, г., № 1) превосходно выявлено, как в античной трагедии и эстетике отразился «процесс выделения индивида из-под абсолютной власти общественного целого» (стр. 175).

Как мы стремились показать, интерпретация прекрасного Демокритом в свете положения: «Мудрый человек есть мера всего, что существует» не означала измену материализму в устах величайшего материалиста древней философии. Но вот перед нами тезис крупнейшего представителя философии софистов Протагора: «человек есть мера всех вещей — существующих, что они существуют, не существующих, что они не существуют»,⁷³ тезис, известный из диалогов Платона «Теэтет», «Кратил», «Протагор» и «Законы», а также по сообщению Секста Эмпирика.⁷⁴ Что означало применение этого тезиса к истолкованию прекрасного?

Внешне положение Демокрита и тезис Протагора очень схожи, но между ними обнаруживается весьма существенное различие. Демокрит, называя «мудрого человека» мерой всего, что существует, не ставит даже под сомнение реальность существующего. Человек, притом мудрый, то есть лучший представитель человеческого рода, выступает как объективная мера (ведь сам же мудрый человек — тоже существующая реальность!) того, что существует до него и без него. Тезис Протагора означает нечто другое: человек есть мера существования или несуществования. Как пишет Секст Эмпирик, по учению Протагора, «критерием сущего является человек, ибо все, что кажется людям, и существует; то же, чего не кажется никому из людей, и не существует».⁷⁵

Совершенно ясно, что применение этого тезиса к истолкованию категории прекрасного логически не может не привести к субъективизму, о чем и свидетельствует Платон, излагая воззрения Протагора в «Теэтете»: «Действительно, что каждому государству кажется справедливым и прекрасным, то и существует для него как таковое, пока оно так думает...».⁷⁶

Конечно, не вполне достоверно, в какой мере эти субъективистские взгляды на прекрасное и общественный эстетический идеал были присущи историческому Протагору, который являлся философским и политическим противником Платона как идеолог демократии. Даже Бертран Рассел полагает, что учение Протагора дается Платоном в карикатурном виде.⁷⁷ Тот же Платон в диалоге «Протагор» вкладывает в уста Протагора такие слова: «Верно все знают, что прекрасное и противоположное тому получается от природы и случая»,⁷⁸ то есть прекрасное и безобразное существуют объективно и в этом смысле противо-

⁷³ Платон, Теэтет, Соцэкгиз, М.-Л., 1936, стр. 32.

⁷⁴ См. Секст Эмпирик, Три книги пирроновых положений, СПб., 1913, стр. 66.

⁷⁵ Там же, стр. 67.

⁷⁶ Платон, Теэтет, стр. 68.

⁷⁷ См. Бертран Рассел, История западной философии, изд. иностр. лит., М., 1959, стр. 179.

⁷⁸ Платон, Сочинения, ч. I, СПб., 1863, стр. 77.

поставляются благам, приобретаемым «старанием, упражнением и наукою».⁷⁹

По всей вероятности, понимание Протагором прекрасного было столь же противоречивым, как и его общефилософское учение, на что справедливо обращает внимание М. А. Дынник: «Итак, с одной стороны, Протагором выдвигается материалистическое учение о всеобщем развитии реального мира и, с другой стороны, в его теории познания имеется тенденция к субъективному пониманию человека как меры всех вещей».⁸⁰ М. А. Дынник считает, что и сам знаменитый тезис Протагора может быть переведен с древнегреческого языка иначе, чем это обычно делается: «Человек есть мера всех вещей, существующих, как они существуют, и не существующих, как они не существуют», и, следовательно, не выражает абсолютный релятивизм.⁸¹ Но бесспорно то, что потребности «практики» софистов, обслуживающих порой противоположные общественные силы, толкали их ко все большему субъективизму.

В эстетических воззрениях Сократа, насколько мы имеем возможность судить о них по свидетельствам Ксенофонта и Платона, человеческий аспект прекрасного также находится в центре внимания, но истолковывается иначе, чем и у Демокрита и у Протагора. В. И. Ленин, конспектируя «Лекции по истории философии» Гегеля, делает выписку: «Протагор: «человек мера всех вещей». Сократ: «человек, как мыслящий, есть мера всех вещей», четырежды отчеркивает ее и на полях пишет: «Отте-нок!».⁸²

Если суждения о прекрасном прежних мыслителей нам приходилось, так сказать, «выуживать» из их рассуждений, специально, как правило, не посвященных эстетическим проблемам, то у Сократа впервые намечается стремление к прямому анализу категории прекрасного, к выявлению его сущности через сопоставление с другими явлениями и их понятиями.

Прекрасное присуще предметам, которые могут быть совершенно не похожи друг на друга. По воспоминаниям Ксенофонта, Сократ говорил: «на человека, прекрасного в беге, клянусь Зевсом, непохож другой, прекрасный в борьбе; щит, прекрасный для защиты, как нельзя более непохож на метательное копье, прекрасное для того, чтобы с силой быстро лететь».⁸³ Более того, один и тот же предмет может быть и прекрасным и безобразным: «часто то, что прекрасно для бега, безобразно для

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ М. А. Дынник, Очерки истории философии классической Греции, Соцэкгиз, 1936, стр. 169.

⁸¹ Там же, стр. 167.

⁸² В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 29, стр. 249.

⁸³ Ксенофонт Афинский, Сократические сочинения, изд. «Academia», М.-Л., 1935, стр. 116.

борьбы, а то, что прекрасно для борьбы, безобразно для бега».⁸⁴ Таким образом, Сократ дальше развивает мысль Гераклита и софистов об относительности прекрасного: Однако сократовское понимание этой относительности свободно от того субъективистского релятивизма, который был в рассуждениях софистов, рассматривавших прекрасное в зависимости от того, как предмет представляется субъекту: прекрасно то, что человек — «мера всех вещей» — считает прекрасным. Сократ пытается найти иной критерий прекрасного: «все хорошо и прекрасно по отношению к тому, для чего оно хорошо приспособлено, и, наоборот, дурно и безобразно по отношению к тому, для чего оно дурно приспособлено»;⁸⁵ «одни и те же дома и прекрасны и целесообразны».⁸⁶

Критерий прекрасного, по Сократу, прежде всего целесообразность. И навозная корзина — прекрасный предмет, а золотой щит — безобразный, «если для своего назначения первая сделана прекрасно, а второй дурно».⁸⁷ Красота целесообразности ведет к целесообразности красоты. Прекрасное поэтому для Сократа связано с полезностью: «полезное прекрасно для того, для чего оно полезно».⁸⁸ Так впервые в эстетической мысли четко ставится вопрос о соотношении прекрасного и целесообразного, прекрасного и полезного и дается ему определенное решение.

Правда, иногда полагают, что Сократ полностью отождествлял прекрасное и полезное, ссылаясь на спор Критобула и Сократа, изложенный в «Пире» Ксенофонта. В ходе этого спора Сократ, славившийся своей безобразностью, исходя из совпадения прекрасного и полезного, доказывает, что и его глаза «на выкате», и его приплюснутый нос, и его толстые губы — образец красоты.⁸⁹ Но нам думается, в этом споре нельзя не видеть знаменитую сократовскую иронию и пародию на софистические доказательства, по которым черное есть белое. Сократ же, спорящий с софистом Гиппием в диалоге Платона «Гиппий Большой», как раз опровергает определение прекрасного через «пригодность» и полезность («то, что пригодно для совершения чего-нибудь дурного, — неужели мы их назовем прекрасными...?»⁹⁰).

Трудно судить, в какой мере платоновский Сократ соответствует историческому, но представляется бесспорным, что у последнего целесообразность и полезность как критерии прекрас-

⁸⁴ Там же, стр. 117.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же, стр. 171.

⁸⁹ См. там же, стр. 231—232.

⁹⁰ Платон, Творения, т. IX, «Academia», Л., 1924, стр. 29.

ного имеют значение не сами по себе. И то и другое есть свидетельство разумности: «Надо полагать, конечно, что предметы, получающие бытие для какой-нибудь пользы, — творения разума»⁹¹. Вспомним, что для Сократа мыслящий человек есть мера всех вещей. Не случайно афинский философ подчеркивает необходимость выражать в искусстве духовное начало, «состояние души».⁹²

Но разумность у Сократа сама имеет божественное происхождение и является, таким образом, свидетельством божественного мироустройства, стороной которого выступает и красота. Божественная душа человека способна видеть созданный богами прекрасный мир: «Однако бог нашел недостаточным позабиться только о теле, но, что важнее всего, он насадил в человеке и душу самую совершенную. Так, прежде всего, у какого другого существа душа заметила, что есть боги, создавшие этот великий, прекрасный мир?»⁹³

Сократ, как мы видим, гениально поставил вопрос о практической обусловленности прекрасного через его связь с полезностью и целесообразностью. Это в области эстетики подтверждает мысль К. Маркса о том, что «*деятельная* сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом», но подтверждает и то, что эта сторона развивалась идеализмом «только абстрактно, так как идеализм, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой».⁹⁴ Поэтому Сократ в понимании сущности прекрасного совершает переход от человеческого к божественному. Теперь уже не нужна формула «человек есть мера всех вещей» в любой ее интерпретации. И ученик Сократа — Платон провозглашает в своих «Законах»: «У нас мерой всех вещей, преимущественно, пусть будет бог, гораздо более, чем какой-либо человек, как это некоторые утверждают».⁹⁵

Идея красоты и идеал государства Платона

Философия Платона имеет чрезвычайно важное значение для исторического рассмотрения интересующей нас проблемы: связь категории прекрасного с общественным идеалом. С одной стороны, Платон детально разработал объективно-идеалистическое учение о прекрасном, с другой — он автор социальной утопии, нарисовавший подробную картину идеального, с его точки зрения, общественного устройства. И эти две стороны ми-

⁹¹ Ксенофонт Афинский, Сократические сочинения, стр. 44.

⁹² Там же, стр. 124.

⁹³ Там же, стр. 46—47.

⁹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 1.

⁹⁵ Платон, Творения, т. XIII, стр. 130.

ровоззрения Платона принципиально взаимосвязаны. Эстетический характер платоновского социального идеала не может не привлечь самого серьезного внимания при научном исследовании проблемы прекрасного в связи с коммунистическим переустройством общества. Ведь известно, что утопия Платона оказала некоторыми своими положениями воздействие на ранних коммунистов-утопистов. И в то же время провозглашение Платона «коммунистом» является одним из софистических методов дискредитации действительно коммунистической идеологии ее противниками.

В диалоге «Гиппий Большой» Платон убедительно показывает несостоятельность одностороннего подхода к прекрасному, когда в качестве основы прекрасного берется какой-либо материал, например, золото или слоновая кость, ибо на своем месте смоковница не менее прекрасна, чем золото или слоновая кость, так как «подходящее более прекрасно, чем не подходящее».⁹⁶ Однако определение прекрасного через пригодность и полезность не удовлетворяет Платона, как и субъективная характеристика прекрасного в качестве того, «что радует нас через посредство слуха и зрения».⁹⁷ Вслед за Сократом Платон проводит четкое различие между сущностью прекрасного и ее проявлениями, между тем, «что такое прекрасное» и тем, «что прекрасно».⁹⁸ Это, несомненно, представляет собой значительный шаг в теоретическом осмыслении проблемы прекрасного, в изучении понятия прекрасного как особой эстетической категории.

Но правильно поставив вопрос о сущности прекрасного, Платон решает его в духе последовательного объективного идеализма. Платон признает существование прекрасного в действительности, в природе, в жизни людей, однако считает это прекрасное во многом ущербным, неполноценным. «Хотя есть много прекрасного в жизни человеческой, — пишет он в «Законах», — но к очень многим вещам как бы приросли разрушительные недостатки, которые пятнают и марают их красоту».⁹⁹

Что же является источником прекрасного в зримом и слышимом мире? Красивым, по Платону, становится все то, что приобретает к идее красоты.¹⁰⁰ Вечная, безотносительная, божественная идея красоты, которая обуславливает существование всех прекрасных явлений, — это и есть сущность прекрасного. Как утверждается в «Пире», тот, кто увидит прекрасное в его сущности, идею красоты, «увидит, прежде всего, что прекрасное существует вечно, что оно ни возникает, ни уничтожается, ни увеличивается, ни убывает; далее, что оно ни прекрасно

⁹⁶ Платон, Творения, т. IX, стр. 21.

⁹⁷ Там же, стр. 32.

⁹⁸ Там же, стр. 16.

⁹⁹ Платон, Творения, т. XIV, Пб., 1923, стр. 190.

¹⁰⁰ См. «Парменид», Платон, Творения, т. IV, Л., 1929, стр. 20—21.

здесь, ни безобразно там; ни что оно то прекрасно, то не прекрасно; ни что оно прекрасно в одном отношении, безобразно в другом; ни что в одном месте оно прекрасно, в другом безобразно».¹⁰¹

Восприятие человеком прекрасного в жизни Платон трактует в соответствии со своей теорией познания — учением о воспоминании. Человек, «видя здешнюю красоту, вспоминает красоту истинную, окрыляется и, окрылившись, взлететь наверх стремится, но не может, смотрит вверх, как птица, не обращая внимания на то, что внизу».¹⁰²

Какая же связь имеется между платоновским учением о сущности прекрасного и представлением об идеальном общественном устройстве, данном в «Политике или государстве» и в «Законах»? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, требуется выяснить, в чем заключалась социальная утопия Платона.¹⁰³

Платон не только принимает идею загробного существования души, но искусно совершенствует ее как идею посмертного воздаяния: «Если же душа, по своей ли собственной воле или под сильным чужим влиянием, изменяется в сторону большей добродетели или порока, то, в первом случае, она, соединившись с божественной добродетелью, становится в высшей степени божественною и меняет прежнее свое место на новое, выдающееся, всецело святое и лучшее. В противном же случае она переносит свою жизнь в подобающее ей место».¹⁰⁴ Эстетические наслаждения — одна из высших наград для добродетельных душ («те же, что с неба, описывали свои наслаждения и, по красоте, чрезвычайные зрелища»¹⁰⁵). Но и Платон был грек. И для него загробная жизнь — не цель бытия. Он верит в переселение душ и считает лучшей участью наслаждение счастьем и на земле и на небе, «путешествуя отсюда туда и обратно».¹⁰⁶

Говоря о Золотом веке как давно прошедших временах, Платон не собирается воскрешать их в своем идеальном государстве, хотя его социальный идеал питается надеждами на реставрацию «юного и крепкого рабовладельческого полиса» (А. Ф. Ло-

¹⁰¹ Платон, Творения, т. V, Пб., 1922, стр. 59—60.

¹⁰² Платон, Творения, т. V, стр. 128.

¹⁰³ Хотя конкретная картина общественной жизни, нарисованная в «Политике или государстве», несколько отлична от того, как она показана в «Законах», однако философская и социальная основа обоих произведений однозначна. Однотипной также является трактовка Платоном в этих диалогах сущности прекрасного и искусства, а также места искусства в общественной жизни и природы эстетического воспитания. Легенда же об Атлантиде, которую Платон излагает в «Тимее» и «Критии», социальным идеалом его не являлась.

¹⁰⁴ Платон, Творения, т. XIV, стр. 149—150.

¹⁰⁵ Платон, Сочинения, ч. III, СПб., 1863, стр. 515.

¹⁰⁶ Там же, стр. 523.

сев).¹⁰⁷ Свой идеал государства Платон считает вполне осуществимым, и даже, как известно, участвуя в политической борьбе в Сиракузах, он стремился, хотя и безрезультатно, на практике осуществить этот идеал аристократического государства.

Социальная утопия Платона представляет для нас тем больший интерес, что она выражает не только политический, но и эстетический идеал общественной жизни. «Весь наш государственный строй представляет воспроизведение наилучшей и самой прекрасной жизни», — пишет он в «Законах».¹⁰⁸ Творчество государственной жизни Платон сравнивает с художественным творчеством, и, обращаясь к создателям трагедий, он говорит: «...мы с вами соперники по искусству и противники по состязанию в прекраснейшем действе».¹⁰⁹ Стоящие во главе его идеального государства царствующие философы, или философствующие цари, должны руководствоваться не мнением, а знанием, то есть должны видеть само прекрасное, идею красоты как источник всего причастного к ней.¹¹⁰ Поэтому диалоги «Политика или государство» и «Законы» столь насыщены эстетической проблематикой.

По концепции Платона, проявление прекрасного в его идеальном государстве не случайно. Ведь и у прекрасного, и у государства один и тот же источник. Когда собеседник литературного Сократа, от лица которого говорит сам Платон, замечает: «город, о котором ты говоришь и который мы устроаем своими рассуждениями, существует только на словах, а на земле нет его, думаю, нигде», то получает такой ответ: «Но образец, если желаешь видеть его и по этому видению благоустроить себя, находится, может быть, на небе».¹¹¹

Известное положение В. И. Ленина о том, что философский идеализм не только чепуха, но имеет свои гносеологические корни,¹¹² безусловно, относится и к эстетике Платона, к его учению о прекрасном и об эстетическом воспитании. Платон полагал, что «истина довершает правильность, пользу, благо и красоту».¹¹³ Считая, что идея блага «во всем есть причина всего правого и прекрасного»,¹¹⁴ философ многократно подчеркивает единство прекрасного и нравственного, например, утверждая: «всякие телодвижения и напевы, выражающие душевную и телесную

¹⁰⁷ См. А. Ф. Лосев, Античная музыкальная эстетика, в кн. «Античная музыкальная эстетика», стр. 35.

¹⁰⁸ Платон, Творения, т. XIV, стр. 40.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ См. Платон, Сочинения, ч. III, стр. 288—289, 292—293.

¹¹¹ Платон, Сочинения, ч. III, стр. 478.

¹¹² См. В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 29, стр. 322.

¹¹³ Платон, Творения, т. XIII, стр. 70.

¹¹⁴ Платон, Сочинения, ч. III, стр. 357.

добродетель — ее самое или какое-либо ее подобие — прекрасны, а все, выражающие порок, не прекрасны».¹¹⁵

Ценной является мысль Платона об огромном значении эстетического воспитания. Он отлично понимает связь эстетического воспитания с другими видами воспитательной деятельности. По его мнению, «мусическое искусство нельзя понять без всего в совокупности воспитания».¹¹⁶ Эстетическое воспитание воздействует на личность человека в целом и определяет его нравственное сознание. Музыка рассматривается Платоном как важнейшее средство не только эстетического, но и нравственного воспитания, «так как ритм и гармония особенно внедряются в душу, весьма сильно трогают ее и делают благопристойною...».¹¹⁷ Человек, воспитанный музыкой надлежащим образом, «хвалит прекрасное, с радостью принимает его в душу и, питаясь им, становится честным и добрым человеком, а постыдное дело порицает и ненавидит от самой юности, прежде чем может дать себе в том отчет».¹¹⁸ Платон подчеркивает важность связи эстетического и физического воспитания, соединения гимнастики и музыки,¹¹⁹ причем это в равной степени относится к мужчинам и женщинам.¹²⁰ Платон впервые поставил вопрос о государственной организации дела эстетического воспитания.

А. Лефевр находит в эстетике Платона «живые и плодотворные черты» в том, что он «настаивал на воспитательном — следовательно, общественно-политическом — значении искусства».¹²¹ Но ведь не существует эстетического воспитания «вообще», без его определенной социальной направленности. Поэтому мы совершили бы серьезную методологическую ошибку, если бы обошли вниманием социально-классовую сущность учения Платона о прекрасном и эстетическом воспитании. Впрочем, он сам выражает ее совершенно откровенно.

Социальная утопия Платона прямо и последовательно раскрывает его политические устремления как убежденного идеолога рабовладельческой аристократии. Его идеальное государство конструируется на основе признания незыблемости разделения людей по видам их деятельности: земледельцы, плотники, ткачи, кожевники и другие ремесленники должны создавать все, что необходимо для существования; для охраны государства и его расширения необходимо сословие воинов, или стражей; из числа последних воспитываются философы, управляющие всей общественной жизнью. К первому из названных сословий

¹¹⁵ Платон, Творения, т. XIII, стр. 54.

¹¹⁶ Платон, Творения, т. XIII, стр. 38—39.

¹¹⁷ Платон, Сочинения, ч. III, стр. 172—173.

¹¹⁸ Там же, стр. 173.

¹¹⁹ См. там же, стр. 186, 188.

¹²⁰ См. там же, стр. 253, 259.

¹²¹ А. Лефевр, Введение в эстетику, изд. иностр. лит., М., 1954, стр. 18.

Платон относится как к людям низшего сорта (рабы вообще не рассматриваются в качестве граждан; об убийстве раба говорится в «Законах» только как о преступлении по отношению к его хозяину¹²²). Основа государства — сословие воинов, стражей: «от них-то и зависит благоустройство его (города-государства. — Л. С.) и счастье».¹²³ Наилучшей формой политической организации общества Платон считает аристократическое государство и с презрением относится к демократии.

Правда, Платон высказывается против богатства и бедности как ремесленников, так и воинов. Эти высказывания против богатства и бедности и вызвали солидарность с Платоном представителей раннего утопического коммунизма. Но в контексте политических воззрений Платона его протест против богатства и бедности не только не противоречил аристократической сущности этих воззрений, но вполне им соответствовал. Вред богатства и бедности Платон видел в том, что и то и другое мешает труду ремесленников и мужественности воинов и, следовательно, разрушает аристократическое государство. Что касается «коммунизма» Платона, то он характеризуется лишь тем, что стражи не должны иметь «никакой собственности, кроме совершенно необходимого», «должны ходить в артельные столовые, как бы целым лагерем, и жить сообща»,¹²⁴ иметь общих жен и общих детей.¹²⁵ Притом все это призвано, по Платону, опять-таки служить крепости его идеального государства и незыблемости господства аристократических сословий.

Прекрасное у Платона выступает в качестве цели и в качестве средства эстетического воспитания. Но не будем забывать, что речь идет о прекрасном в объективно-идеалистическом смысле как божественной идее красоты и красоте самого бога.¹²⁶ А это, как оказывается, имеет отнюдь не формальное значение для понимания характера, цели, средств и методов эстетического воспитания. Гносеологическая трактовка прекрасного служит определенным социально-классовым целям.

В «Законах» представляющий Платона Афинянин говорит, что «люди в большей своей части куклы и лишь чуть-чуть причастны истине».¹²⁷ Его собеседник восклицает: «Ты совершенно принижаешь наш человеческий род, чужестранец!».¹²⁸ В ответ на это Афинянин поясняет свою позицию: «Я взирал на бога и под этим впечатлением сказал сейчас свои слова. Если тебе

¹²² См. Платон, Творения, т. XIV, стр. 101.

¹²³ Платон, Сочинения, ч. III, стр. 206.

¹²⁴ Там же, стр. 195.

¹²⁵ См. там же, стр. 261—262.

¹²⁶ См. там же, стр. 134.

¹²⁷ Платон, Творения, т. XIV, стр. 23.

¹²⁸ Там же.

угодно, будем считать наш род не презренным, но достойным серьезного попечения».¹²⁹ Вот это-то «серьезное попечение» о человеке, рассматриваемом в качестве куклы, провозглашение бога, а не человека, мерой всех вещей и сущностью прекрасного, — все это и приводит Платона к утверждению соответствующих методов и средств эстетического воспитания.

Они характеризуются жесточайшей регламентацией художественного творчества, тем, что мы бы назвали «грубым администрированием» в вопросах искусства и эстетического воспитания, крайним антидемократизмом. Объективно-идеалистическая трактовка прекрасного приводит к извращению сущности подлинно прекрасного в жизни и в искусстве. Когда читаешь «Политику или государство» и «Законы», часто возникает ощущение, что Платон, будучи сам гениальным писателем-художником, совершает насилие над собственным художественным вкусом, чтобы во что бы то ни стало обосновать принципы художественной политики своего идеально-божественного государства.

Основной удар Платон направляет против искусства, которое он называет «подражательным», то есть искусства, правдиво отражающего действительность. Оно представляется враждебным самым основам платоновского аристократического государства. И это, разумеется, совершенно правильно, но не говорит в пользу такого рода государства.

Каковы же основания, по которым «подражательные» искусства изгоняются из утопического государства Платона? Прежде всего, произведения этих искусств, по его мнению, разрушают нравственные устои человека и государства. Конечно, мысль о важности нравственного значения искусства, взятая сама по себе, является безусловно правильной. Однако было бы ошибкой ограничиться ее констатацией, не определяя социальной направленности того нравственного содержания, которое Платон считал необходимым для искусства, не рассматривая тех методов, при помощи которых он стремился осуществлять нравственно-воспитательную функцию искусства.

Поскольку аристократическое идеальное государство строится по божественному образцу, то самым крамольным Платон считает покушение на авторитет богов, стремление рассматривать их не только как источник добра, но и земного зла. Принцип правдивости изображения к искусству, посвященному богам, не должен относиться ни в коем случае. Поэтам предписывается лишь выражать «ту истину, что бог не есть причина всего, а только причина добра».¹³⁰ Стихи Гомера и Эсхила, нарушающие эту «истину», «нельзя позволить юношам слу-

¹²⁹ Там же, стр. 24.

¹³⁰ Платон, Сочинения, ч. III, стр. 132.

шать».¹³¹ Воспитание набожности, верности богам, а посредством этого всем порядкам в освящаемом ими государстве, — таково основное направление воспитательного воздействия, предписываемого Платоном искусству. Гомер принимается в городе-государстве, «насколько лишь берутся в расчет его гимны богам и похвалы добрым людям».¹³²

Средства, которыми должно пользоваться искусство для воспитания добродетельных стражей, определяются, исходя из чрезвычайно прямолинейного понимания воспитательного процесса и недоверия к самостоятельной способности людей различать добро и зло. Платон в этом вопросе совершенно сознательно отходит даже от тех диалектических принципов, которые содержатся в его философии. В «Законах» мы читаем: «без смешного нельзя познать серьезного; вообще противоположное познается с помощью противоположного, если только человек хочет быть разумным».¹³³ Казалось бы, из этого должно было вытекать признание многообразия художественных средств, необходимых для нравственного воспитания. Но Платон делает как раз обратный вывод: «Зато осуществлять и то и другое (т. е. противоположности. — Л. С.) невозможно, если, онять-таки, человек хочет быть хоть немного причастным добродетели».¹³⁴ Итак, разумность и добродетельность вступают друг с другом в неразрешимый конфликт.

Платон полагает, что человек непосредственно подражает тому, что изображено, и потому искусство не должно изображать «ничего безнравственного, постыдного, низкого и непристойного».¹³⁵ Возможность познать противоположное «с помощью противоположного» в искусстве полностью отвергается. Поэтому художникам предписываются определенные сюжеты со счастливым концом, когда порок наказан, а добродетель торжествует.¹³⁶ Во имя воспитательного значения искусства порицается выражение в нем скорби и смеха.¹³⁷

Неприемлемость «подражательного» искусства заключается также в том, что оно способно разрушить раз навсегда данное разделение труда, на котором базируется идеальное государство («у нас человек не двоится и не развлекается многими делами, а делает каждый одно»¹³⁸). С поэтом же, обладающим способностью «быть многообразным и подражать всему», над-

¹³¹ Там же, стр. 131.

¹³² Там же, стр. 504. В переводе П. С. Попова: «лишь гимны богам и похвальные песни выдающимся людям» («Античные мыслители об искусстве», стр. 105).

¹³³ Платон, Творения, т. XIV, стр. 39.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Платон, Сочинения, ч. III, стр. 172.

¹³⁶ См. там же, стр. 155; Платон, Творения, т. XIII стр. 61.

¹³⁷ См. Платон, Сочинения, ч. III, стр. 149.

¹³⁸ Там же, стр. 164.

лежит поступать следующим образом: «тому мы поклонимся, как мужу дивному и приятному, и сказав, что подобного человека в нашем городе нет и быть не должно, помажем его голову благовониями, увенчаем овечьей шерстью и вышлем его в другой город».¹³⁹

Невольное признание Платоном того, что правдивое искусство формирует многосторонне развитого человека, весьма знаменательно. Но именно за это он его и осуждает. Отношение к многостороннему развитию человека воочию показывает, сколь противоположны идеалы человеческой личности и средства ее формирования у Платона и в теории научного коммунизма, которая исходит из необходимости воспитания всесторонне и гармонически развитой личности, в частности, путем приобщения ее к реалистическому искусству.

Против «подражательного» искусства Платон также выдвигает аргумент, прямо вытекающий из его объективно-идеалистического мировоззрения вообще и понимания прекрасного в особенности. Поэт или живописец «подражают» предметам и вещам действительности, но ведь последние сами являются подражанием идеям. Поэтому произведения «подражательного» искусства обладают лишь третьестепенной подлинностью, «они от истины отстоят на три степени».¹⁴⁰ А значит создатель такого искусства не может даже знать, воспроизводит ли он прекрасное или безобразное, «его подражание направится, как видно, к тому, что кажется прекрасным невежественной толпе».¹⁴¹

С объективно-идеалистическим истолкованием прекрасного у Платона связан воинствующий антидемократизм, пронизывающий всю его концепцию эстетического воспитания. Поскольку толпе в принципе не доступно знание прекрасной идеи, то все дело руководства воспитанием средствами искусства возлагается на правящую касту, для которой народное одобрение есть свидетельство порочности художественного произведения.¹⁴²

Отсюда проистекает и «мелочная опека» над художественным творчеством, обосновываемая в «Политике или государстве» и в «Законах». Например, музыке не только предписываются определенные лады — дорийский и фригийский — и ритмы, но даже инструменты — лира и кифара, а для пастухов в деревне — свирель. Мастера, изготавливающие флейты, и флейтисты не принимаются в город.¹⁴³ Руководителям государства «прежде всего следует отделить сомнительную пляску от пляски, не вызывающей никаких сомнений».¹⁴⁴ Всякое новатор-

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Там же, стр. 492.

¹⁴¹ Там же, стр. 497.

¹⁴² См. Платон, Творения, т. XIII, стр. 59.

¹⁴³ Платон, Сочинения, ч. III, стр. 167—169.

¹⁴⁴ Платон, Творения, т. XIV, стр. 37.

ство в искусстве представляется им опасным, так как это подрывает устои государства. «От введения нового рода музыки действительно нужно беречься, так как оно вообще опасно», — указывает Платон в «Политике или государстве».¹⁴⁵ А в «Законах» египетское искусство провозглашается в этом отношении образцом: «Искони, по-видимому, было египтянами признано то положение, которое мы теперь высказываем, т. е.: в государствах у молодых людей должно войти в привычку занятие прекрасными телодвижениями и прекрасными песнями. Установив, что именно является таким, египтяне выставляют образцы на показ в святилищах, и вводить нововведения вопреки образцам, вымышлять что-либо иное, не отечественное, не было позволено — да и теперь не позволено — ни живописцам, ни кому другому, кто делает какие-либо изображения. То же и во всем, что касается мусического искусства».¹⁴⁶ Прозорливая характеристика К. Марксом идеального государства Платона, представляющего собой «лишь афинскую идеализацию египетского кастового строя»,¹⁴⁷ таким образом, определяет сущность платоновской утопии не только с экономической и политической, но и с культурно-художественной точки зрения.

Способы воздействия правителей на творцов произведений искусства чрезвычайно просты: «надлежащий законодатель будет убеждать поэта прекрасными речами и поощрениями; в случае же неповиновения он станет уже принуждать его творить надлежащим образом...»¹⁴⁸; «законодатель не должен позволять поэтам творить, что им нравится», «ведь поэты не знают, какими именно своими, противными законам, словами они принесут вред государству».¹⁴⁹ Изгнание — самый лучший способ избавиться от тех, кто не желает «творить надлежащим образом».

Любопытно отметить, что Платон сам отлично понимает неизбежную коллизию между нравственной и эстетической функциями насаждаемого им искусства и последовательно вторую приносит в жертву первой: «Пусть поются хотя бы и не очень складные произведения тех поэтов, кто и сами по себе люди хорошие и пользуются почетом в государстве за свое искусство в прекрасных деяниях. Суждение об этих поэтах должен иметь воспитатель и остальные законохранители: лишь таким поэтам предоставят они, как почетный дар, полную свободу творчества, а остальных поэтов они совершенно лишат этой возможности. Никто не осмелится воспевать не одобренную решением законохранителей Музу, даже если он будет петь слаще Фамира или Орфея».¹⁵⁰

¹⁴⁵ Платон, Сочинения, ч. III, стр. 211.

¹⁴⁶ Платон, Творения, т. XIII, стр. 56.

¹⁴⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 379.

¹⁴⁸ Платон, Творения, т. XIII, стр. 60.

¹⁴⁹ Там же, стр. 133.

¹⁵⁰ Платон, Творения, т. XIV, стр. 53.

Произведения Платона великолепно демонстрируют логическую связь между объективно-идеалистической трактовкой природы прекрасного и реакционным идеалом общественной жизни. Мы уже отмечали, что этот идеал Платон стремился конструировать на началах прекрасного. Но, принимая истинную красоту только как божественную идею, он создает такой социально-политический идеал, который по существу враждебен подлинной красоте и несовместим с развитием искусства.

Теория прекрасного и «наилучшее государство» Аристотеля

Античная эстетика выдвинула еще одно учение, в котором трактовка сущности прекрасного органически связана с эстетической характеристикой общественно-политического идеала. Это учение Аристотеля. Оно тем более представляет интерес, что величайший мыслитель древности, будучи учеником Платона, и концепцию прекрасного, и проект идеального общественного устройства развивает в полемике со своим бывшим учителем.

Выступая против платоновского удвоения мира, благодаря которому сущность явлений отделяется от этих явлений в виде самостоятельных божественных идей, Аристотель стремится показать, что «необходимо должны быть одним — благо и бытие у блага, прекрасное и бытие у прекрасного».¹⁵¹ Таким образом, сущность прекрасного, по Аристотелю, воплощается не в потусторонней идее, а в самих прекрасных предметах, вещах, явлениях.

С этим связано утверждение Аристотелем объективности прекрасного: Он критикует ту точку зрения, которая вытекает из тезиса Протагора о человеке как мере существования всех вещей и по которой «часто этим вот людям кажется прекрасным одно, а этим вот — противоположное <ему>, и мерою является то, что представляется каждому <из них>».¹⁵² Аристотель же считает, что два противоположных друг другу мнения не могут быть одновременно истинными. Он строго различает то, что «кажется прекрасным» и то, что «на самом деле прекрасно».¹⁵³ Бытие прекрасного в реальной действительности для него несомненно.

Красота, по мнению Аристотеля, как здоровье, сила и т. п., есть вид ценности, или, как он пишет, «достоинства». Достоинства и недостатки — это то, что «заключается в известном отношении к чему-нибудь и предрасполагает обладающий ими предмет к тому хорошему и плохому, что ему свойственно».¹⁵⁴

¹⁵¹ Аристотель, *Метафизика*, Соцэкгиз, М.-Л., 1934, стр. 120.

¹⁵² Там же, стр. 183.

¹⁵³ Там же, стр. 210.

¹⁵⁴ Аристотель, *Физика*, Соцэкгиз, М., 1936, стр. 130.

Красота предмета рассматривается как его свойство, выражающееся в объективном отношении к другим явлениям.

Тот бесспорный факт, что Аристотель утверждает объективное существование прекрасного в самой действительности, сам по себе еще не дает нам основания характеризовать его учение о прекрасном как последовательно материалистическое. Для того, чтобы определить отношение этого учения к основным направлениям философии, надо выяснить, как Аристотель раскрывает сущность самого прекрасного. Анализ всех его высказываний о прекрасном позволяет прийти к выводу, что прекрасное для него выступает в качестве совершенной *формы* явления. Во избежание недоразумений сразу же отметим, что речь идет не о понятии «форма» в его современном значении, так как Аристотель писал: «формой я называю суть бытия каждой вещи и первую сущность».¹⁵⁵ Учение Аристотеля о форме — нематериальном начале и сущности каждого предмета и явления — безусловно идеалистично, хотя по этому учению идеальные начала явлений Аристотель, в отличие от Платона, усматривает в самих явлениях, а не вне их. Не случайно оно завершается признанием формы всех форм — божественного перводвигателя. Но из этого опять-таки было бы преждевременно делать вывод о последовательно идеалистическом понимании Аристотелем прекрасного.

Дело в том, что идеалистическое учение Аристотеля о форме имеет свои гносеологические корни. Ими является абсолютизация и обожествление реальных закономерностей, сущности вещей, абсолютизация и обожествление из-за непонимания Аристотелем диалектики общего и отдельного, на что обращал внимание В. И. Ленин.¹⁵⁶ И надо сказать, что в философии Аристотеля очень часто предмет абсолютизации и обожествления — действительная сущность явлений и их закономерность — «вырывается» из пут идеализма и выступает в своем реальном материалистическом значении. В этом одно из важнейших проявлений тех колебаний между материализмом и идеализмом в философии Аристотеля, которые неоднократно отмечал В. И. Ленин в «Философских тетрадах».¹⁵⁷ Притом в различных частях аристотелевского учения «амплитуда» этих колебаний различна. Что же касается эстетических взглядов великого мыслителя, то они по единодушному мнению исследователей склоняются к стороне материализма. То же относится и к пониманию Аристотелем прекрасного, хотя и здесь его суждения не всегда бывают свободны от идеализма и телеологии, связанными с учением о форме. Он всецело идеалист, считая «прекрасное и лучшее» «в

¹⁵⁵ Аристотель, *Метафизика*, стр. 121.

¹⁵⁶ См. В. И. Ленин, *Полное собр. соч.*, т. 29, стр. 327.

¹⁵⁷ См. там же, стр. 254, 258, 331.

начале», то есть у бога,¹⁵⁸ или когда прекрасное трактуется им как «безотносительное благо».¹⁵⁹ Но он приближается к материализму, когда стремится осмыслить прекрасное как эстетическое значение закономерного в природе и в обществе.

Прекрасное у Аристотеля характеризует уже количественные и пространственные закономерности: «Прекрасное обыкновенно находит свое воплощение в количестве и пространстве».¹⁶⁰ В «Метафизике» он указывает, что «самые главные формы прекрасного, это — порядок <в пространстве>, соразмерность и определенность»,¹⁶¹ которые изучаются математическими науками. Эти виды прекрасного следует учитывать и поэтике¹⁶² и политике. Аристотель полагает, что «то государство, в котором объединятся величина и благопорядок, должно быть считаемо наилучшим».¹⁶³ Он подчеркивает эстетическое значение симметрии и пропорциональности («Разве может допустить портретист, чтобы на его картине человек был написан с ногою, превосходящую симметрию, хотя бы нога эта и была очень красива?»¹⁶⁴; «если нос отклоняется от той формы, которая является самой красивой, т. е. прямолинейной, и становится либо кривым, либо курносым, но все-таки и при этом продолжает оставаться красивым, он радует наш взор; но если нос еще более уклонится в сторону той или иной крайности, то прежде всего нарушится соразмерное отношение отдельных частей физиономии, и в конце концов дело дойдет до того, что эта соразмерность совершенно утратится, и нос потеряет свой облик вследствие либо колоссальной либо слишком малой формы: то же самое приложимо и к остальным частям человеческого тела»).¹⁶⁵

Почему же все эти количественные и пространственные закономерности воспринимаются как прекрасное? На этот вопрос Аристотель пытается дать ответ такого рода: «прекрасное — и животное и всякая вещь, — состоящее из известных частей, должно не только иметь последние в порядке, но и обладать не какою попало величиной: красота заключается в величине и порядке, вследствие чего ни чрезмерно малое существо не могло бы стать прекрасным, так как обозрение его, сделанное в почти незаметное время, сливается, ни чрезмерно большое, так как обозрение его совершается не сразу, но единство и цельность его теряются для обозревающих, например, если бы животное имело десять тысяч стадий длины. Итак, как неодушевленные и одушевленные предметы должны иметь величину, легко обозре-

¹⁵⁸ Аристотель, *Метафизика*, стр. 211.

¹⁵⁹ Аристотель, *Риторика*, СПб., 1894, стр. 112.

¹⁶⁰ Аристотель, *Политика*, М., 1911, стр. 308.

¹⁶¹ Аристотель, *Метафизика*, стр. 223.

¹⁶² См. Аристотель, *Об искусстве поэзии*, ГИХЛ, М., 1957, стр. 63.

¹⁶³ Аристотель, *Политика*, стр. 308.

¹⁶⁴ Там же, стр. 134.

¹⁶⁵ Там же, стр. 241—242.

ваемую, так и фабулы должны иметь длину, легко запоминаемую».¹⁶⁶ Как совершенно справедливо отмечает проф. В. Ф. Асмус, «уже из этого рассуждения видно, что вопрос об объективных условиях и признаках прекрасного неотделим для Аристотеля от вопроса о действии прекрасного предмета на людей и об условиях восприятия этого предмета зрителем или слушателем».¹⁶⁷ А. С. Ахманов также указывает, что в определении Аристотелем прекрасного подчеркивается «соотнесение со способностью восприятия».¹⁶⁸

Помимо количественной и пространственной стороны, прекрасное в явлениях живой природы характеризуется сущностью жизни как таковой: «в жизни, взятой исключительно как таковой, имеется своего рода элемент прекрасного».¹⁶⁹ Во всяком случае, «ничто противоестественное не может быть прекрасным».¹⁷⁰ Правда, формула прекрасного как жизни корректируется следующей оговоркой: «исключая разве только тех случаев, когда житейская обстановка складывается чересчур тяжело».¹⁷¹ Таким образом, древнегреческий мыслитель учитывает необходимость при определении прекрасного брать в расчет отношение жизненного явления к человеку.

Прекрасное в природе Аристотель прямо объясняет действием «формы», которая выступает как «конечная причина», как цель. Причина, называемая им «ради чего», «содержит разумное основание, а разумное основание одинаково и в произведениях искусства, и в произведениях природы... Но в произведениях природы «ради чего» и прекрасное проявляется еще в большей мере, чем в произведениях искусства».¹⁷² Прекрасное в живой природе Аристотель прямо связывает с целесообразностью: «не случайность, но целесообразность присутствует во всех произведениях природы и притом в наивысшей степени, а ради какой цели они существуют или возникли — относится к области прекрасного».¹⁷³ Несомненно, в таком понимании прекрасного присутствует идеалистический телеологизм, но в то же время и догадка об эстетическом значении закономерностей живой природы, видом которых и является так называемая «целесообразность». Чрезвычайно интересно объяснение, даваемое Аристо-

¹⁶⁶ Аристотель, Об искусстве поэзии, стр. 63.

¹⁶⁷ В. Ф. Асмус, Искусство и действительность в эстетике Аристотеля. В кн.: «Из истории эстетической мысли древности и средневековья», изд. АН СССР, М., 1961, стр. 113.

¹⁶⁸ А. С. Ахманов, О содержании некоторых основных терминов «Поэтики» Аристотеля. В кн.: Аристотель, Об искусстве поэзии, стр. 147.

¹⁶⁹ Аристотель, Политика, стр. 109.

¹⁷⁰ Там же, стр. 305.

¹⁷¹ Там же, стр. 109.

¹⁷² Аристотель, О частях животных, Гос. изд. биол. и медиц. литературы, 1937, стр. 34—35.

¹⁷³ Там же, стр. 50.

телем эстетическому значению целесообразности. Если эстетическое воздействие количественной и пространственной стороны прекрасного он связывал с особенностями нашего чувственного восприятия, то эстетическое значение целесообразности определяется им через особенность познавательных способностей человека. Наблюдениями даже над теми животными, «которые неприятны для чувств, создавшая их природа доставляет все-таки невыразимые наслаждения людям, способным к познанию причин и философам по природе».¹⁷⁴

Человек у Аристотеля может быть красив как существо, тело которого имеет «порядок <в пространстве>, соразмерность и определенность». Может быть красив как целесообразно устроенный живой организм. Но у человека имеется и своя, специфически ему только свойственная «форма» — сущность: «человек по своей природе существо политическое»¹⁷⁵; «Человек — общественное животное и по природе создан к сожитию с другими».¹⁷⁶ Эта гениальная догадка об общественной сущности человека позволила Аристотелю подойти к пониманию общественного значения прекрасного в жизни человека и общества. Для Аристотеля несомненно, что прекрасное в человеке находится в глубокой связи с его общественной, в особенности нравственной природой.

Аристотель не отождествляет вообще прекрасное и благое: «благое и прекрасное это — не то же самое (первое всегда выражено в действии, между тем прекрасное бывает и в вещах неподвижных)».¹⁷⁷ Но в обществе прекрасное совпадает с благом и добродетелью: «Прекрасное — то, что, будучи желательно само ради себя, заслуживает еще похвалы, или что, будучи благом, приятно, потому, что оно благо. Если таково содержание понятия прекрасного, то добродетель необходимо есть прекрасное, потому что, будучи благом, она еще заслуживает похвалы».¹⁷⁸ «действия, сообразные с добродетелью, должны быть сами по себе приятными, а сверх того, и хорошими и прекрасными».¹⁷⁹ Прекрасным является все то, что составляет добродетель, вытекает из нее, особенно справедливость и мужество: «Если же признаки добродетели и то, что однородно с ними (а таковы поступки и страдательные состояния нравственно хорошего человека), прекрасны, то отсюда необходимо следует, что все то, что представляется делом или признаком мужества, или что было мужественно совершенно, — все это прекрасно, точно

¹⁷⁴ Там же, стр. 50.

¹⁷⁵ Аристотель, *Этика*, СПб., 1908, стр. 10. См. также «Политика», стр. 7.

¹⁷⁶ Аристотель, *Этика*, стр. 179.

¹⁷⁷ Аристотель, *Метафизика*, стр. 222.

¹⁷⁸ Аристотель, *Риторика*, стр. 40—41.

¹⁷⁹ Аристотель, *Этика*, стр. 14.

так же как прекрасно все справедливое и справедливо — совершенное».¹⁸⁰

Особенно Аристотель подчеркивает, что прекрасное связано с бескорыстным и свободным от эгоистических интересов служением людям и отечеству: «прекрасны также и безотносительно хорошие поступки, которые кто-либо совершил для пользы отечества, презрев свою собственную выгоду...»¹⁸¹; «Прекрасны также те поступки, которые совершаются ради других, потому что такие поступки менее носят на себе отпечаток эгоизма».¹⁸² Разумеется, Аристотель имеет в виду только и исключительно общество «свободных». Он одобрительно относится к тому, что «считается прекрасным в Лакедемоне носить длинные волосы, ибо это служит признаком свободного человека, и не легко человеку, носящему длинные волосы, исполнять какую-либо рабскую работу».¹⁸³

Мы видели выше, что Аристотель критикует тезис Протагора о человеке как мере существования всех вещей, поскольку из него проистекает полная равнозначность противоположных утверждений, в частности, о прекрасном и безобразном. Однако Аристотель не отказывается от формулы «человек есть мера всех вещей», давая ей свою интерпретацию. Если одному человеку что-либо кажется сладким, а другому — противоположным, то это свидетельствует о том, что у одного из них разрушен или поврежден «чувственный орган и способ судить об указанных вкусовых веществах».¹⁸⁴ «А если это так, — продолжает Аристотель, — то одних надо считать мерою, других — не считать. И я одинаковым образом говорю это также про хорошее и дурное, про прекрасное и безобразное и про все остальное в этом роде».¹⁸⁵ Значит, по Аристотелю, не любой человек, а только *нормальный* есть мера вещей, в том числе их эстетического значения, красоты или безобразности. Но при этом также имеется в виду не одна лишь физиологическая нормальность. Важна и нормальность нравственная. «Каждый человек, — по словам Аристотеля, — имеет свое собственное представление о прекрасном и приятном». Однако «в том, может быть, и заключается величайшее преимущество нравственного человека, что он в каждом отдельном случае находит истину, будучи как бы мерилом и законом ее».¹⁸⁶

Нам думается, что понимание человека как меры прекрасного у Аристотеля, так же как и у Демокрита, нельзя рассматривать в качестве уступки субъективизму. Ведь у Аристотеля

¹⁸⁰ Аристотель, Риторика, стр. 42.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² Там же.

¹⁸³ Там же, стр. 43.

¹⁸⁴ Аристотель, Метафизика, стр. 189.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Аристотель, Этика, стр. 46.

человек выступает как мера прекрасного, поскольку его нормальность в физиологическом и нравственном отношении дает ему возможность наиболее правильно постигать объективно прекрасное, которое само объективно соотносено с человеком, с его чувственным восприятием и познавательной способностью.

«Стремление устроить свою жизнь прекрасно» является, по Аристотелю, целью не только «для каждого человека», но и «для объединенной совокупности людей».¹⁸⁷ Поэтому не случайно общественно-политический идеал Аристотеля сливается с его эстетическим идеалом общественной жизни: «государственное общение — это нужно подчеркнуть — имеет в виду проявление прекрасной деятельности, а не просто только совместное жительство».¹⁸⁸

Пронизанность общественного идеала началом прекрасного — общая черта учений и Платона, и Аристотеля. Но так же, как различны, а порой противоположны концепции прекрасного у этих двух выдающихся мыслителей древности, существенно разнятся и их идеалы государственного устройства общества, а, следовательно, и сами эстетические характеристики этих идеалов.

Платон, выражая интересы обреченной историей аристократии, рисует свой проект государственного устройства, апеллируя к «божественному образцу» и потому часто мало считаясь с реально существующими общественными отношениями. Аристотель поступает иначе. Он, в соответствии с реалистическими принципами своей философии, исходит как раз из имеющихся форм государственной организации, которые были тщательно им изучены и проанализированы. «Ведь нужно иметь в виду, — читаем мы в «Политике», — не только наилучшую форму государственного устройства, но и возможную [при данных] обстоятельствах, и такую, которая всего легче может найти применение ко всем государствам».¹⁸⁹ Платоновский же план идеального общества часто критикуется Аристотелем за оторванность от реальности, утопизм, неисполнимость даваемых предписаний:

«Идеальное государство» Платона не удовлетворяет Аристотеля и по существу. Он упрекает своего бывшего учителя за то, что тот рассматривал государственное единство людей как абсолютное, а не относительное, игнорируя при этом роль индивидуальности и личный интерес. Абсолютизация единства государства («если это единство пойдет слишком далеко») приводит, по мнению Аристотеля, к его ухудшению и в конце концов к уничтожению, «все равно, как если бы кто симфонию заменил унисоном или ритм одним тактом».¹⁹⁰ Возражая Платону,

¹⁸⁷ Аристотель, Политика, стр. 109.

¹⁸⁸ Там же, стр. 118.

¹⁸⁹ Аристотель, Политика, стр. 151.

¹⁹⁰ Там же, стр. 50.

утверждавшему необходимость счастья для государства в целом, а не для его даже лучшей части, Аристотель риторически спрашивает: «Но разве возможно сделать все государство счастливым, раз большинство входящих в его состав элементов, если не все, то по крайней мере, некоторые из них не будут наслаждаться счастьем?».¹⁹¹ Аристотель считает, что платоновский проект идеального государства не обеспечит единства стражей и земледельцев («И чего ради они будут подчиняться власти их?»¹⁹²) и вообще совершенно обходит вниманием политическую организацию земледельцев, а также их воспитание.¹⁹³

Какова же социальная программа самого Аристотеля? Как и Платон, он считает естественным и неизбежным рабовладельческое устройство общества, при котором раб отличается от домашнего животного только тем, что обладает рассудком, необходимым для понимания указаний господина.¹⁹⁴ Ремесленники, занимающиеся «низким ремеслом», — тоже своего рода рабы, хотя и не по природе.¹⁹⁵ Но политический идеал Аристотеля несколько отличен от идеала Платона. Аристотель — не сторонник демократии, хотя она для него «наиболее... умеренная из отклоняющихся форм».¹⁹⁶ Идеальное государство, по его представлению, — это полития, сочетающая олигархию и демократию с преобладанием людей, имеющих средний достаток. И такое государство вполне выражает не только политический и этический, но и эстетический идеал Аристотеля, так как, по его мнению, «наилучшее государство есть вместе с тем государство счастливое и руководящееся в своей деятельности принципом прекрасного».¹⁹⁷ Полития имеет «прекрасную окраску», поскольку она стремится «согласовать интересы зажиточных и немущих, богатства и свободы».¹⁹⁸

Аристотель пишет о необходимости равенства равных, проявляющегося в чередовании властвования и подчинения, в чередовании, которое выражает «прекрасное и справедливое».¹⁹⁹ Государство, являющееся по его убеждению «наипрекраснейшей организацией»²⁰⁰, должно и по своей величине и порядку соответствовать определенной мере и быть также и в этом отношении «наипрекраснейшим».²⁰¹ В своем проекте наилучшего государства Аристотель учитывает, что «для прекрасной жизни

¹⁹¹ Аристотель, Политика, стр. 53.

¹⁹² Там же, стр. 51.

¹⁹³ Там же, стр. 52.

¹⁹⁴ См. там же, стр. 13.

¹⁹⁵ См. там же, стр. 36.

¹⁹⁶ Там же, стр. 153.

¹⁹⁷ Там же, стр. 298.

¹⁹⁸ Там же, стр. 173.

¹⁹⁹ Там же, стр. 305.

²⁰⁰ Там же, стр. 318.

²⁰¹ См. там же, стр. 308—309.

потребны те или иные [внешние] благоприятствующие обстоятельства».²⁰² Его заботит красота города-государства и с архитектурной точки зрения.²⁰³ Особое внимание уделяется им организации деятельности и, прежде всего, досуга граждан, ибо он считает, что наслаждение миром и правильное пользование «досугом» предпочтительнее войны. Граждане должны совершать все необходимое и полезное, а еще более того — прекрасное.²⁰⁴ Исходя из этих целей, Аристотель и говорит о необходимости установить соответствующее воспитание всех граждан государства, а не только стражей, как предусматривается в идеальном государстве Платона.

Эстетическое начало включается Аристотелем и в само физическое воспитание. Он подчеркивает, что «в воспитании первую роль должно играть прекрасное, а не дико-животное».²⁰⁵ Нравственное формирование личности для него неразрывно связано с ее эстетическим совершенством. Величайший древнегреческий мыслитель развивает характерное для мировоззрения древней Греции учение о калокагатии — внутреннем единстве нравственного и эстетического в человеке и в его деятельности. С другой стороны, собственно эстетическое воспитание имеет большое значение для воспитания нравственного.

Музыка, правда, должна помочь «прекрасно пользоваться нашим досугом», который выступает как основной принцип «всей нашей деятельности».²⁰⁶ Но она же «способна оказывать известное воздействие на этическую сторону души»²⁰⁷, так как «ритм и мелодия содержат в себе ближе всего приближающиеся к реальной действительности отображения гнева и кротости, мужества и умеренности и всех противоположных им свойств, а также и прочих нравственных качеств».²⁰⁸ «... Рисование изучают потому, что оно развивает глаз при определении физической красоты»²⁰⁹, но живописец и ваятель тоже способны «выразить этический характер изображенного лица».²¹⁰ О нравственном значении эпоса и драмы неоднократно говорится в аристотелевской «Поэтике».

Воспитатель не может не считаться с этическими возможностями искусства, с тем, что его произведения могут оказывать как положительное, так и отрицательное воздействие на нравственность граждан. Отсюда проистекает необходимость соответствующим образом проводить художественную политику госу-

²⁰² Там же, стр. 330—331.

²⁰³ См. там же, стр. 326—328.

²⁰⁴ См. там же, стр. 337.

²⁰⁵ Там же, стр. 359.

²⁰⁶ Там же, стр. 355.

²⁰⁷ Там же, стр. 368.

²⁰⁸ Там же, стр. 365.

²⁰⁹ Там же, стр. 357.

²¹⁰ Там же, стр. 367.

дарства, не позволять в нем «выставок непристойных картин или представлений неприличных пьес»,²¹¹ воспрещать молодым людям до известного возраста «присутствовать, в качестве зрителей, на представлениях ямбов (т. е. сатировских драм. — Л. С.) и комедий»,²¹² «для воспитания нужно обращаться к тем ладам, которые всего более соответствуют этическим мелодиям». ²¹³ Таким образом, Аристотель, как и Платон, считает необходимой определенную регламентацию художественного творчества и его восприятия с точки зрения задач, стоящих перед воспитанием граждан образцового государства. Однако эта регламентация у Аристотеля значительно отличается от политики в области искусства платоновского идеального государства.

Платон, как мы помним, требует вообще запрещения «подражательного» искусства, правдиво отображающего действительность. Аристотель же, материалистически осмысляя художественное творчество, как раз в «подражании» жизни усматривал сущность искусства и, в противоположность Платону, видел в этом источник и познавательного значения искусства и его красоты. Более того, искусство именно потому и обладает воспитательными возможностями, формирует определенное эстетическое и этическое отношение к действительности, что оно отражает эту действительность: «Привычка же испытывать горестное или радостное настроение при восприятии того, что подражает действительности, ведет к тому, что мы начинаем испытывать те же чувства и при столкновении с [житейской] правдой».²¹⁴

Учитывая этическое воздействие искусства, Аристотель тоже полагает необходимым ввести своеобразную моральную цензуру, но осуществление ее мыслит иначе, чем Платон. Платон запрещал изображение всего, с его точки зрения, безнравственного, в том числе вообще комического, абсолютно не доверяя способности людей самим разбираться в искусстве. Не говоря уже о том, что критерий нравственности аристотелевской этики обладает иным, более земным характером, чем у Платона, Аристотель по-иному подходит к этому вопросу. Он требует воспрещать молодым людям присутствовать на представлениях сатирических драм и комедий, но только до известного возраста, выражая надежду, что «полученное ими к тому времени воспитание сделает всех их невосприимчивыми к протекающему от подобного рода зрелищ вреду».²¹⁵

Эстетика и теория эстетического воспитания Аристотеля безусловно нормативны. Но эта нормативность другого рода, чем у Платона. Определяя те или иные нормы искусства, Аристотель

²¹¹ Там же, стр. 350.

²¹² Там же, стр. 350.

²¹³ Там же, стр. 374.

²¹⁴ Там же, стр. 366.

²¹⁵ Там же, стр. 350.

не исходит из априорной идеи, а стремится опереться на все богатство художественной практики своей родины. Конечно, его эстетические предписания несут на себе и печать времени и ограниченность классовой позиции философа, что приводит иногда и к таким требованиям, предъявляемым художественному творчеству, которые противоречат принципу «подражание природе».²¹⁶ Однако он, как правило, пытается определить объективную закономерность искусства и уже на ее основе выводит критерии оценки художественного произведения. И в отличие от Платона, Аристотель никогда не противопоставляет нравственное значение искусства его эстетической ценности.

Поэтому Аристотель и к искусству, рассматриваемому как средство воспитания, подходит без той мелочной регламентации и догматической категоричности, которая свойственна Платону. На первый взгляд может показаться, что в отношении к музыке Аристотель еще более аскетически требователен, чем Платон, который ведь допускает и фригийский лад и кифару, отвергаемые его бывшим последователем. Но хотя Аристотель считает, что «молодежь надлежит предпочтительно воспитывать на дорийских мелодиях»,²¹⁷ так как дорийский лад обладает стойкостью и мужественным характером, он в то же время полагает, что «можно пользоваться всеми ладами, но применять их должно не одинаковым образом».²¹⁸ Как и Платон, Аристотель отрицательно относится к флейте, способствующей, по его мнению, «не столько развитию этических свойств человека, сколько его оргиастических наклонностей».²¹⁹ Однако даже этот инструмент он считает возможным использовать в определенных случаях — для «очистительного» воздействия на человека.²²⁰

Этот более тонкий и гибкий подход к искусству как средству воспитания находится, как нам думается, в связи не только с материалистическим пониманием проблемы прекрасного и искусства, но и с определенной симпатией к рабовладельческой демократии, симпатией, которая чувствуется в общественно-политических воззрениях Аристотеля и в его эстетике. Для Платона абсолютно невозможной была бы мысль, содержащаяся в труде о политике его бывшего ученика: «... суждение большинства о музыкальных и поэтических произведениях отличается большею трезвостью: одни из большинства судят об одной стороне этих произведений, другие — о другой, а все вместе судят о целом».²²¹

Правда, нет оснований и для преувеличения демократизма

---

²¹⁶ См. Аристотель, Об искусстве поэзии, стр. 89.

²¹⁷ Аристотель, Политика, стр. 376.

²¹⁸ Там же, стр. 374.

²¹⁹ Там же, стр. 370.

²²⁰ См. там же, стр. 371.

²²¹ Там же, стр. 121.

Аристотеля, который и в эстетическом воспитании больше всего боялся занятий, обращающих свободнорожденного человека в ремесленника. Да и саму публику философ делил на два сорта: «с одной стороны, она состоит из людей свободорожденных и культурных благодаря полученному ими воспитанию, с другой стороны, это — публика грубая, состоящая из ремесленников, наемников и т. под.»²²² Притом «психика этой публики отклоняется в сторону от естественной психики».²²³ Но Аристотель полагает, что и этой публике нужно дать возможность «пользоваться подходящим для нее родом музыки».²²⁴

Итак, в трудах Платона и Аристотеля мы находим не только основательно разработанные концепции прекрасного, но и логически последовательное выражение этих концепций в их общественно-политических идеалах. Сопоставление воззрений двух великих мыслителей древности чрезвычайно поучительно, так как выражение определенной концепции прекрасного в общественно-политическом идеале есть своего рода проверка как общественной значимости этой эстетической концепции, так и эстетического характера самого общественно-политического идеала.

На знаменитой фреске Рафаэля «Афинская школа» Платон и Аристотель — две центральные фигуры, противостоящие друг другу. И если основатель Академии перстом указывает вверх, к небу, то рука главы Ликеев обращена к земле. Это образно выражает противоположность в решении Платоном и Аристотелем и общефилософских, и политических, и эстетических вопросов.

Выражение объективно-идеалистического понимания сущности прекрасного в платоновской картине идеального общественного устройства с очевидностью показало антидемократизм и антигуманизм такой трактовки прекрасного и в то же время несовместимость антидемократического устройства общества с подлинной красотой жизни и искусства.

С другой стороны, в значительной степени материалистическое истолкование природы прекрасного у Аристотеля преломилось в его проекте «наилучшего» государства в утверждении нравственно-воспитательного значения искусства, правдиво отображающего действительность, в обосновании такой системы эстетического воспитания, которая учитывает в известной мере эстетические потребности всех граждан рабовладельческого государства.

²²² Аристотель, Политика, стр. 375.

²²³ Там же.

²²⁴ Там же.

Прекрасное и идеал счастливой жизни на закате античной эстетики

Общественно-эстетический идеал Аристотеля возник в период острого кризиса древнегреческих полисов и выражал стремление преодолеть этот кризис, реставрируя все лучшее, что было в пору расцвета античных городов-государств. Но полис спасти было нельзя. Кризис полиса был одним из симптомов начавшегося кризиса рабовладельческой формации, конец которой тоже был предreshен историей, хотя агония длилась много веков.

Солнце античной культуры склонялось к закату. Теперь, в эпоху эллинизма, оно не могло быть столь ярким, как прежде, но его вечерние лучи проникали порой в такие уголки человеческой души, которые были в тени, когда это солнце было в зените. Наступило время утраты больших общественных идеалов. В центре внимания философии скептиков, стоиков, эпикурейцев стояли идеалы индивидуальной жизни человека.

В философии античного скептицизма провозглашается субъективно-идеалистическое истолкование прекрасного — полное отрицание его объективности. Так, по свидетельству Диогена Лаэртция, Пиррон ничего не называл ни прекрасным, ни безобразным, так как не считал их существующими в действительности.²²⁵

Секст Эмпирик полагал, что отрицание объективности прекрасного является средством на пути к достижению идеала скептика — «невозмутимость в том, что подлежит мнению, и умеренность в том, что мы вынужденно испытываем».²²⁶ «Ибо кто высказывает мнение, что нечто само по своей природе прекрасно или дурно, постоянно смущается. . . Тот же, кто не имеет определенного суждения о том, что хорошо или дурно по природе, как не бежит от него, так и не гонится за ним напряженно, почему и остается невозмутимым».²²⁷

Стоики считали прекрасное объективно существующим как проявление телесной и духовной симметрии и гармонии: «Как красота тела есть симметрия членов, устроенных в отношении друг к другу и в отношении к целому, так и красота души есть симметрия разума и его моментов в отношении к ее целому и в отношении друг к другу».²²⁸ «Все прекрасное, чем бы оно ни было, прекрасно само по себе: похвала не входит в него составной частью», — писал Марк Аврелий.²²⁹ Для Сенеки природа —

²²⁵ История эстетики, Памятники мировой эстетической мысли, т. 1, стр. 158.

²²⁶ Секст Эмпирик, Три книги пирроновых положений, СПб., 1913, стр. 25.

²²⁷ Там же, стр. 24.

²²⁸ История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли, т. 1, стр. 139.

²²⁹ Марк Аврелий, Наедине с собой, М., 1914, стр. 44.

создательница прекраснейшего небесного свода — «художница и мать мироздания».²³⁰ Но это все еще не говорит о том, что стоики понимали прекрасное материалистически. Ведь по их учению сама природа — одухотворенная материя, слитая с богом.

В трагедии «Октавия» (которая, возможно, написана подражателем Сенеки и где сам Сенека выступает как действующее лицо) рисуется картина деградации человеческого рода. Когда-то был «золотой век». Тогда

Ни войн
Не знали люди, ни трубы гремевшей,
Ни грозного оружия, и город
Не окружали стенами. Для всех
Был путь свободен. Благами земли
Все сообща владели, и земля
Сама питала лоном плодородным,
Счастливая, признательных детей.²³¹

Теперь же Астрейя — богиня справедливости — «красота небес» — «совсем забытая с земли сбежала».

... давит нас
Громадный тяжкий век, когда царит
Злодейство и свирепствует нечестье.²³²

Но хотя «золотой век» общественной жизни людей далеко позади, отдельный человек и в этом мире может быть счастливым, если его дух «прекрасен и терпелив, приспособлен ко всем обстоятельствам» (Сенека).²³³ По словам Маркса и Энгельса, у стоиков «*блага*; мужественная красота, есть наивысшее, что должен воплотить в себе индивид...».²³⁴

Стоики усматривали сущность прекрасного в целесообразности: «Все же полезное Целому всегда прекрасно и благовременно».²³⁵ Значит, «и пасть льва, и яды, и все вредоносное, как шипы или тина, есть сопринадлежность совершенного и прекрасного».²³⁵ Поэтому утверждение стоицизмом объективной красоты мира в его целесообразности было связано с призывом к смирению: «счастлив тот, кто доволен настоящим, каково

²³⁰ Сенека, Римские трагедии, М.-Л., 1933, стр. 357.

²³¹ Сенека, Римские трагедии, стр. 358.

²³² Там же, стр. 359.

²³³ Древнеримские мыслители. Свидетельства. Тексты. Фрагменты. Изд. Киевского гос. университета, 1958, стр. 81.

²³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 124—125.

Следует отметить, что стоицизм, провозглашая индивидуалистический идеал, не отрицал вообще идеал общественной жизни. Однако последний представлялся не в виде какого-либо локального государства, но как соответствующее единой природе мировое общество всех людей.

²³⁵ Марк Аврелий, Наедине с собой, стр. 178.

²³⁶ Там же, стр. 82.

бы оно ни было, и не ропщет на свою участь» (Сенека),²³⁷ «приемли с радостью все совершающееся, даже если оно кажется тебе тягостным, ибо оно ведет к известной цели, к здравью мира, благоденствию Зевеса и успеху его начинаний. Ибо он никому не ниспослал бы этого, если бы это не способствовало благу Целого» (Марк Аврелий).²³⁸

Иное понимание прекрасного и идеала человеческой жизни было в философии и эстетике эпикуреизма. В поэме «О природе вещей» замечательного материалиста древности эпикурейца Лукреция прекрасное, существующее в мире, связано с его строением из определенного числа форм атомов — «семян вещей». Если бы, пишет Лукреций, семена вещей были бесконечно различны по формам, то имеющиеся в мире красивые предметы и явления померкли бы совсем «перед яркостью новых предметов».²³⁹ С другой стороны, «могло б и в худшее все обращаться тем же путем, как оно достигать бы могло совершенства».²⁴⁰

Обращаясь к Венере — богине любви и красоты, — великий поэт-атеист говорит:

... одна ты в руках своих держишь кормило природы,
И ничего без тебя на божественный свет не родится,
Радости нет без тебя никакой и прелести в мире.²⁴¹

Природа научила людей создавать и красоту искусства.²⁴²

Лукреций рисует картину прогресса человечества и его культуры, но современное ему состояние общества не радует его. В поэме Лукреция содержится мысль об извращающей природе денег, о том, как вынуждена красота в современном мире подчиниться богатству:

Позже богатство пришло и золото было открыто,
Что без труда и красивых и сильных лишило почета,
Ибо за тем, кто богаче, обычно следуют свитой
Те, кто и силой своей и красотой богачей превосходит.²⁴³

И для Лукреция «золотой век», когда «народ, благочестия полный, в древности жизнь проводил беззаботно, довольствуясь малым»,²⁴⁴ остался позади. И только богиня любви и красоты может сделать так, «чтоб жестокие распри и войны и на земле, и в морях повсюду замолкли и стихли».²⁴⁵

²³⁷ Древнеримские мыслители, стр. 51.

²³⁸ Марк Аврелий, Наедине с собой, стр. 60.

²³⁹ Лукреций, О природе вещей, I. Изд. АН СССР, 1946, стр. 101.

²⁴⁰ Там же, стр. 103.

²⁴¹ Лукреций, О природе вещей, стр. 9.

²⁴² См. там же, стр. 361—363.

²⁴³ Там же, стр. 347.

²⁴⁴ Там же, стр. 141.

²⁴⁵ Там же, стр. 9.

В неоплатонизме — последней странице античной философии и эстетики — возрождается объективно-идеалистическое понимание прекрасного. Неоплатоник Плотин подвергает остроумной критике представление о том, что «быть прекрасным — значит быть симметричным и соразмерным».²⁴⁶ «Если же одно и то же лицо, при остающейся неизменною симметрии, иногда кажется прекрасным, иногда же не прекрасным, то разве не надлежит сказать, что прекрасным будет в том, что соразмерно, нечто иное, и соразмерное будет прекрасным через это иное?» — риторически спрашивает Плотин.²⁴⁷ Но это иное в «прекрасном здесь», по его мнению, есть свидетельство существования «прекрасного там». В божестве «источник прекрасного и всего подобного».²⁴⁸ Напротив, с материей связано все безобразное. Плотин полагает, что «мы едва ли ошибемся, сказав, что душа становится безобразною в силу смешения и соединения с телом и материей и склонности к ним».²⁴⁹

Плотин противопоставляет земную жизнь, с ее раздорами и беспорядками, торжеством несправедливости, миру божества, где царят порядок, мир и красота. Как убедительно показал А. Л. Кац в своей работе «Социально-политические мотивы в философии Плотина по данным Эннеад», «высший мир, согласно учению неоплатоников, это прообраз земного мира и рассматривается как идеально управляемое государство». Поэтому этот божественный мир «представляет собой социально-политическую утопию той общественной группы, интересы которой выразились в его философии».²⁵⁰

Таким образом социально-политический идеал Плотина и его учение о прекрасном сливаются на религиозно-мистической основе. В неоплатонизме культ красоты становится формой религиозного культа, средством отрешения от тягот бренной и суетной действительности, в которой совершался полный распад рабовладельческой формации. Как сообщает Порфирий, Плотин хотел при помощи римского императора Галлиена построить город Платонополь, в котором должен был бы осуществиться платоновский идеал государства. Но цель этого неосуществившегося замысла была не столько политическая, сколько религиозная. Платонополь представлялся Плотину как прибежище избранных мудрецов, в котором они будут заниматься богосозерцанием. Хотя неоплатонизм боролся с христианством, эстетика последнего формировалась под сильным воздействием мистического учения Плотина о прекрасном.

Объясняя не ослабляемый временем интерес к древнегрече-

²⁴⁶ Античные мыслители об искусстве, стр. 244.

²⁴⁷ Там же, стр. 245.

²⁴⁸ Там же, стр. 249.

²⁴⁹ Там же.

²⁵⁰ «Вестник древней истории», 1957, № 4 (62), стр. 117.

ской культуре, Ф. Энгельс в качестве одной из причин этого интереса отмечает то, что «в многообразных формах греческой философии уже имеются в зародыше, в процессе возникновения, почти все позднейшие типы мировоззрений».²⁵¹

Эта характеристика греческой философии в полной мере относится и к античной эстетике. Здесь перед нами предстают в классически ясных формах основные типы исследования проблемы прекрасного: материалистический (Гераклит, Демокрит, Аристотель, эпикуреизм), объективно-идеалистический (пифагореизм, Платон, стоицизм, неоплатонизм) и субъективно-идеалистический (софисты, скептицизм). Каждая из этих концепций прекрасного соответствует определенным социально-политическим идеалам, обладая тенденцией к аристократизму или демократизму, утверждая или отрицая связь личных и общественных идеалов, помогая или мешая процессу общественного развития. Конечно, отношение между гносеологической и социальной трактовкой прекрасного не является прямолинейно однозначным. Оно во многом зависит от конкретно-исторических условий и неповторимых особенностей мировоззрения того или другого мыслителя. Но, вместе с тем, античная эстетика неоспоримо свидетельствует о закономерном характере этого отношения, о существовании логического звена между учением о красоте и социально-политическими идеалами.

Поступила в редакцию 15 мая 1964 г.

---

²⁵¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 369.

**Авторы VIII выпуска «Трудов по философии» Тартуского
государственного университета**

- Ребане Я. К. — доцент кафедры философии ТГУ
Макаров М. Г. — доцент кафедры философии ТГУ
Тамместе Р. А. — аспирант кафедры вычислительной математики ТГУ
Лившиц В. М. — главный технолог комбината (г. Кивиули)
Таммару Ю. В. — аспирант кафедры философии ТГУ
Вихалемм Р. А. — аспирант кафедры философии ТГУ
Хютт В. П. — аспирант кафедры философии ТГУ
Рейнвальд Т. И. — старший преподаватель кафедры философии ТГУ
Хайкин Я. З. — доцент Челябинского политехнического института
Созонтов Г. М. — доцент Горьковского инженерно-строительного ин-
ститута
Столлович Л. Н. — доцент кафедры философии ТГУ

СОДЕРЖАНИЕ

Ребане Я. К. О гносеологических корнях идеализма	3
Макаров М. Г. Некоторые аспекты категории цели в связи с развитием кибернетики	19
Тамместе Р. А. О понятии информации	37
Лившиц В. М. К вопросу об оптимальности форм мышления	55
Таммару Ю. В. К вопросу о философском содержании понятия симметрии	65
Вихалемм Р. А. О «двуслойности» структуры и о соотношении квантовой механики и химии	72
Хютт В. П. Категории «абсолютное» и «относительное» в историко-философском освещении	89
Рейнвальд Т. И. Стимулы к труду и их структура	113
Рейнвальд Т. И. Коммунистическое отношение к труду как нравственное отношение	125
Хайкин Я. З. Диалектика убеждения и принуждения при регулировании общественных отношений	149
Созонтов Г. М. Об эстетическом восприятии	156
Столлович Л. Н. Проблема прекрасного и общественный идеал в античной эстетике	167

Тартуский государственный университет
ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли, 18

ТРУДЫ ПО ФИЛОСОФИИ VIII

На русском языке

Редактор Р. Блюм

Корректор С. Смирнов

Технический корректор А. Правдин

Сдано в набор 11/XI 1964. Подписано к печати 30/III 1965. Бумага 60×90. 1/16. Печатных листов 13,25. Учет.-издат. листов 14,75. Тираж 500 экз. МВ 03156. Заказ № 8655.
Типография им. Ханса Хейдеманна, ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли, 17/18. 1.

Цена 1 руб.